

РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

ШАМБЕЗОДА МУХАЙЁ ХУСРАВОВА

**ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА
«МУҲОЦИР/МИГРАНТ» В ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКЕ**

Специальность: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:

д.ф.н., профессор Искандарова Д. М.

Душанбе-2024

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	<i>4-12</i>
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПТА В ЯЗЫКОВОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНАХ МИРА	
1.1. Концептуальная, языковая и национальная картины мира	<i>13-25</i>
1.2. Лингвокогнитивный и лингвокультурологический подходы к изучению концепта.....	<i>25-32</i>
1.3. Концепт и концептосфера.....	<i>32-40</i>
1.4. Подходы к исследованию концептов и методы их анализа.....	<i>40-50</i>
1.5. Номинативное поле концепта. Лексико-семантическое и концептуальное поле концепта.....	<i>50-55</i>
Выводы к первой главе	<i>55-59</i>
ГЛАВА 2. ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА «МУҲОЦИР/МИГРАНТ» В ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКЕ	
2.1. О причинах миграции в постсоветском Таджикистане и расширение объема концепта «МУҲОЦИР/МИГРАНТ».....	<i>60-67</i>
2.2. Языковая объективация лексико-семантического поля концепта «Муҳочир/Мигрант» в лексической системе таджикского языка.....	<i>67-89</i>
2.3. Отражение лексико-семантического поля концепта «Муҳочир/Мигрант» во фразеологической системе таджикского языка.....	<i>89-105</i>
Выводы ко 2 главе	<i>105-108</i>
ГЛАВА 3. АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ КОНЦЕПТА «МУҲОЦИР/МИГРАНТ» В ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКЕ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)	
3.1. Ассоциативный эксперимент как один из методов концептуального анализа.....	<i>109-112</i>
3.2. Реализация концепта «Муҳочир/Мигрант» в языковом сознании носителей таджикского языка (на материале полученных реакций респондентов).....	<i>113-116</i>

3.2.1. Экспликаты – синонимы концепта «Мухочир /Мигрант» с положительными и отрицательными коннотациями.....	116-128
3.2.2. Ассоциаты, актуализирующие парадигматический и синтагматический типы отношений.....	128-134
3.3. «Переселенец» как основной компонент концепта «Мухочир /Мигрант».....	134-141
Выводы к 3 главе.....	141-143
Заключение.....	144-157
Литература.....	158-177

ВВЕДЕНИЕ

Вторая половина XX века и особенно начало XXI характеризуются антропоцентризмом в языкознании, как и в других общественных науках. В центре научных исследований находится человек, в рамках каждой науки появляются новые направления, в языкознании формируется «когнитивная лингвистика», известная как «лингвистическое направление, в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент – система знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и трансформировании информации» [Кубрякова, 1994:53]. Основным понятием данного направления является концепт.

Актуальность исследования состоит в том, что репрезентация концепта «Муҳоҷир/Мигрант» в лексико-фразеологической системе таджикского языка не была предметом изучения в таджикском языкознании. Актуальность диссертационной работы также определяется тем, что концепт, как отмечалось выше, имеет тенденцию к обогащению своего объема в связи с динамикой развития миграционного дискурса, что можно легко определить через проведение свободного ассоциативного эксперимента. В таджиковедении указанное явление не было рассмотрено как результат когнитивной деятельности, хотя уместно отметить, что концепт «Муҳоҷир/Мигрант» является базовым в концептосфере таджикского языка.

Степень разработанности темы. Конец прошлого века характеризуется целым рядом социальных перемен, которые не могли не сказаться на жизни многих жителей различных регионов. Распад советского государства вместе с глобализацией и расширением миграционных процессов привел к массовым перемещениям населения как на постсоветском пространстве, так и в дальнем зарубежье. Широкое распространение миграционных потоков становится основной причиной привлечения внимания как к процессу миграции, так и непосредственно к мигрантам и их языку. В лингвистике утверждается понятие «миграционный

дискурс», который становится по своей значимости равным политическому и другим дискурсам. Степень значимости данного направления настолько существенна, что с 2019 года начинает выходить научный журнал «Миграционная лингвистика», который публикует материалы, освещающие актуальные вопросы миграции и отражение данной проблемы в лингвистических исследованиях. Коль скоро интерес к миграционным процессам с каждым годом повышается, а сам процесс не угасает, изучение концептов «миграция» и «мигрант», и их актуализации и расширения значения в языке под воздействием социальных процессов становится актуальным для лингвистов.

За последние десятилетия вышло множество исследований российских ученых в указанной области, среди которых следует отметить работу Е. В. Комаровой «Понятие «мигрант» в медиатекстах России и Великобритании: этнокультурная специфика вербальной репрезентации», Е.О. Зубаревой «Моделирование концептуального поля «миграция»», Зубаревой Е.О. «Концепт "мигрант" в миграционном дискурсе (на материале свободного ассоциативного эксперимента)», Т. Н. Дмитриевой «Реализация политики адаптации и интеграции мигрантов в Российской Федерации как фактор развития институтов гражданского общества», Е. В. Малаховой, С. В. Шустовой «Репрезентация концептов МИГРАЦИЯ / МИГРАНТ в сознании носителей русского языка», Е. И. Боровицкой «Языковые средства создания лингвокультурного образа мигранта (на материале художественных текстов и их переводов)», С. В. Шустовой, Е. О. Зубаревой «Концепт МИГРАНТ в контексте лингвотолерантности (на материале свободного ассоциативного эксперимента)», А.Ю. Абрютиной «Особенности лингвокультурного типажа «мигрант»», А.И. Евдокимова «Этнокультурная идентичность в условиях внешнего миграционного давления (на примере жителей республик Южной Сибири)», Ю. Г. Ефимова «Миграция в современном политическом процессе», Л. А. Прыткиной, С. В. Шустовой «Репрезентация концепта migrant в языковом сознании носителей английского и французского

языков», Р.П. Баканова, Л.Г. Егоровой, Д.В. Туманова «Динамика концепта «мигрант» в конструировании образа «другого» в печатных российских СМИ», Н.Д. Андреева «Концепт миграции в философии: пути становления», аналитический обзор Е. О. Опариной «Концепт МИГРАЦИЯ как база для осознания и оценки миграционной практики в обществе и культуре» и многие другие работы.

В таджикском языкознании проблемы когнитивной лингвистики впервые стали предметом исследования на кафедре теоретического и прикладного языкознания Российско-Таджикского (Славянского) университета под руководством доктора филологических наук, профессора Д.М. Искандаровой. За последние двадцать лет защищены десятки кандидатских и докторских диссертаций, проведено множество конференций и круглых столов, опубликованы статьи и монографии, среди которых следует отметить работы М. Б. Давлатмировой "Универсальное и этноспецифичное в языковой репрезентации макроконцепта "Судьба" (на материале таджикского, арабского и шугнано-рушанской группы языков)", Н.И. Каримовой «Пространство как категория концептуализации языковой картины мира (на материале русского, польского и таджикского языков)», Х.Х. Курбановой «Национально-специфические особенности концепта "Сабр" (Терпение) в таджикской и русской этнолингвокультурах», Ф. Д. Азизова «Репрезентация концепта «Гнев» в лексико-фразеологической системе русского и таджикского языков», А.О. Пак «Сопоставительное исследование концепта "красота" в китайском и русском языках», Ф.С. Махмудовой «Лексико-семантическое поле «добро/зло» в таджикской и китайской языковых картинах мира» и многие другие. «Миграционная лингвистика – активно развивающееся направление, в рамках которого проводится анализ динамических процессов в языке, обусловленных миграционными процессами, особенности речевой адаптации, типичные коммуникативные ситуации, а также образование новых языков и пиджинов, возникающих в результате межкультурного общения для его упрощения.

Миграционная лингвистика тесно взаимодействует с политической лингвистикой, лингвоэкологией, этнопсихолингвистикой, контактной и пространственной лингвистикой, когнитивной лингвистикой, социолингвистикой и лингвокультурологией, а также корпусной лингвистикой» [Зубарева, 2024:8].

Концепт «Мухочир/Мигрант» становится одним из базовых концептов в языковой картине носителей многих языков, в том числе и таджикского. Массовая трудовая миграция и миграция, связанная с гражданской войной в Таджикистане, усиливает интерес лингвистов и специалистов других областей к данной проблеме, однако исследование самого концепта «мигрант» в таджиковедении проводится впервые. Указанные выше работы российских ученых в основном посвящены отражению восприятия мигрантов как представителей чужой страны и чужой культуры носителями других языков. «В этом случае нас интересует, как носители русского языка воспринимают мигрантов с учётом мотивации, целей, намерений, эмоционально-психического настроения, функции и роли в определённых коммуникативных событиях. Не менее актуальными являются и ценностные установки, которыми определяется мировосприятие мигрантов. В этой связи возникает вопрос, насколько объективно носитель языка титульной нации характеризует эти установки» [Шустова, Зубарева, 2022:199]. Наше исследование носит несколько другой характер, а именно, отражение концепта «мигрант» в лексико-фразеологической системе таджикского языка с привлечением большого объема лексикографического материала, данных Национального корпуса таджикского языка, а также итогов проведенного свободного ассоциативного эксперимента с носителями таджикского языка. «Основной единицей анализа, соответственно, выступает концепт, точнее его вербализованная часть, которая представлена ключевым словом» [Зубарева, Шустова, Исаева, 2019:22].

Значимость миграционного процесса для Республики Таджикистан подтверждается тем, что при Правительстве РТ в целях оказания

определенной помощи мигрантам Указом Президента страны от 21 января 2011 года за №1014, образована Миграционная служба. Задачи данной службы все время корректируются и расширяются. Сегодня среди множества функций данной организации следует выделить процесс регулирования трудовой миграции граждан, проведение курсов обучения трудовых мигрантов самым востребованным профессиям, подписание прямых договоров с регионами ближнего и дальнего зарубежья в целях организации обеспечения работой, содействие деятельности организаций соотечественниками за пределами республики и решение многих других вопросов, связанных с данным процессом.

Не представляется сложным усмотреть расширение объема концепта «Муҳоҷир/Мигрант» в таджикском языке в связи с устойчивостью миграционного процесса в таджикском обществе и, соответственно, миграционного дискурса. «Гибкость концептуального поля связана с подвижностью лексического значения, которое легко «откликается» на разнообразные ассоциации, отражая их и включая в процесс коммуникации» [Зубарева, Шустова, Исаева, 2019:23].

Целью работы является комплексное исследование семантического объема и структуры концепта «Муҳоҷир/Мигрант» в языковой картине мира носителей таджикского языка, а также его языковой экспликации в различных сферах.

Для достижения указанной цели необходимо решение следующих **задач**:

- 1) изучить и проанализировать теоретическую базу по проблемам языковой картины мира, лингвокультурологии и когнитивной лингвистики;
- 2) изучить и описать отражение концепта «Муҳоҷир/Мигрант» в языковом сознании носителей таджикского языка через анализ лексико-фразеологической системы языка;
- 3) провести свободный ассоциативный эксперимент с целью анализа отражения концепта «Муҳоҷир/Мигрант» в языковом сознании таджиков;

4) определить роль и место изучаемого концепта «Муҳоҷир/Мигрант» в языковой картине носителей таджикского языка и описать его национально-культурную специфику;

5) определить значимость концепта «Муҳоҷир/Мигрант» как одного из базовых элементов в концептосфере носителей таджикского языка;

6) провести лексикографический анализ ключевого слова и синонимического ряда концепта «Муҳоҷир/Мигрант» в таджикском языке.

Объектом исследования является концепт «Муҳоҷир/Мигрант» как ключевой концепт концептосферы носителей таджикского языка.

Предметом исследования является отражение концепта «Муҳоҷир/Мигрант» в лексико-фразеологической системе таджикского языка и в языковом сознании таджиков.

Материалы исследования извлечены из лексикографических источников посредством репрезентативной выборки, через отражение данного концепта в различных текстах Национального корпуса таджикского языка, а также посредством проведения и анализа свободного ассоциативного эксперимента.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые в таджикском языкознании проводится многоаспектное исследование концепта «Муҳоҷир/Мигрант», особенностей его репрезентации в лексико-фразеологической системе таджикского языка на основе репрезентативных языковых данных, собранных путем сплошной выборки из толковых и фразеологических словарей таджикского языка, Национального корпуса таджикского языка. Впервые посредством свободного ассоциативного эксперимента показано отражение данного концепта в языковом сознании носителей таджикского языка. Важно также, что в научном дискурсе впервые вводится языковой материал, составляющий интерпретационное поле концепта «Муҳоҷир/Мигрант», охватывающее различные оценки и суждения, формируемые на базе концепта и представляющие его признаки во всем его семантическом многообразии.

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что представленное в ней описание способов репрезентации концептов на примере концепта «Мухоҷир/Мигрант» вносит вклад в дальнейшие исследования концептосферы таджикского языка. Работа также расширяет знания о развитии когнитивной структуры слова, представляя лингвокультурный концепт как форму национально-ментального восприятия мира.

Практическая ценность исследования обусловлена возможностью использования его материалов и выводов в преподавании дисциплины общее языкознание, а также в курсах таких дисциплин, как лингвоконцептология, когнитивная лингвистика, теория дискурса и межкультурной коммуникации, при создании ассоциативного словаря, словаря концептов таджикского языка. Материалы исследования могут быть полезны при проведении исследований по вопросам миграции в таких областях знаний, как социология, психология, политология, межкультурная коммуникация.

Методология и методы исследования. Методологической базой работы послужили теоретические положения и основы лингвокогнитивного подхода концептуального анализа, разработанных в трудах В.И. Карасика, Ю.С. Степанова, В.А. Масловой, Н.Ф. Алефиренко, И.В. Стернина, З.Д. Поповой, Е.С. Кубряковой, В.Н. Телия, С.Г. Воркачева и других. В процессе работы использованы общенаучные, лингвистические методы и методы обработки материала: описательный, сравнительно-сопоставительный метод, методы концептуального, компонентного анализа, свободного ассоциативного эксперимента, корпусного и количественного анализа.

Положения, выносимые на защиту:

1. Концепт «Мигрант/Мухоҷир» является базовым концептом концептосферы таджикского языка. Результаты исследования доказывают, что концепт обладает большим смысловым объемом и сложной семантической структурой.

2. В связи с преобразованиями в общественной жизни таджикского народа и расширением процесса миграции концепт «Мигрант/Муҳоҷир» расширил объем своего употребления и его содержание претерпело существенное изменение.

3. На основе выявленных в ходе исследования когнитивных признаков концепта, собранного материала и отражения их в Национальном корпусе таджикского языка можно утверждать о новых когнитивных признаках концепта «Мигрант/Муҳоҷир», возникших в новых социальных условиях.

4. Появление и закрепление в языковом сознании таджиков новых когнитивных признаков концепта «Мигрант/Муҳоҷир» связано, прежде всего, с широким употреблением слова **Муҳоҷир** в речевой практике таджиков, расширением смыслового объема концепта в связи со значимостью миграционного процесса, включением концепта «Мигрант/Муҳоҷир» в языковое сознание носителей таджикского языка, его активным присутствием в миграционном дискурсе.

5. Проведенный свободный ассоциативный эксперимент подтвердил реальность когнитивных признаков концепта, представленных в диссертации в результате анализа репрезентации концепта «Мигрант/Муҳоҷир» в лексико-фразеологической системе таджикского языка.

6. Концепт «Мигрант/Муҳоҷир» обладает национальной спецификой, что определяет данный концепт как один из наиболее значимых концептов в концептосфере носителей таджикского языка.

Степень достоверности полученных результатов. Достоверность полученных результатов основана на привлечении широкой эмпирической базы исследования, в том числе проведении репрезентативной выборки языкового материала из лексикографических источников и Национального корпуса таджикского языка, использовании адъективных методов исследования,

включая корпусный и ассоциативный эксперимент, и, наконец, апробированной теоретической литературы.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации были изложены в 7 публикациях, 3 из которых опубликованы в журналах, рекомендуемых ВАК РФ, докладах на внутривузовских и республиканских конференциях (1919-2024 гг.). Работа обсуждена и рекомендована к защите на кафедре теоретического и прикладного языкознания и кафедре восточных языков факультета иностранных языков Российско-Таджикского (Славянского) университета, где выполнялась работа, и на кафедре восточных языков Российско-Таджикского (Славянского) университета.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка используемой научной литературы. Общий объем составляет 177 страниц компьютерного набора.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПТА В ЯЗЫКОВОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНАХ МИРА

1.1. Концептуальная, языковая и национальная картины мира

В конце прошлого и в начале нынешнего века особый интерес лингвистов привлекло новое направление, возникшее на стыке культурологии и лингвистики. Предметом лингвокультурологии как междисциплинарной научной дисциплины стало исследование отражения национального мировосприятия и мировидения носителями конкретного языка через изучение менталитета народа, его культурных ценностей, быта, истории, традиций и духовных ценностей. Как отмечает известный исследователь данного направления М.Л. Ковшова, «лингвокультурологическое направление разрабатывает исследование языка, сознания, коммуникации, культуры как целостного феномена и ставит человека в центр этого объекта» [Ковшова, 2013:13]. В.В. Воробьев утверждает, что «лингвокультурология — комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве языкового и внеязыкового содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления» [Воробьев, 1997:37].

В недрах лингвокультурологии зародилось значимое для исследователей языка направление, получившее название лингвистической концептологии, в рамках которой изучаются и формируются основные понятия и терминологическая система лингвистической концептологии. Концептуальный анализ стремится осветить взгляд на окружающий мир с точки зрения специфического национального мировидения, отраженного в национальном языке. В основу положена идея, восходящая к мысли основоположника общего языкознания В. фон Гумбольдта о неразрывной связи языка и мышления, языка и культуры, роли языка в познании окружающего мира, утверждающего, что «через многообразие языков для

нас открывается богатство мира и многообразие того, что мы познаем в нем; и человеческое бытие становится для нас шире, поскольку языки в отчетливых и действенных чертах дают нам различные способы мышления и восприятия» [Гумбольдт, 1985: 349]. Из этого следует, что именно язык способен отразить и передать национальную специфику культурных традиций народа, показать именно его мир, его ощущение окружающей действительности. «Один и тот же фрагмент информационного континуума может члениться логико-понятийным компонентом разных языковых сознаний совершенно по-разному. Вот основные типы подобных различий:

1. Несовпадение объемов значений одноименных концептов.
2. Различная степень дифференциации значений одноименных концептов.

3. Прохождение границ между смежными концептами в разных языках
4. Лексические лакуны, обнаруживаемые только на фоне других языков» [Корнилов, 2003:180]. Исходя из сказанного, смело можно утверждать, что именно изучение большого количества языков способно представить нам все многообразие картины мира в целом. «Язык служит средством накопления и хранения культурно-значимой информации» [Маслова, 2001:11].

В когнитивной лингвистике существуют два достаточно важных понятия, составляющих суть лингвокультурологии: «языковая концептуализация мира» и «языковая картина мира». Когнитивная лингвистика определяет, что следует изучать не просто значение и структуру слова, но и невидимые связанные со значением знания о мире. «Языковая концептуализация мира — это процесс мыслительного преобразования данных, получаемых в опыте восприятия внешнего мира, посредством единиц, средств и категорий естественного языка» [Булыгина, Шмелев, 1997:7]. Самым важным результатом языковой концептуализации мира принято считать выведение концепта. Его изучение в разных языках в сопоставительном и сравнительном аспектах наглядно показывает, насколько

носители разных языков по-разному концептуализируют окружающую действительность, что лишний раз свидетельствует о правильности идей В. Фон Гумбольдта о связи языка и духа народа, о языке как посреднике между человеком и окружающим его мире. «Знание национально-специфических прототипов, общих для большинства языков концептов, — это составная часть когнитивной базы любого социума, объединенного общим языковым сознанием. Поэтому проникновение в иноязычную картину мира невозможно без знания национально-специфических прототипов общих понятий» [Корнилов, 2003:162].

Определение «языковой картины мира» достаточно точно дано Й. Л. Вайсгербером: «Словарный запас конкретного языка включает в целом вместе с совокупностью языковых знаков также и совокупность понятийных мыслительных средств, которыми располагает языковое сообщество; и по мере того, как каждый носитель языка изучает этот словарь, все члены языкового сообщества овладевают этими мыслительными средствами; в этом смысле можно сказать, что возможность родного языка состоит в том, что он содержит в своих понятиях определённую картину мира и передаёт её всем членам языкового сообщества» [Вайсгербер, 1993:153]. Ему принадлежит заслуга во введении в научный оборот понятия «языковая картина мира». Он также определил ее основные характеристики:

«1. Языковая картина мира – это система всех возможных содержаний: духовных, определяющих своеобразие культуры и менталитета данной языковой общности, и языковых, обуславливающих существование и функционирование самого языка.

2. Языковая картина мира, с одной стороны, есть следствие исторического развития этноса и языка, а, с другой стороны, является причиной своеобразного пути их дальнейшего развития.

3. Языковая картина мира как единый «живой организм» чётко структурирована и в языковом выражении является многоуровневой.

4. Языковая картина мира изменчива во времени и, как любой «живой организм», подвержена развитию.

5. Языковая картина мира создает однородность языковой сущности.

6. Картина мира какого-либо языка и есть та преобразующая сила языка, которая формирует представление об окружающем мире» [Вайсгербер, 1993: 231].

Несмотря на то, что данное понятие достаточно укрепилось в лингвокультурологии, существуют до сих пор значительные расхождения в восприятии и понимании «языковой картины мира». Для доказательства приведем несколько определений достаточно известных и авторитетных представителей данного направления. По мнению Л. А. Климковой, «ЯКМ, являясь инвариантом, представляет собой систему фрагментов (частных ЯКМ) – этнического, территориального (регионального), социального, индивидуального, отражая восприятие и осмысление окружающего мира человеком как представителем этноса, определенной территории (региона), социума, как личностью» [Климкова, 2008: 12].

Е.С. Кубрякова утверждает, что «языковая картина мира — особое интегральное образование, постоянно участвующее в познании мира и задающее образцы интерпретации воспринимаемого, включающего в себя не только огромный корпус единиц номинации, но и в известной мере и правила их образования и функционирования» [Кубрякова, 2004: 64–65].

Прозрачно утверждение Малгожаты Лучик, описывающей восприятие мира следующим образом: «Все знания человека о мире и самом себе (внешнем и внутреннем, эмоциональном, волевом и интеллектуальном), его мировидении и миропонимании, культуре, если они зафиксированы в языковых единицах, – это и есть языковая картина мира» [Малгожата Лучик, 2019:9]. Далее она достаточно недвусмысленно разграничивает концептуальную и языковую картины мира следующим образом: «Если концептуальная картина мира в большей степени – это глобальный, общечеловеческий и всечеловеческий образ мира, то языковая картина мира

в большей степени антропоцентрична, т. к. в ней присутствует человек, она отражает специфику человеческого способа миропонимания» [Малгожата Лучик, 2019:13].

Интересным представляется определение языковой картины мира, данное И.А. Стерниным: «Под языковой картиной мира предлагается понимать представление о действительности, отраженное в языковых знаках и их значениях – языковое членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений, заложенная в системных значениях слов информация о мире» [Попова, Стернин, 2001:68].

Можно привести еще десяток определений, однако все они будут представлять и отражать два аспекта данного понятия: широкое и узкое. Принципиального полярного отличия в них найти не представляется возможным. Все исследователи едины в том, что национальная языковая картина мира, определяющая мировосприятие носителей этнического языка, является тем проводником, который формирует отношение представителя каждого этноса к окружающему миру. «Любой национальный язык выполняет несколько основных функций: функцию общения (коммуникативную), функцию сообщения (информативную), функцию воздействия (эмотивную) и, что для нас особенно важно, функцию ФИКСАЦИИ И ХРАНЕНИЯ ВСЕГО КОМПЛЕКСА ЗНАНИЙ И ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ДАННОГО ЯЗЫКОВОГО СООБЩЕСТВА О МИРЕ» [Корнилов, 2003:4]. Именно это становится тем отличительным признаком носителей разных языков, которое и определяет разное восприятие одного и того же объекта.

Картина мира, будучи базисным понятием современной лингвистики, своей единицей имеет концепт. Так, например, В. А. Маслова отмечает: «Концептуальная картина мира как совокупность определённым образом организованных концептов значительно шире и богаче языковой картины мира, поскольку сведения о мире кодируются не только вербально» [Маслова, 2001:67]. Есть мнение, что обе названные картины соотносятся как

равноценные. Данную точку зрения поддерживают Г. В. Колшанский, Ю. Д. Апресян и другие. «Сравнение национальных языковых картин мира предполагает: 1) описание национальной специфики значений лексических и фразеологических средств языка, выявление в них семантических различий; 2) сравнение ключевых концептов лингвокультур; 3) выявление единичных концептов, отсутствующих в других лингвокультурах» [Малгожата Лучик, 2019:11]. Достаточно точное определение языковой картины мира мы находим в работах А.А. Зализняк: «"Языковой картиной мира" принято называть совокупность представлений о мире, заключенных в значении разных единиц данного языка ..., которые складываются в некую единую систему взглядов, или предписаний» [Зализняк, 2006, с. 206-207].

Просто и доступно выражена мысль Е. Б. Пенягина (мы ее разделяем и принимаем): «В языке, а следовательно и в ЯКМ, фиксируются результаты всей человеческой деятельности, получает отражение информация из всех областей человеческого знания» [Пенягина, 2022:16].

Если отталкиваться от тезиса Е.С. Кубряковой, «не все воспринятое и познанное человеком, не все, прошедшее и проходящее через разные органы чувств и поступающее извне по разным каналам в голову человека имеет или приобретает вербальную форму» [Кубрякова, 1988:142], то можно утверждать, что концептуальная картина мира гораздо шире, чем языковая картина мира, они соотносятся как часть и целое. «Современная когнитивная лингвистика считает необходимым принимать во внимание сосуществование и взаимодействие двух различных картин мира – концептуальной и языковой, исходя из того, что концептуальная картина мира богаче языковой» [Савченко, 2011:187]. Хотя исследователи признают существенную роль языка в восприятии окружающей действительности, однако не менее важную роль играет образ мышления, обусловленный национальной психологией. «Каждый национальный язык отличается своим видением материального мира, являющегося средой жизни и деятельности данного народа, присущими только ему языковыми средствами. В этом

отношении семантика каждой языковой единицы носит национально-своеобразный характер» [Ясин, 2012:478].

Следует остановиться также на термине «национальная языковая картина мира». Любой язык, независимо от его юридического статуса, численности на нем говорящих, наличия или отсутствия письменности и других значимых факторов, должен выполнять все функции языка, основными из которых, на наш взгляд, являются коммуникативная и аккумулятивная. Последняя фиксирует и хранит знания во времени и, с появлением письма, передает их на расстояние. «Результат осмысления мира каждым из видов сознания фиксируется в матрицах языка, обслуживающего данный вид сознания. Таким образом, следует говорить о МНОЖЕСТВЕННОСТИ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА: о научной языковой картине мира, о языковой картине мира национального языка, о языковой картине мира отдельного человека» [Корнилов, 2003:4].

Интересным представляется взаимодействие национальной языковой картины мира и научной картины мира. М. Планк утверждает, что формирование и закрепление в сознании картины мира проходит в два этапа. «Первый этап представляет субъективное восприятие мира. Именно этот этап и формирует национальную картину восприятия окружающей действительности. А так как субъективизм опирается на первичные ощущения, то национальные картины мира могут существенно отличаться» [Планк, 1958:106]. Второй этап он связывает с научным осмыслением закрепленных в национальной картине мира восприятий: «Чувственные ощущения, которые вызываются предметами у разных людей, могут не совпадать, картина мира, мира вещей, для всех людей одинакова, и можно сказать, что переход от чувственного мира к созданию его научной картины наступает тогда, когда вместо пестрого субъективного разнообразия выступает устойчивый объективный порядок, вместо случая — закон..!» [Планк, 1958: 106]. Хотя не следует, наверное, соглашаться в данной цитате с

утверждением, что «картина мира, мира вещей, для всех людей одинакова» [Планк, 1958:106].

Приведение для нашего исследования столь важной цитаты известного физика не должно удивлять, так как введением самого термина «картина мира» мы обязаны физике. Известный исследователь Г. Герц использовал термин по отношению к физической картине мира. М. Планк, понимает под физической картиной мира «образ мира», формируемый физической наукой и отражающий реальные закономерности природы. Интересна мысль А. Эйнштейна: «Человек стремится каким-либо адекватным способом создать в себе простую и ясную картину мира для того, чтобы оторваться от мира ощущений, чтобы в известной степени попытаться изменить этот мир созданной таким образом картиной» [Эйнштейн, 1967: 136].

И действительно, в 60-е гг. прошлого века в данном вопросе лидируют естественнонаучные дисциплины, чуть позже появляются работы в культурологии, психологии и только в 80-е годы вопрос о картине мира становится предметом лингвистики. В лингвистике достаточно точное определение дано представителями воронежской школы З.Д. Поповой и И.А. Стерниным: «Картина мира есть упорядоченная совокупность знаний о действительности, сформировавшаяся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании» [Попова, Стернин, 2002: 4].

Вопрос о научной картине мира становится все острее и на современном этапе развития научной мысли. Совершенно точное определение дано В.С. Шмаковым, который утверждает, что «современное состояние вопроса о статусе научной картины мира характеризуется достаточно большими сложностями. Выделяется несколько направлений в определении научной картины мира. Она представляется, во-первых, как раздел философского знания; во-вторых, как специфическая составная часть, компонента научного мировоззрения; в-третьих, как форма систематизации научного знания; в-четвертых, научная картина мира может рассматриваться как исследовательская программа» [Шмаков, 1990: 150].

Можно долго рассуждать относительно научной картины мира и ее влияния на формирование и расширение языковой картины мира, однако для нашего исследования более важным представляется национальная языковая картина мира, ибо именно национальное видение объекта может представить предмет или явление с позиции национального менталитета, особенно когда концепт продолжает формироваться и расширять свой объем. Тем более, что «НКМ (научная картина мира – М.Ш.) получает в каждом национальном языке национальную форму выражения посредством формирования национальных терминологий на родном языке носителей данного языка. Национальное языковое оформление ... лишь адаптирует универсальное знание к нуждам конкретного языкового сообщества» [Корнилов, 2003:13]. Хотя следует безоговорочно принять позицию О.А. Корнилова относительно того, что если «лексическое значение — это минимально необходимая и достаточная дефиниция для идентификации слова и обозначаемого объекта всеми носителями языка, то научное понятие — максимально возможная дефиниция, содержащая ВСЕ характеристики называемого объекта, которые признаются релевантными в данной области научного знания» [Корнилов, 2003:41].

И все же вернемся к национальной языковой картине мира. Как утверждал Г.Д. Гачев «...Какой «сеткой координат» данный народ улавливает мир и, соответственно, такой космос (в древнем смысле слова: как строй мира, миропорядок) выстраивается перед его очами. Этот особый «поворот», в котором предстает бытие данному народу, — и составляет национальный образ мира» [Гачев, 1988, с. 44]. Перед ученым не предстает ясное понимание того, каким способом отражается мир конкретным народом, в чем суть мировосприятия и почему же оно не может быть одним и тем же, а различается от одного языкового коллектива к другому. Действительно, сложно это себе представить, но это подтверждают многочисленные исследования в области когнитивной лингвистики. Именно сопоставительный анализ концептов разных языков дает нам возможность

увидеть это, но до конца понять и принять это сложно. «Определяющей сферой духовной культуры народов, важнейшим условием и одновременно органическим слагаемым социального прогресса является язык. Он пронизывает все формы общественного бытия, духовной культуры и общественного сознания, соединяя разнообразные способы общения, аккумулируя, таким образом, фундаментальные культурно-исторические ценности человечества» [Ясин, 2012:477]. Одним из реальных выходов из данной ситуации представляется влияние научной картины мира на языковую картину. Однако не всегда научное видение объекта отменяет ту закреплённую в языке наивную картину, к которой народ привык. Хрестоматийным примером может служить следующий вопрос. Уже давно всем известно, что земля вращается вокруг своей оси и происходит смена дня и ночи и движение солнца. Но практически ни в одном языке, во всяком случае знакомом нам, не исчезло наивное понятие «солнце встает и солнце садится». О.А. Корнилов попытался передать этот путь в виде следующей схемы: «непохожесть культур >) осознание этой непохожести —>—> попытки найти «коэффициент понимания» другой культуры —>—> «коэффициент понимания» = особый склад национального мышления >) отражение и фиксация склада национального мышления в языке. Отсюда закономерный вывод о неразрывной связи культуры народа и его языка» [Корнилов, 2003:77-78].

Рассуждая далее о специфике национальной языковой картины мира автор утверждает, что «исходя из антропоцентричности и этноцентричности языка вообще и ЯКМ отдельного языка в частности, провозглашают множественность «семантических вселенных»: сколько языков — столько и ЯКМ» [Корнилов, 2003:100]. Специфичность и оригинальность языковой картины того или иного народа становится прозрачной, и приходит понимание того, что данный язык является неповторимым, как и его мировосприятие и мировидение, только после сравнения с другими языками, с другой языковой картиной мира. При этом возникает возможность, а может

быть шире и потребность, увидеть окружающий мир через картину другого народа и расширить свои познания о том или ином объекте. «Языковые и культурные системы в огромной степени отличаются друг от друга, но существуют семантические и лексические универсалии, указывающие на общий понятийный базис, на котором основываются человеческий язык, мышление и культура» [Вежбицкая, 1996,:321—322]. Трудно принять рассуждения о развитости и неразвитости языков, как и утверждения о совершенности и не совершенности языка. Языки существенно могут отличаться друг от друга практически во многих областях, однако это не может стать основанием утверждать, что тот или иной язык лучше, а другой хуже. Каждый язык по-своему уникален и неповторим. Сравнение языков дает нам пищу для размышления, но не для выводов о совершенстве языка. «Каждый этнический язык — это уникальное коллективное произведение искусства, неотъемлемая часть культуры народа, орган саморефлексии, самопознания и самовыражения национальной культуры» [Корнилов, 2003:133].

Языковая картина мира представляет собой некое базисное понятие. Единицей данной картины является концепт, о котором речь пойдет в следующем разделе нашей работы. Следует отметить, что именно глубокое изучение концептов является основным путем представления национальной языковой картины мира, а их сопоставительный анализ с соответствующими концептами другого языка позволит ярко представить особенности мировидения носителей языка. Ю. Н.Караулов по этому поводу отмечает: «Между картиной мира, как отражением реального мира, и языковой картиной мира, как фиксацией этого отражения, существуют сложные отношения: границы между ними кажутся зыбкими, неопределёнными» [Караулов, 1976:271].

Языковая картина, как и этническая культура носителей языка, зависит от многих аспектов жизни народа, прежде всего от социально-исторических, политических, экономических, культурных, религиозных, географических

условий, форм хозяйствования, даже особенностей строения языка и многих других. Из них складывается образ жизни каждого народа. Каждый из перечисленных аспектов влияет на многочисленные стороны формирования концепта, затем концептосферы, а затем и национальной языковой картины мира. Именно поэтому каждый язык по-своему отображает, казалось бы, одни и те же элементы окружающего мира, вкладывая в них свой национальный колорит, который плотно связан с перечисленными выше компонентами, образом жизни и уровнями быта. Когда созданные определенным языковым сообществом образы предметов, явлений формируют когнитивное пространство, то в нем наглядно просматривается национальная маркированность. Спорна, но интересна в плане целей нашего исследования короткая фраза известного философа Л. Витгенштейна: «Границы моего языка означают границы моего мира» [Витгенштейн, 1994:80]. В. Гумбольдт неустанно в своих работах утверждает мысль о неразрывной и прочной связи человека и его языка, о том, что именно язык формирует его, составляет его дух и является неким промежуточным миром между ним и окружающей действительностью: «Человек думает, чувствует и живет только в языке и должен быть вначале сформирован им» [Гумбольдт, 1984:77]. Изучение национальной языковой картины мира вплотную подводит нас к близкому знакомству с менталитетом народа, с его мироощущением. Язык представляется «единственным средством, способным помочь проникнуть в скрытую от нас сферу ментальности, ибо он определяет способ членения мира в той или иной культуре» [Маслова, 2007:6]. Однако следует упомянуть известную и часто рассматриваемую в работах многих исследователей мысль о том, что следует учитывать принцип разграничения концептуального и семантического уровней. «Их дифференциация приводит к выделению неязыкового уровня концептуальной репрезентации и уровня языковой репрезентации, что, в свою очередь, обеспечивает существование концептуальной картины мира и языковой картины мира» [Беседина, 2010:35].

Изучение одного штриха национальной языковой картины мира таджиков мы предполагаем путем анализа концепта «Мухоҷир/Мигрант» через его репрезентацию в лексической и фразеологической системах таджикского языка, установлении синтагматических и парадигматических отношений, проведение свободного ассоциативного эксперимента.

1.2. Лингвокогнитивный и лингвокультурологический подходы к изучению концепта

Антропоцентризм в лингвистике выдвигает на передний план взаимодействие различных смежных наук. Именно междисциплинарный характер исследований стал основой открытия новых направлений, таких как социолингвистика, психолингвистика, этнолингвистика и другие. В ряду перечисленных дисциплин также стоят когнитивная лингвистика, когнитология, лингвокогнитология и лингвокультурология. Когнитивная лингвистика «выросла» из когнитологии в последней четверти прошлого века. Если привести определение данной дисциплины, данные ведущими исследователями, становится ясно, что указанное направление является достаточно многогранным. «Когнитивная лингвистика — лингвистическое направление, в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент — система знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и в трансформировании информации» [Краткий словарь когнитивных терминов, 1997:53]. «Когнитивная лингвистика исследует ментальные процессы, происходящие при восприятии, осмыслении и, следовательно, познании действительности сознанием, а также виды и формы их ментальных репрезентаций» [Попова, стернин, 2010:12]. «Когнитивная лингвистика нацелена на моделирование картины мира, на моделирование устройства языкового сознания» [Маслова, 2011:13]. Можно привести еще не один десяток определений данного направления лингвистики и все они будут отражать специфические особенности дисциплины, в рамках которых проводятся исследования.

Одним из значимых признаков является междисциплинарный характер, ее интересы переплетаются с такими смежными направлениями, как социолингвистика, психолингвистика, философия, этнология и многими другими гуманитарными науками.

Выше мы достаточно подробно осветили вопрос о языковой картины мира. Изучение самой языковой картины мира и концептов, составляющих концептосферу национального языка, занимается особое направление, получившее название концептологии. Исследование концептов проводится, прежде всего, посредством анализа процесса репрезентации того или иного концепта в лексической и фразеологической системе языка. В современной лингвистике можно выделить множество подходов к изучению концепта, определяемые, прежде всего, целевыми установками. В зависимости от этого выделяются следующие подходы:

- «1) лингвокогнитивный;
- 2) лингвокультурологический;
- 3) психолингвистический / нейропсихолингвистический;
- 4) семантический;
- 5) логико-понятийный;
- 6) логический;
- 7) интегративный» [Митяева, 2015:1422].

Для целей нашего исследования интересными представляются два подхода - лингвокогнитивный и лингвокультурологический.

Споры по поводу связей между двумя последними дисциплинами то разрастаются, то утихают, хотя единство мнений относительно научного статуса обеих дисциплин не вызывает сомнения ни у кого из исследователей. Возникновение лингвокогнитологии непременно связано как с когнитивной лингвистикой, так и с лингвокультурологией. Основатели воронежской школы З. Д. Попова и И. А. Стернин основными задачами данной дисциплины видят в исследовании концептов с точки зрения языковой репрезентации и определении места концепта в концептосфере конкретного

языка [Попова, Стернин, 2007: 22—23]. Шире в задачи науки входят определение роли лексико-фразеологических средств языка в формировании концепта, установление структуры, отражение концепта в национальных языковых картинах мира, а также методы его исследования. Лингвокогнитология - «это наука о концептах, их содержании и отношении концептов в концептосфере» [Карасик 2007: 5].

Много споров о первичности и вторичности данных дисциплин. Так одни исследователи склонны считать, что лингвокогнитология своим появлением обязана лингвокультологии (Ю. С. Степанов, Е. А. Селиванова, В. И. Карасик и другие). Другие считают, что лингвокогнитология «выросла» из лингвокультурологии и когнитивной лингвистики. В такой трактовке нам необходимо рассмотреть два аспекта изучения языка: лингвокогнитологический и лингвокультурологический.

Когнитология как направление своим появлением обязана трудам таких известных ученых, как Дж. Лакофф, Р. Лангакер, Р. Джакендофф. Они являются основателями направления, получившее название лингвокогнитологии. В их трудах были обозначены области исследования в рамках данного направления и определены единицы анализа. «Задачи нового лингвистического направления охватывали исследование языка как средства организации, обработки и передачи информации. В качестве опоры когнитивная лингвистика выбрала эмпирическую (основанную на опыте человека) и концептуальную базу языковых категорий и понятий» [Болдырев 2000: 5-6].

Значительный вклад в расширение теоретических аспектов лингвокогнитологии внесли труды известного исследователя Е.С. Кубряковой: «Язык выявляет, объективирует то, как увиден и понят мир человеческим разумом, как он преломлен и категоризован сознанием. Каждая языковая единица и особенно языковая категория могут рассматриваться как проявление указанных выше когнитивных процессов и в качестве специфических их результатов» [Кубрякова, 1997:38]. Заслуживают

внимания и более ранние работы таких ученых, как Г.В. Колшанский, Н.А. Слюсарева, в которых обращено внимание на указанный аспект исследования языка и которые стали определенным толчком в развитии рассматриваемого направления лингвистики. Позже пришло понимание того, что именно язык находится в центре когнитивной деятельности носителей языка и в нем “находят свое выражение все когнитивные процессы и способы” [Болдырев, 2000:11]. Предметом исследования лингвокогнитологии становится соотношение когнитивных и языковых структур, как человеческое познание окружающей действительности отражается в языковых единицах. Познание окружающей носителей языка действительности проводится через два процесса: процесс концептуализации (выделение значения посредством умственного осмысления) и категоризации. «Категоризация – главный способ придать воспринятому миру упорядоченный характер, систематизировать как-то наблюдаемое и увидеть в нем сходство одних явлений в противовес различию других» [Кубрякова, 1997:84].

Следует отметить, что данное направление в лингвистике привлекло огромное число исследователей самого различного ранга, что послужило толчком к расширению и углублению работ по когнитивной лингвистике, расширяется исследовательская база, формируется терминосистема дисциплины, расширяется поле концептов, которые подвергаются анализу, формируется методическая база. “Вся проблематика когнитивной лингвистики вращается вокруг ее основных категорий – концепт, концептуализация, категоризация, концептосфера (или картина мира)” [Попова, Стернин, 2001:8].

Как основная единица концепт требует определения. В работах исследователей-когнитологов существует множество определений данного понятия. Концепты располагают знаниями о существенных отличительных признаках, которые предопределяются множеством экстралингвистических факторов. По мнению Воркачева «существующие в лингвистике подходы к

пониманию концепта сводятся к лингвокогнитивному и лингвокультурному осмыслению этих явлений» [Воркачев 2002:76]. Однако в связи с важностью концепта как основной единиц лингвокогнитологии и лингвокультурологии его анализу в нашей работе отведен отдельный параграф. Во избежании повтора в данном разделе данный аспект рассматриваться не будет.

Во многих работах обсуждается вопрос о вербализованном и невербализованном концепте. В целом концепт вербализован. Отсутствие такового означает, что концепт не до конца познанного объекта, процесс познания не завершен. При завершении познания концепт вербализуется, что будет означать завершение процесса познания.

Лингвокультурология берет свой отсчет с 1991 года, когда в ИЯ АН РФ в сборнике «Логический анализ языка. Культурные концепты» было опубликовано несколько статей, посвященной данной проблеме. Несметное количество определений данной дисциплины сводятся к тому, что ясно из самого понятия – «наука, возникшей на стыке лингвистики и культурологии» (Маслова, 1997:8), целью которой является изучение аспектов культуры, вербализованные в языке. Данное направление, как и любое другое направление в лингвистике (да и не только в лингвистике) возникло, конечно же, не на пустом месте. Исследователи солидарны в том, что лингвокультурология тесно связана с гипотезой лингвистической относительности Сепира-Уорфа.

Лингвокультурология как научное направление признано, прежде всего, в России. «В западной научной традиции культурологию называют культурной антропологией, а лингвокультурологию – антропологической лингвистикой» [Воркачев, 2010:6]. Ключевым понятием в лингвокультурологии является концепт («культурный концепт»). «Лингвокультурный концепт по определению – это некий культурно-значимый смысл, находящий выражение в языке, где под «выражением» понимается совокупность языковых средств, иллюстрирующих, уточняющих или развивающих содержание этого концепта [Карасик, 2004:110]). Выше

мы рассматривали такие понятия, как языковая картина мира, национальная языковая картина мира, где не могли обойтись без анализа культурного аспекта и менталитета таджикского народа. Национальную языковую картину мира составляет совокупность концептов, где в каждом из них налицо существенные признаки, в том числе и культурные, то есть «лингвокультурология ориентируется скорее на изучение специфического в составе ментальных единиц и направлена на описание отличительных семантических признаков конкретных концептов» [Воркачѳв, 2010:7]. Ю. С. Степанов в структуре концепта выделял «понятийное, собственно культурное, собственно языковое (этимология, внутренняя форма) содержание» [Степанов 1997: 41].

Во многих работах известных лингвистов можно найти утверждения об отличии когнитивного и лингвокультурного концептов, специфические особенности которых можно найти в следующей цитате Г. Г. Слышкина: «1) для когнитивиста одному концепту соответствует одна языковая единица; для лингвокультуролога концепт обладает свойством полиапеллируемости, то есть может и должен реализовываться при помощи целого ряда единиц языка; 2) для когнитивиста каждому слову соответствует свой концепт; для лингвокультуролога именами концептов является ограниченное число культурно значимых единиц» [Слышкин, 2004:22]. Из сказанного можно вывести то, что для когнитивной лингвистики характерным представляется репрезентация концепта посредством языковых единиц, слова, словосочетаний, фразеологизмов. Полиапеллируемость лингвокультурного концепта заключается в том, что этот концепт представляет собой ««сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, тот «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, который сопровождает слово» [Степанов, 2001:14]. Известный лингвокультуролог В. А. Маслова во многих своих исследованиях утверждает, что культурных концептов в любом национальном языке значительное количество. Совершенно солидарен с ней

Ю. С. Степанов: концепт — «предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений. Концепт — основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [Степанов, 2001:41].

Таким образом, в структуре лингвокультурологического концепта можно выделить, с одной стороны, понятийный аспект, с другой стороны, образный аспект. Понятийная сторона заключена в слове, образная – в невербальных сторонах, «принимаемые» органами чувств. По словам В. И. Карасика, «эти подходы различаются векторами по отношению к индивиду: лингвокогнитивный концепт — это направление от индивидуального сознания к культуре, а лингвокультурологический концепт — это направление от культуры к индивидуальному сознанию» [Карасик, 2002: 97].

Связь языка и культуры достаточно интересно представлена в социолингвистике: “1) язык не является ни формой, ни элементом культуры; 2) язык - часть культуры; 3) язык – форма отражения культуры” [Швейцер, Никольский 1978:37]. Подобный прямолинейное утверждение ведущих социолингвистов объясняется тем, что в указанный период ни когнитивная лингвистика, ни тем более лингвокультурология не были признаны как самостоятельные направления языкознания. С приведенным социолингвистическим определением гармонирует следующее определение лингвокультурологии: «дисциплина, изучающая проявление, отражение и фиксацию культуры в языке и дискурсе» [Красных, 2002: 12].

Восприятие концепта в лингвокультурологии определяется тем, что концепт признается базовой единицей культуры, ее концентратом, которая «объединяет» в один комплекс научные достижения в области культуры, сознания и языка. «Лингвокультурный концепт как "стусток" этнокультурно отмеченного смысла обязательно имеет свое имя, которое, как правило, совпадает с доминантой определенного синонимического ряда либо с ядром определенного лексико-семантического поля» [Воркачев, 2003:20].

Лингвокогнитивный и лингвокультурный подходы к анализу концепта не исключают результаты друг друга, так как концепт – это ментальное

образование, которое выводит нас на концептосферу в целом, где культурный концепт представлен достаточно широко. Однако лингвокогнитивный подход и лингвокультурный подход отличаются вектором анализа концепта: первое направление исследование проводит от индивидуального сознания к культуре, второе направление - от культуры к индивидуальному сознанию. Лингвокультурный концепт, кроме всего связанного с лексической составляющей, включает в себя ценностный, понятийный и образный компоненты.

Таким образом, лингвоконцептология и лингвокультурология представляют самостоятельные научные направления в рамках когнитивной лингвистики со своими терминологическими аппаратами и методами исследования, основной единицей которых является концепт. В рамках этих двух подходов концепт представлен как ментальный способ отражения в лексико-фразеологической системе окружающей действительности в сознании носителей языка. Вместе с тем концепт содержит и значимую для носителей языка культурную информацию. В силу разноплановости концепта и представленного выше аспектов его исследования с точки зрения различных научных подходов однозначного терминологического определения концепта пока нет. «Когнитивная лингвистика и лингвокультурология обнаруживают, с одной стороны, сходные черты: интегративный подход к языку, максимальное внимание к диаде «язык – человек», стремление к исследованию концептов и картины мира. С другой, очевиден факт разграничения этих понятий» [Янмурзина, 2014:134].

1.3. Концепт и концептосфера

Рассмотренные выше понятия «языковая картина мира», «концептуальная картина мира» и «национальная языковая картина мира» ни в коей мере не могут обойтись без понятия «концепт», под которым «понимается мысленное образование, имеющее характер устоявшегося и типичного образа, выполняющее заместительную функцию» [Токарев, 2003:

8]. С одной стороны, концепт трактуется как минимальная единица информации, как «единица осмысленного (осознанного) знания о предмете или событии, их отдельных свойствах, характеристиках, взаимосвязях с другими предметами и событиями, которой оперирует человек в процессе речемыслительной деятельности» [Болдырев, 2009:26]. С другой стороны, концепт — «это основная единица ментальности, заключающая в себе яркое образное представление и пучок ассоциаций и коннотаций, репрезентируемых вербально языковыми единицами разных уровней» [Маслова, 2001: 4].

Во многих работах известных исследователей концепт рассматривается как элемент картины мира: «В концепте безличное и объективистское понятие авторизуется относительно этносемантической личности как закрепленного в семантической системе языка базового национально-культурного прототипа носителя этого языка» [Воркачев, 2001: 67]. Едины авторы многих работ и в том, что исследование концепта носит междисциплинарный характер.

Первым понятие концепта ввел в научный оборот в 1928 году С.А. Аскольдов-Алексеев. Под данным понятием он понимал «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределённое множество предметов, действий, мыслительных функций одного и того же рода» [Аскольдов, 1997:269]. Кроме мысли о замещительстве была еще одна мысль, которую сложно принять: «Концепты — это всегда индивидуальные представления, которым в некоторых чертах и признаках дается лишь общая значимость» [Аскольдов, 1997:269].

С.А. Аскольдов-Алексеев уже тогда не раз говорил о том, что данное понятие достаточно сложное и оно может по-разному интерпретироваться исследователями. В силу различных причин, основной из которых является идеологическая, мысль и сам термин надолго предаются забвению. Из истории лингвистических учений становится ясно, что 20-е годы прошлого столетия были не самыми благополучными для развития лингвистической

мысли, тем более, когда речь заходила о новом видении развития лингвистики, да еще и с иностранным термином. И только в 70-е годы прошлого века лингвисты стали использовать данный термин и определили границы его охвата. 80-е годы характеризуются не только утверждением в лингвистике самого термина, но и тем, что в российской науке появляется множество работ в области исследования различных концептов. Российское языкознание претерпевает серьезные изменения в плане расширения путей развития. Концепт становится ключевой единицей, вокруг которой разрастается огромное поле деятельности языковедов, культурологов, логиков и философов.

Однако не все исследователи одобряют эти тенденции в современной лингвистике. Так, например, Т. В. Дубровская пишет: «Антропоцентрический поворот и экспансионизм современного языкознания, на которые ученые нередко ссылаются в своих трудах, привел к парадоксальной ситуации. С одной стороны, лингвистика ломает границы и обращается к феноменам не собственно лингвистическим... С другой стороны, антропоцентризмом и расширением границ нередко оправдывают методологические неточности, неясности и размытости» [Дубровская, 2019:3]. Складывается впечатление, что автор приведенных слов мало знаком с трудами известных ученых в данной области (что не совсем реально), или она в рамках одной статьи не смогла убедить читателей в разумности идеи.

Д.С. Лихачёв дает следующее понимание концепта: «Я полагаю, что концепт существует не для самого слова, а, во-первых, для каждого основного (словарного) значения слова отдельно» [Лихачев, 1993:4]. Д.С. Лихачёв связывает и переплетает концепт со значением слова, более того, с каждым значением отдельно. В Кратком словаре когнитивных терминов под редакцией Е.С. Кубряковой находим следующее определение: «Концепт – оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания» [Кубрякова, 1996:90-92]. Словарь связывает концепт с картиной мира и всем объемом

знаний, единицей памяти. З.Д. Попова и И.А. Стернин дают слишком пространное определение данного понятия, но приведение такой объемной цитаты оправдано содержанием. Они утверждают, что концепт - это «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попова, Стернин, 2003:258]

Для нас наиболее приемлемой позицией представляется взгляд воронежской лингвистической школы. Это достаточно полное определение данного понятия во многом предопределяет и ориентиры нашего исследования. Трудно возразить тому, что концепт является «базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой» [Еремина, 2014:22], как и то, что он представляет «собой результат познавательной деятельности личности и общества» [Еремина, 2014:22]. Глубину мысли воронежской лингвистической школы можно понять и принять при анализе становления и совершенствования какого-либо концепта в том или ином языке, особенно в родном языке, где можно прочувствовать этнокультурную составляющую концепта.

Концепт является многомерной единицей, которая, по определению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, формируется из элементарных компонентов. Различаются концептуальные слои – ядерные, отражающиеся в словах, и периферийные, отражающиеся в различного рода ассоциациях, фразеологизмах, в моделях словоупотребления и словообразования и пр. [Попова, Стернин, 2003: 60-64] (именно этот путь анализа концепта принят в нашей работе).

Исходя из намеченного пути, следует обратить внимание на модель структуры концепта. Т.Б. Радбиль выдвинул следующую модель: «(1) само слово или словосочетание, обозначающее этот концепт в языке; (2) его семантические признаки и атрибуты; (3) его дефиниция ...; (4) его внутренняя форма; (5) набор смыслов и ассоциаций ...; (6) его функция; (7) его прагматика ...» [Радбиль, 2016: 236]. Принимая эту точку зрения за модель структуры концепта именно в указанной последовательности, мы постараемся выстроить свою модель рассматриваемого нами концепта.

Ядро, как правило, будут представлять лексические единицы, содержащие основное значение, обладающее наглядностью и самой высокой конкретностью. В процессе абстрагирования и отдаления от ядра (архисемы) лексические единицы будут формировать ближнюю и дальнюю периферию. Наглядно это представляется при проведении свободного ассоциативного эксперимента, где количество словоупотреблений безошибочно будет разводить лексические единицы по ядру и перифериям. Дополнительно данное разграничение достаточно убедительно будет подкрепляться результатами анализа репрезентации концепта во фразеологической системе языка. Следует отметить, что структура концепта не может быть строго структурирована как, например, другие системные явления языка (категория падежа, система согласных и т.д.). Разделение на ядро, ближнюю и дальнюю периферию – это максимум, в чем можно представить структуру концепта. Однако даже подобное представление не может быть устойчивым. Со временем в зависимости от многих факторов (как экстралингвистических, так и внутриязыковых) положение того или иного слова в поле концепта может сдвигаться как в сторону ядра, так и в сторону периферии.

И.А. Стернин в концепте выделяет базовый слой и когнитивные слои, а также выделяет несколько типов. «Когнитивными эти слои называются потому, что они отражают определенный результат познания внешнего мира, то есть результат когниции. Когнитивные слои образуются концептуальными признаками. Совокупность базового слоя и дополнительных когнитивных

признаков и когнитивных слоев составляют объем концепта» [Попова, Стернин, 2001:62].

Концепт имеет национальную окрашенность, что легко доказать при переводе текстов различных жанров с одного языка на другой. Может быть концепт, который сложно, а иногда невозможно передать на другой язык, просто отсутствует в другом языке. Или же внутри концепта может быть специфическое национальное видение той или иной семы, которая в другом национальном языке представилась совсем несущественной, то есть существующие в разных языках концепты могут не совпадать по своему содержательному наполнению. «Национальная специфика концептов может проявляться также в том, что в одной национальной концептосфере концепт является вербализованным, а в концептосфере другого народа этот концепт является скрытым, не имеет средств языковой объективации» [Попова, Стернин, 2001:76].

В первом параграфе мы рассматривали языковую картину мира. Из рассуждения и приведенных цитат известных исследователей становится ясно, что лингвистика, как и смежные с ней науки, все меньше внимания уделяют исследованию внутренней структуры языка и различных его систем, а более интересным для них представляется изучение роли языка в отражении окружающей действительности, аккумуляции средств передачи знаний. Появляется значительное количество работ, отражающих связь языка и культуры народа. Концепты образуют «своего рода культурный слой, посредничающий между человеком и миром» [Арутюнова, 1993:3].

При всей значимости данного направления в лингвистике сформировались два основных подхода к изучению концепта: лингвокультурологический, основные теории которого отражены в работах С. Г. Воркачева, В.И. Карасика, Н. А. Красавского, Ю.С. Степанова и многих других. Один из ведущих исследователей данного подхода утверждает: «Наибольший интерес для исследования представляют те концепты, которые отражают специфическую логику, свойственную носителям определенной

лингвокультуры» [Карасик, 2001:5]. То есть, по мнению В.И. Карасика, с точки зрения лингвокультурологического подхода к исследованию концепта к числу концепта относят единицы, обладающие «лингвокультурной спецификой, отражающие менталитет языковой личности определенной этнокультуры».

Второй подход - когнитивный, принципы изучения данного подхода отражены в работах Н.Д. Арутюновой, А.П. Бабушкина, Е.С. Кубряковой, Д.С. Лихачева, З.Д. Поповой, И.А. Стернина и многих других. «Когнитивный подход включает в число концептов лексемы, значения которых составляют содержание национального языкового сознания и формируют наивную картину мира носителей языка» [Нечаева, Мареева, 2007:166].

Следует отметить, что при всем том, что оба подхода стоят на определенном расстоянии в отстаиваемых позициях, нельзя сказать, что они противоречат друг другу в своих воззрениях. Если погрузиться в суть обоих подходов, то становится ясно, что оба подхода стремительно приближаются к одной и той же цели. Оба подхода вкладывают в основу изучение сути языкового сознания и объяснение различий в культурах носителей разных языков. Концепт имеет специфическое значение в каждом языке, если даже может быть много общего в значениях одного концепта в разных языках. Когда выше мы говорили о национальных языковых картинах мира, отмечали, что отличительные особенности различия предопределяются различным мировидением и мировосприятием, основанными на самобытности национальной культуры. Не вызывает сомнения тот факт, что национальную картину мира формируют концепты, тесно связанные с мировосприятием и культурой носителей языка. Именно поэтому указанные подходы не могут в своих конечных целях уйти далеко друг от друга. Так, в определении Н.Ф. Алефиренко эти два подхода отражаются в одной цитате: «Концепт – когнитивная (мыслительная) категория, оперативная единица «памяти культуры», квант знания, сложное, жестко неструктурированное смысловое образование описательно-образного и ценностно-

ориентированного характера» [Алефиренко, 2002:17]. Ю.С. Степанов в том же русле утверждает: «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, а с другой стороны – то, посредством чего человек входит в культуру» [Степанов, 2001:41]. Данное очень глубокое определение концепта приводит к выводу о том, что концепт – элемент сознания, через который проходит культурная информация и превращается в концепты. С другой стороны, наоборот, сами концепты образуют культурный слой языковой картины мира в национальной оболочке. Получается некий замкнутый круг, который все время способствует расширению сгустка каждого концепта, а значит и культурного слоя носителей языка, в обратной ситуации широкая культурная составляющая приводит к развитию национальной картины мира. В конечном итоге все сказанное приводит к совершенствованию знаний об окружающей действительности, членению и увеличению объема информации и, в конечном итоге, к совершенствованию менталитета носителей конкретного языка, ибо «концепт – это некое представление о фрагменте мира или части такого фрагмента, имеющее сложную структуру, выраженную разными группами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами и средствами» [Пименова, 2004:10].

Концепты языка составляют его концептосферу. Как было сказано выше относительно национальной специфики концептов, в этом же свете правомерно утверждать о том, что концептосферы даже родственных языков имеют существенные различия. Первым определением данного понятия было дано Д.С. Лихачёвым: «В совокупности потенции, открываемые в словарном запасе отдельного человека, как и всего языка в целом, мы можем назвать концептосферами. Концептосфера национального языка тем богаче, чем богаче вся культура нации» [Лихачев, 1993: 5, 9].

Интересным представляется мысль А.С. Акопова относительно понятия концептосферы: «Нет никакой принципиальной разницы между концептосферой и картиной мира; как существуют различные виды картины

мира в разных научных сферах (социальная, биологическая, художественная), так концептосфера является картиной мира в когнитивной лингвистике» [Акопов, 2015:103]. Позволим себе не согласиться с данным термином хотя бы потому, что выше нами были приведены несколько терминов (национальная языковая картина мира, научная картина мира, языковая картина мира, индивидуальная картина мира, групповая картина мира), которые по своему содержанию существенно отличаются друг от друга, отражая различные уровни отражения окружающей действительности. И, конечно, они по-разному отражают тот или иной концепт, служащий для формирования концептосферы. «Совокупность всех отдельных и в меру самостоятельных концептосфер образует концептуальное пространство» [Прохоров, 2005:80].

Таким образом, концепты вступают в разнообразные иерархические отношения, тем самым образуют концептуальные области. В свою очередь, концептуальные области образуют концептуальную систему, или иначе, концептосферу, «тот ментальный уровень или ту ментальную (психическую) организацию, где сосредоточена совокупность всех концептов, данных уму человека, их упорядоченное объединение» [Кубрякова, 1997:94]. Нельзя игнорировать при анализе структуры концептосферы семантическое пространство языка, которое является составной частью концептосферы. Смело можно прийти к мысли, что «концептосфера всегда шире семантического пространства языка, которое является частью концептосферы и получает свое выражение в системе языковых знаков» [Кадачиева, Абдулкадырова, 2019:68].

1.4. Подходы к исследованию концептов и методы их анализа

В современной научной литературе когнитивная лингвистика представлена целым рядом научных направлений, в которых отражены сходства и различия в подходах, в категориально-терминологическом аппарате, в постановке основных задач и методах исследования, а также в

классификациях научных направлений, представленных в работах следующих лингвистов: Е.С. Кубряковой, З.Д. Поповой, И.А. Стернина, В. И. Карасика и многих других.

Е.Н. Балашова в своей диссертации «Концепты Любовь и Ненависть в русском и американском языковых сознаниях» дает подробный анализ каждого подхода к пониманию термина *концепт*, описывает методы его исследования. Е.Н. Балашова выделяет 8 подходов к исследованию и моделированию концептов с целью наиболее полного и детального раскрытия понимания сущности концепта современными лингвистами [<https://www.dissercat.com/content/kontsepty-lyubov-i-nenavist-v-russkom-i-amerikanskom-yazykovykh-soznaniyakh>] (дата обращения: 1.06.2024]:

- лингвокогнитивный (И.А.Стернин, З.Д. Попова, В.Н. Телия, Е.С. Кубрякова, А. Соломоник, С.Д. Кацнельсон, Д.С. Лихачёв, С.А. Аскольдов);
- лингвокультурный (В.И. Карасик, Ю.С. Степанов, В.Н. Нерознак, В.Г. Зусман, В.В. Красных, В.А. Маслова, Н.Ф. Алефиренко);
- психологический (Е.А. Селиванова);
- психолингвистический (А.А. Залевская);
- нейропсихолингвистический; (А.Дамазио, Ф.Е. Василюк, А.Р.Лурия);
- семантический (А.П. Бабушкин, Н.Н. Болдырев);
- логико-понятийный (А. Вежбицкая, А. Д. Шмелёв);
- логический анализ культурных концептов (Н.Д.Арутюнова, Е.С. Яковлева, Т.В. Радзиевская, Р.И. Розина, Н.К. Рябцева).

Л.В. Попова в статье «Подходы к определению концепта» анализирует существующие в научной литературе подходы к определению концепта, а также систематизирует их и характеризует 15 направлений исследований концепта. При этом она выясняет, что «выделенные подходы могут взаимно дополнять друг друга, имеют сходства и различия» [Попова, 2013:313-315]:

1. Лингвистический (С.Г. Воркачев, Д.С. Лихачев, Ю.С. Степанов, В.П. Нерознак, Т.Н. Снитко, А.М. Кузнецов, В.А. Ефремов, А. Вежбицкая);
2. Семантический (В.А. Маслова, Н.Ф. Алефиренко, Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев);
3. По объему научного понятия (В.И. Карасик, С.А. Аскольдов, Д.С. Лихачев, С.Г. Воркачев, Т.В. Евсюкова, В.В. Колесов, М.В. Пименова, Т.Н. Снитко);
4. Концепт с точки зрения лингвокультурной специфики (Е.В. Бабаева, В.И. Карасик, Н.А. Красавский, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов);
5. Лексикографический (Л.В. Попова Н.Ю. Шведова);
6. Лингвокогнитивный (Ю.Е. Прохоров, Е.С. Кубрякова);
7. Когнитивные исследования (В.А. Ефремов, Е.С. Кубрякова, А.П. Бабушкин);
8. Психолингвистика (В.А. Ефремов, А.А. Залевская, Р.М. Фрумкина);
9. Лингвофилософский (В.А. Ефремов, Н.Д. Арутюнова);
10. Лингвокультурологический (В.А. Ефремов, Ю.С. Степанов, С.Г. Воркачев, В.В. Колесов, В.А. Маслова, С.Х. Ляпин, В.Н. Телия, И.А. Стернин, В.И. Карасик);
11. Лингвоконцептология (В.А. Ефремов, С.Г. Воркачев);
12. Психологический (М.В. Пименова, О.Н. Кондратьева, С.А. Аскольдов-Алексеев, Д.С. Лихачев);
13. Логический (М.В. Пименова, О.Н. Кондратьева, Н.Д. Арутюнова);
14. Философский (М.В. Пименова, О.Н. Кондратьева, В.В. Колесов);
15. Культурологический (М.В. Пименова, О.Н. Кондратьева, Ю.С. Степанов);
16. Интегративный (М. В. Пименова, О.Н. Кондратьева, С.Х. Ляпин).

Предложенная З.Д. Поповой и И.А. Стерниним классификация направлений исследований когнитивной лингвистики включает такие направления, как:

«культурологическое – исследование концептов как элементов культуры в опоре на данные разных наук (Ю.С. Степанов);

- лингвокультурологическое – исследование названных языковыми единицами концептов как элементов национальной лингвокультуры в их связи с национальными ценностями и национальными особенностями этой культуры: направление «от языка к культуре» (В. И. Карасик, С. Г. Воркачев, Г. Г. Слышкин, Г. В. Токарев);

- логическое – анализ концептов логическими методами вне прямой зависимости от их языковой формы (Н. Д. Арутюнова, Р. И. Павилёнис);

- семантико-когнитивное – исследование лексической и грамматической семантики языка как средства доступа к содержанию концептов, как средства их моделирования от семантики языка к концептосфере (Е.С.Кубрякова, Н. Н. Болдырев, Е. В. Рахилина, Е. В. Лукашевич, А. П. Бабушкин, З.Д.Попова, И.А.Стернин, Г.В.Быкова);

- философско-семиотическое – исследуются когнитивные основы знаковости (А.В.Кравченко)» [Попова, Стернин, 2007: 16].

Резюмируя, З.Д. Попова и И.А. Стернин отмечают, что «каждое из направлений можно считать уже достаточно оформившимся в современной лингвистике, все они имеют свои методические принципы (объединяет их все, прежде всего, теоретическое представление о концепте как единице сознания) и все они имеют своих сторонников среди лингвистов-когнитологов, их представляют достаточно известные научные школы» [Попова, Стернин, 2007: 13].

Наряду с культурологическим, психолингвистическим, философским, логическим и др. направлениями, доминирующими подходами в изучении вопросов когнитивной лингвистики, в частности концепта, являются лингвокогнитивный и лингвокультурологический аспекты.

Лингвокогнитивный подход, по мнению В.И. Карасика, – это «направление от индивидуального сознания к культуре», лингвокультурный подход – «направление от культуры к индивидуальному сознанию» [Карасик, 2004:142]

По мнению Е.Н. Коньковой, «перенос акцента с изучения непосредственно языковой системы на анализ концептуальной системы, системы ментальных репрезентаций в психике человека, осуществляемый в лингвокогнитивных и лингвокультурологических работах последних лет (Ю.С. Степанов, 1997; А. Вежбицкая, 1996, 1999; И.А. Стернин, 2001; З.Д.Попова, И.А. Стернин 2000, 2001, 2002; В.И. Карасик, 2002), как раз и является современным подходом к исследованию языка» [Конькова, 2001: 3].

В таджикском языкознании на базе Российско-Таджикского (Славянского) университета (РТСУ) функционирует научная школа когнитивной лингвистики, которая развивается в рамках семантико-когнитивного и лингвокультурологического направлений исследований. Как отмечалось выше, начиная с 2006 года по настоящее время, защищен целый ряд кандидатских и докторских диссертаций, посвященных сопоставительному изучению концептов в разноструктурных языках (русский, таджикский, английский, польский, китайский, арабский и др.): «Функционально-семантическая категория темпоральности на материале славянской и романской групп индоевропейских языков» И. Будны (Будна, 2006), «Концепт «Еда» в русском и польском языках» З.А. Гуловой (2015), «Концепт «ум» в китайской и русской языковых картинах мира» М.Дж. Мамедовой (2015), «Национальная специфика языковой объективации концепта «семья» в лексико-фразеологической и паремиологической системах таджикского и китайского языков» М.М. Имомзода (2017), «Семантическое поле концепта «Красота» в таджикской и английской лингвокультурах» Н.К. Бойматовой и др. Диссертации находятся в свободном доступе на сайте РТСУ. В настоящее время продолжается работа в данном направлении: под руководством докторов

кафедры теоретического и прикладного языкознания РТСУ Д.М. Искандаровой, Х.Дж. Шамбезода, М.Б. Давлатмировой, Н.И. Каримовой защищают магистерские и кандидатские диссертации аспиранты и магистранты кафедры.

Как уже было отмечено выше, каждый подход в исследовании концептов предполагает применение определенных методов, приемов и процедур исследования. Выбор методов зависит от типа исследуемого концепта, от подхода к изучению концепта и материала изучаемых языков.

В нашем диссертационном исследовании применяется лингвокогнитивный, или семантико-когнитивный подход к изучению концепта, разработанный представителями Воронежской школы З.Д. Поповой и И.А. Стерниным [Попова, Стернин, 2001], по мнению которых «путь исследования «от языка к концепту» наиболее надежен и анализ языковых средств позволяет наиболее простым и эффективным способом выявить признаки концептов и моделировать концепт» [Стернин, Психолингвистика и концептология <https://cyberleninka.ru/article/n/psiholingvistika-i-kontseptologiya>].

Данный «путь» представляет собой поэтапное изучение концепта: на каждом этапе применяется определенный метод и его приемы исследования.

Основным методом исследования в нашей работе является метод концептуального анализа, который включает лексикографический анализ, позволяющий определить семантику ключевого слова и синонимического ряда; метод компонентного анализа лексических единиц, этимологический анализ слов, метод ассоциативного эксперимента, а также метод интерпретационного анализа, которые дополняют, уточняют полученные выводы, что позволяет исследовать концепт как объект взаимодействия языка, мышления и культуры.

Основным методом исследования концептов является метод концептуального анализа, который ставит перед собой цель – проследить

путь познания смысла концепта и записать результат в формализованном семантическом языке.

В своей статье «Метод концептуально-репрезентативного анализа в когнитивных исследованиях языка» Н.А. Беседина определяет «концептуальный анализ как один из наиболее универсальных методов, осуществляющийся во множестве приемов изучения различных способов концептуализации мира в языке, направлен на анализ смыслов, передаваемых языковыми единицами различного уровня (от отдельной морфемы до целого текста и даже произведения)» [Беседина, <http://score.ac.uk/download/pdf/151221195.pdf>].

В научной литературе по когнитивной лингвистике нет единого набора процедур, который можно было бы считать концептуальным анализом, но нет согласия и в том, что же следует считать результатом: «Между разными авторами нет согласия в том, каков набор процедур, который следует считать концептуальным анализом, но нет согласия и в том, что же следует считать результатом» [Фрумкина, 1995: 84].

Отсутствие согласованного набора процедур проведения концептуального анализа, по мнению Ю.С. Степанова, связано с тем, что «концепт имеет «слоистое» строение, что подтверждает необходимость применения несколько методов, точнее методик» [Степанов, 1997:28].

Например, В.И. Карасик считает, что «описать концепт можно специальными исследовательскими процедурами толкования значения его имени и ближайших обозначений: 1) дефинирование (выделение смысловых признаков); 2) контекстуальный анализ (выделение ассоциативно связанных смысловых признаков); 3) этимологический анализ; 4) паремиологический анализ; 5) интервьюирование, анкетирование, комментирование» [Карасик, 2002:115].

Рассмотренные выше методы концептуального анализа зависят от характера исследования или от анализируемого материала, при этом концептуальный анализ не ограничен жесткой техникой приёмов и позволяет

соединить в себе языковую и этнокультурную специфику слов-репрезентантов исследуемых концептов.

Как уже отмечалось выше, наше исследование построено на семантико-когнитивном подходе к описанию концептов З.Д.Поповой и И.А.Стернина с применением лингвокогнитивной методики описания и моделирования концептов, которая опирается на анализ семантики языковых средств, объективирующих концепт.

Семантико-когнитивный анализ концептов включает следующие этапы: «1) построение номинативного поля концепта; 2) анализ и описание семантики языковых средств, входящих в номинативное поле концепта; 3) когнитивная интерпретация результатов описания семантики языковых средств – выявление когнитивных признаков, формирующих исследуемый концепт как ментальную единицу; 4) верификация полученного когнитивного описания у носителей языка; 5) описание содержания концепта в виде перечня когнитивных признаков» [Попова, Стернин, 2001: 96-152].

З.Д. Попова и И.А. Стернин выделили этапы описания концепта, на каждом из которых предполагается использование следующих методов и приемов исследования содержания и структуры концептов.

«1. Определение ключевого слова, номинирующего концепт в языке, по таким выделяемым критериям, как частотность и многозначность лексемы.

2. Построение семантемы ключевого слова, вербализующего концепт в языке, по выявлению всех семем, словарных толкований, которые она способна обозначить.

3. Анализ лексической сочетаемости ключевого слова позволяет установить важнейшие черты соответствующего концепта.

4. Экспериментальные методики: свободный ассоциативный эксперимент; рецептивный эксперимент; методика субъективных дефиниций.

5. Анализ синонимов ключевого слова, вербализующего исследуемый концепт в языке, дающий возможность выявить дополнительные признаки

данного концепта через сопоставление лексем, принадлежащих к синонимическому ряду.

6. Построение поля ключевой лексемы (лексико-семантического или лексико-фразеологического поля).

7. Построение и изучение деривационного поля ключевого слова – позволяет обнаружить целый ряд когнитивных признаков, не выявляемых другими методами анализа.

8. Построение лексико-грамматического поля ключевого слова. Учет деривационных и морфологических производных, которые даёт одна и та же лексема по разным семемам, позволяет глубже осмыслить набор признаков означаемого ею концепта.

9. Анализ паремий и афоризмов, в которые входит изучаемое ключевое слово или которые выражают отношение народа к концепту, хотя самого имени концепта там может и не быть, даёт исследователю информацию, прежде всего, о содержании интерпретационного поля концепта.

10. Анализ художественных текстов позволяет выявить такие когнитивные признаки, которые приобрели в составе концепта символическое значение.

11. Анализ разговорных, просторечных, жаргонных употреблений лексических единиц в современной устной речи и публицистике позволяет обнаружить некоторые новые когнитивные компоненты, «присоединившиеся» к концепту в последнее время.

12. Контрастивный анализ эквивалентных по прямому значению лексем разных языков» [Попова, Стернин, 2001: 96-152].

Итогом анализа являются когнитивная интерпретации результатов описания содержания и построение концептуальной модели.

При построении концептуальной модели или концепта необходимо решить следующую задачу: «выявив максимально полно состав языковых средств, репрезентирующих (т.е. выражающих, вербализующих, объективирующих) исследуемый концепт, и описав максимально полно

семантику этих единиц (слов, словосочетаний, ассоциативных полей, паремий, текстов), применяя методику когнитивной интерпретации результатов лингвистического исследования, смоделировать содержание исследуемого концепта как глобальной ментальной (мыслительной) единицы в ее национальном (возможно также – в социальном, возрастном, гендерном, территориальном) своеобразии и определить место исследуемого концепта в концептосфере» [Попова, Стернин, 2007: 16].

Но даже при использовании перечисленного огромного количества предложенных методов нельзя описать концепт в полном объеме, если даже исследователь собрал и проанализировал языковых средств, в которых, казалось бы, в полной мере отражено содержание концепта. Важным в исследовании становятся психолингвистические эксперименты, в частности свободный ассоциативный эксперимент, результаты которого дадут дополнительную когнитивную интерпретацию концепта.

Рассмотрим основные методы, применяемые при изучении концепта.

Целью метода лексикографического исследования ключевого слова и его синонимического ряда является анализа значения ключевого слова и выявления его синонимического ряда на материале данных толковых словарей с целью выявления денотативных и «их ассоциативных и коннотативных составляющих, тем самым обозначив ядерную и периферийные зоны концепта. Кроме того, представляется целесообразным сопоставлять словари разных лет с тем, чтобы выявить динамику содержания концепта» [Михайлова, 2003:181].

Целью метода компонентного анализа является разложения значения на минимальные семантические составляющие (смысловые элементы). Данный метод направлен «на установление классификационных связей ключевых номинантов концепта» [<https://scipress.ru/archive-articles/?author>].

Паремиологический анализ предполагает изучение материала пословиц, поговорок и афоризмов, отражающих языковую картину мира народа. «В паремиях мы находим застывшие осмысления того или иного

концепта, сложившиеся на протяжении длительного времени и менявшиеся в зависимости от места, времени и условий проявления концептуальных сущностей в жизни народа» [Валеева, 2009:25].

Особое место среди методов исследования концепта занимает метод ассоциативного эксперимента, который является «одним из эффективных способов исследования языкового сознания и его национально-культурной специфики, поскольку он позволяет выявить, каковы те ментальные образы мира, которые присущи представителям того или иного этноса» [Архипова, 2011:7].

Преимуществом ассоциативного эксперимента является то, что «он позволяет выявить наибольшее количество различных признаков концепта; частотность реакций свидетельствует об их актуальности / неактуальности в сознании испытуемых» [Крючкова, 2004:272].

Ассоциативный эксперимент имеет 3 разновидности – свободный, направленный и цепной, которые применяются для анализа содержательной стороны концепта и выделения образующих его когнитивных признаков. Еще одной разновидностью ассоциативного эксперимента является рецептивный эксперимент.

В нашем исследовании применяется также метод анкетирования. По определению Т.В. Матвеевой, «анкетирование в психолингвистике – это общая организация методов выявления информации о языковом сознании личности и её речевом опыте с помощью анкеты — опросного листа, составленного по программе исследования» [Матвеева, 2010:21-22].

1.5. Номинативное поле концепта. Лексико-семантическое и концептуальное поле концепта

Построение номинативного поля концепта основывается на описании тех языковых средств, которые номинируют его отдельные признаки. «Номинативное поле концепта принципиально неоднородно: оно содержит как прямые номинации непосредственно самого концепта (ядро

номинативного поля), так и номинации отдельных когнитивных признаков концепта, раскрывающих содержание концепта и отношение к нему в разных коммуникативных ситуациях (периферия номинативного поля)» [Касаткина, Смирнова, 2017:70].

Номинативное поле концепта - «совокупность языковых средств, объективирующих (вербализующих, репрезентирующих, овнешняющих) концепт в определенный период развития общества» [Попова, Стернин, 2007:47]. При построении номинативного поля мы придерживаемся взглядов представителей воронежской школы, достаточно полно представленных в работах И.А. Стернина и З.Д. Поповой. Последние предлагают два пути построения номинативного поля: «Во-первых, можно сосредоточиться на выявлении только прямых номинаций концепта – ключевого слова и его синонимов ... - это приведет к построению ядра номинативного поля... Во-вторых, можно ... выявить все доступное исследователю номинативное поле концепта, включая номинации разновидностей денотата концепта... К описанию можно добавить паремии, афоризмы, фразеологизмы» [Попова, Стернин, 2007:124-125]. Мы в своем исследовании придерживаемся второго пути.

Системное изучение концепта начинается с установления ключевого слова, которое отличается наибольшей употребительностью, стилистической нейтральностью, отражая основное обобщающее значение концепта - **«МУҲОЦИР/МИГРАНТ»**. Путем подбора синонимов и анализа их использования в текстах Национального корпуса таджикского языка предпринята попытка установления слов, образующих ядро концепта. Через анализ текстов различных жанров, синтагматические и парадигматические связи устанавливаются периферийные компоненты номинативного поля. Следуя методике, разработанной в работах И.А. Стернина и З.Д. Поповой, устанавливается лексико-фразеологическое поле концепта, подробно представленные в последующих параграфах данной главы. «Построенное лексико-фразеологическое поле объективирует самые разные когнитивные

признаки концепта, которые могут быть выявлены путем анализа семантики единиц, вошедших в данное поле» [Попова, Стернин, 2007:128]. Решающим представляется ассоциативное поле концепта, созданное на основе анализа результатов проведенного ассоциативного эксперимента, подробное описание дается в третьей главе. «Таким образом, номинативное поле концепта строится из ключевого слова-репрезентанта, его синонимического ряда, единиц, выявленных в художественных и публицистических текстах, устойчивых сравнений, фразеологических единиц, лексико-фразеологического, ...ассоциативного, паремиологического полей ключевого слова – репрезентанта концепта» [Попова, Стернин, 2007:130].

Исследователи внутреннего содержания слова предлагают различные приемы и методы объединения языковых единиц в семантические или тематические группы на основе их значения. Семантическое поле представляет собой «последовательное разбиение множества слов на подмножества. Самые общие классы слов-понятий подразделяются на крупные категории, а те, в свою очередь, на более частные» [Новиков, 2001:25]. Работа не позволяет нам обойтись только лексико-семантическим подходом в описании концепта, так как не все стороны концепта репрезентируются в лексической системе. Концепт рассматривается как «некое представление о фрагменте мира или части такого фрагмента, имеющее сложную структуру, выраженную разными группами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами и средствами» [Пименова, 2004: 10]. Многие реальные характерные черты объекта остаются за пределами словарного обозначения. Именно поэтому «концептуальное поле рассматривается как более крупное ментальное образование, чем семантическое поле» [Зубарева, 2019: 40]. Данная точка зрения отражена и в исследованиях многих известных специалистов по когнитивной лингвистике. Так, например, у Н.Ф. Алефиренко концептуальное поле представляется как «совокупность элементов, отражающих в своей семантике обобщенный опыт когнитивного освоения действительности и сложившиеся языковые

отношения – эпидигматические, деривационно-смысловые, семантические, парадигматические, синтагматические и стилистические связи» [Алефиренко, 1999:31–32]. В представлении И.А. Тарасовой это «когнитивная структура комплексного типа, включающая и пропозициональные, и метонимические, и метафорические модели концептуализации» [Тарасова, 2004:66]. У Е.В. Добровольской концептуальное поле – это «совокупность семантически связанных и экстралингвистически обусловленных элементов, представляющих в диахронии и синхронии фрагмент концептуальной системы социума, который отражает этническую шкалу ценностей, действующие культурные коды [Добровольская, 2005:23]. Можно привести еще не один десяток определений, которые все больше и больше будут способствовать расширению данного понятия. Однако уже предельно ясно, что единица анализа концептуального поля есть концепт, который формирует концептуальное поле. Содержание концептуального поля формируется посредством семантических компонентов и парадигматических и синтагматических связей ядра концепта.

Концептуальный анализ объединяет две составляющие единого объекта – языковую и культурную семантику слова, которые в прикладной лингвистике рассматриваются самостоятельно и становятся основой разграничения языковой и концептуальной картины мира. Их объединение содействует полному логическому анализу концептов. Формирование концепта «мигрант» тесно связано с теми результатами, которые получены в результате массовой миграции. «...Обращение к концепту «мигрант», аккумулирующему, фиксирующему, интерпретирующему и актуализирующему ментальное знание о соответствующем лингвокультурном объекте действительности, целесообразно, правомерно и оправдано» [Дубовский, Заграевская, 2017: 84]. Последствия миграции могут быть как положительными, так и отрицательными. Массовая миграция трудоспособного населения усугубляет экономические проблемы региона,

создает дисбаланс всего сообщества, особенно в плане представленности молодежи и людей преклонного возраста, мужчин и женщин. Однако она может иметь и положительные стороны, например, снизить безработицу и другие проблемы, связанные с перенаселением, стать важным фактором распространения культуры. В более широком смысле последствия миграции, как правило, связаны с этническими, религиозными, социальными, культурными, экономическими, политическими и экологическими аспектами.

Концептуальное поле является одним из эффективных приемов систематизации и описания семантического содержания концепта, позволяет комплексно описать все компоненты, формирующие концепт. «Компоненты концептуального поля вступают в разнообразные взаимоотношения друг с другом и образуют организованные особым образом концептуальные области - концептуальные поля» [Евсюкова, 2014:81], «поля множественности» [Щур, 2018, с. 21], «многослойные поля» [Weisgerber, 1954, S. 135] или «комплексное поле, представленное совокупностью синтагматических и парадигматических полей» [Васильев, 1990]. Из этого следует, что можно выделить:

- «– парадигматические поля [Васильев, 1990; Trier, 1931; Coseriu, 1966; Lounsbury, 1956];
- синтаксические или синтагматические поля [Студенова, 2007; Weisgerber, 1954; Porzig, 1957];
- грамматические поля [Адмони, 1968, 1988, 2004];
- грамматико-лексические поля [Гулыга, Шендельс, 1969];
- функционально-семантические поля [Бондарко, 1987]» [Зубарева, 2019:39];
- семантическое поле. Под семантическим полем, вслед за Т.В. Жеребило, мы понимаем «лексико-семантическую парадигму, объединяющую слова разной частеречной принадлежности, которые соотносятся с одним

фрагментом действительности и имеют общий признак (общую сему) в лексическом значении» [Жеребило 2010: 321].

Семантическое поле гораздо меньшее образование, чем концептуальное поле, которое включает в себя множество когнитивных структур, ментальные репрезентации и множество значений. Особым свойством концептуального поля является то, что не все его элементы вербализованы ввиду его постоянного развития и усложнения.

Ценностная оценка концепта определяет его номинативную плотность, тесно связанную со степенью языковой репрезентации концепта, «детализация обозначаемого фрагмента реальности, множественное вариативное обозначение и сложные смысловые оттенки обозначаемого» [Карасик, 2004: 112]. Количество когнитивных параметров определяют номинативную плотность концепта. Высокая номинативная плотность концепта будет свидетельствовать об актуальности концепта и наоборот.

Выводы к 1 главе

В данной главе нами предпринята попытка рассмотреть основополагающие понятия когнитивной лингвистики - концептуальная, языковая и национальная картины мира. Ни у того, кто занимается проблемами лингвистической концептологии, не возникает сомнения в том, что именно язык способен отразить и передать национальную специфику культурных традиций народа, показать именно его мир, его ощущение окружающей действительности. Каждый народ воспринимает окружающую действительность через призму родного языка. Одно и то же понятие может не совпадать в разных языках по своему объему и по степени разграничения объема значений, по-разному может проходить разграничение концептов, только при сравнительном анализе языков могут быть обнаружены лакуны, которые служат показателем национальной специфики языка.

Актуальным для нашего исследования является анализ концептуальной, языковой и национальной картины мира.

Из проведенного анализа работ видных ученых в данной области становится ясно, что наиболее сложным понятием представляется понятие концептуальная картина мира, которая состоит из совокупности концептов, а они, в свою очередь, формируют концептосферу того или иного языка. Несмотря на то, что достаточно давно определены соотношения концептуальной картины мира и концептосферы, встречаются работы, в которых указанные понятия используют как синонимы. Саму концептуальную картину составляют как вербализованные, так и невербализованные знания об окружающем мире. Концептуальная картина мира формируется до языковой картины, формирует ее и сосуществует с ней. Концептуальная картина первична по отношению к языковой картине мира. Вербализованная часть концептуальной картины мира представляет собой языковую картину мира.

Языковая картина мира представляет собой некоторую абстрактную картину, включающую в себя совокупность знаний об окружающем мире, вербализованные в единицах языка. Причем ее формирование происходит еще в довербальный период и продолжается на протяжении всей жизни, поэтому с расширением информации картина может преобразоваться. Каждый язык содержит определенную специфичную картину мира, отражающую мировидение и мироощущение носителей, закреплённую в языковых единицах. С течением времени языковая картина по мере накопления знаний может изменяться и совершенствоваться. Языковая картина мира антропоцентрична, человек стоит в центре формирования данной картины, в ней отражаются результаты достижений человека во всех сферах его деятельности. Мы разделяем рассуждение И.А. Стернина относительно того, что это «наивная» картина, она не в состоянии отразить в полном объеме национальную картину мира.

Национальная языковая картина мира, определяющая мировосприятие носителей этнического языка, является тем проводником, который формирует отношение представителя каждого этноса к окружающему миру.

Любой язык, независимо от его юридического статуса, численности на нем говорящих, наличия или отсутствия письменности и других значимых факторов, должен выполнять все функции языка. Формирование и закрепление в сознании картины мира проходит в два этапа. Первый этап представляет субъективное восприятие мира. Этот этап и формирует национальную картину восприятия окружающей действительности. А так как субъективизм опирается на первичные ощущения, то национальные картины мира могут существенно отличаться. Второй этап связан с научным осмыслением закрепленных в национальной картине мира восприятий (Планк).

Рассмотренные выше понятия не могут обойтись без понятия «концепт», под которым вслед за З.Д. Поповой и И.А. Стерниным мы понимаем дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека. Исследование концепта носит междисциплинарный характер: он является предметом исследования философов, психологов, культурологов, лингвистов, когнитологов и представителей других смежных дисциплин. Концепт является многомерной единицей, которая формируется из элементарных компонентов. Различаются концептуальные слои – ядерные, отражающиеся в словах, и периферийные, отражающиеся в различного рода ассоциациях, фразеологизмах, в моделях словоупотребления и словообразования. Ядро, как правило, будут представлять лексические единицы, содержащие основное значение, обладающее наглядностью и самой высокой конкретностью. В процессе абстрагирования и отдаления от ядра лексические единицы будут формировать ближнюю, дальнюю и крайнюю периферию. Подобное разграничение и представляет структуру концепта. Структура концепта не устойчива, в зависимости от экстралингвистических и внутриязыковых факторов положение того или иного слова в поле концепта может сдвигаться как в сторону ядра, так и в сторону периферии.

Концепт имеет национальную окрашенность, что легко обнаруживается при сопоставительном анализе концептов как в родственных языках, так и в языках отдаленного родства. Существующие в разных национальных языках концепты могут не совпадать по своему содержательному наполнению. Концепт имеет специфическое значение в каждом языке, если даже может быть много общего в значения одного концепта в разных языках. Отличительные особенности предопределяются различным мировидением и мировосприятием, основанном на самобытности национальной культуры. Концепт – элемент сознания, через который проходит культурная информация и превращается в концепты. С другой стороны, наоборот, сами концепты образуют культурный слой языковой картины мира в национальной оболочке.

В лингвистике сформировались два основных подхода к изучению концепта: лингвокультурологический, основные теории которого отражены в работах С. Г. Воркачева, В.И. Карасика, Н. А. Красавский, Ю.С. Степанова и многих других, и когнитивный, принципы изучения данного подхода отражены в работах Н.Д. Арутюновой, А.П. Бабушкина, Е.С. Кубряковой, Д.С. Лихачева, З.Д. Поповой, И. А. Стернина и многих других. Оба подхода при всем том, что стоят на отстоящих на определенном расстоянии позициях, не противоречат друг другу в своих воззрениях. Представители обоих направлений вкладывают в основу своих исследований изучение сути языкового сознания и объяснение различий в культурах носителей разных языков.

Концепты языка составляют его концептосферу. Концептосферы даже родственных языков имеют существенные различия.

Несмотря на то, что в литературе нет единого подхода и набора методов для анализа и выявления сущности того или иного концепта, нами определены наиболее подходящие для описания концепта «Мигрант» методы, среди которых следует отметить: метод концептуального анализа (включает лексикографический анализ, дает представление о семантике

ключевого слова и определяет синонимический ряд); метод компонентного анализа, метод ассоциативного эксперимента, метод интерпретационного анализа. Все перечисленные методы в комплексе позволили проанализировать избранный нами концепт как взаимодействие языка, мышления и культуры.

Выбор именно данного концепта продиктовано тем, что семантическое поле концепта «Муҳочир/Мигрант» за последние четыре десятилетия вследствие все расширяющихся глобализационных, миграционных и интеграционных процессов существенно расширилось. Его прямая дефиниция отмечена лишь в толковом словаре таджикского языка, другие словари таджикского языка не в полной мере, а то и вовсе не отражают необходимые для анализа данные.

ГЛАВА 2. ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА «МУҲОЧИР/МИГРАНТ» В ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКЕ

Нами предпринята попытка представить актуализацию в лексической системе концепта «Муҳочир/Мигрант» в языковом сознании носителей таджикского языка на материале, представленном в словарях, в Национальном корпусе таджикского языка и других источниках. При анализе формирования того или иного концепта, прежде всего, следует определить свое отношение к таким проблемам, как категоризация и концептуализация. Одни исследователи не видят особой связи между ними, другие говорят о существенных различиях. Так, например, известный исследователь Е. С. Кубрякова различает их и говорит о том, что «Концептуализация является одним из важнейших процессов познавательной деятельности человека, заключающийся в осмыслении поступающей к нему информации и приводящей к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы в мозгу человека» [Кубрякова 1996:93]. Воспринимаемое явление следует категоризировать посредством познавательной деятельности через установление связи с другими близкими явлениями. Эти процессы связаны и предопределяют друг друга. Разница лишь в том, что процесс концептуализации направлен на выделение минимальных единиц, которые закладываются в основу семантики, а процесс категоризации объединяет по сходству единицы в более крупные разряды. «В процессе концептуализации и категоризации объектов выделяются признаки объектов, которые представляют объективные характеристики» [Магировская 2008: 108]. Таким образом, в результате этих процессов создается когнитивная база для дальнейшего осмысления окружающей действительности.

Процессам миграции, как и самим мигрантам уделяется огромное внимание, подтверждением чего служит множество публикаций самого различного характера и жанра. В средствах массовой информации России, в

художественных фильмах и в социальных сетях постоянно публикуются материалы, где основными характерными чертами мигрантов-таджиков составляют такие его сущностные характеристики, как дешевая рабочая сила, средство выжить, гастарбайтер, что имеет огромное психологическое влияние на сознание таджиков и способствует появлению в лексико-семантическом поле «Муҳоҷир/Мигрант» лексем с негативной коннотацией, лексем с отрицательной семантикой (гастарбайтер, незаконно и др.), а также понятия, которые, помимо денотативного значения, имеют оценочный компонент и используются как стереотипы. В сознании таджикского народа перемещение других народов в их страну чаще связывалось с концептом «иностранец» - человек другой нации. Данный концепт как фрагмент таджикской языковой картины мира отражает наивное представление о представителях различных наций, которое оказалось запечатленным в лексической системе языка.

2.1. О причинах миграции в постсоветском Таджикистане и расширение объема концепта «МУҲОҶИР/МИГРАНТ»

В конце прошлого века распад Советского Союза вызвал массовую миграцию населения Центральной Азии и Китая в Россию и государства Азии. В результате в дискурс прочно вошел термин «миграция». В связи с этим концепт «Муҳоҷир/Мигрант», который входит в состав макроконцепта «миграция», становится одной из интересных тем исследования. «Миграция – это процесс территориального перемещения людей, сопровождающийся сменой постоянного места жительства» [Кудин, 2022:109]. Понятие «мигрант» как родовое понятие, в объеме своего значения уже содержит понятия «эмигрант» и «иммигрант», так как все они содержат главное значение «переселение», в силу чего не во всех языках они разграничиваются, например, такого разграничения понятий нет в таджикском языке. Хотя данные понятия употребляются в сочетании с определенным признаком, указывающим на цель или причину миграции

(«вынужденный мигрант», «трудовой мигрант», «нелегальный мигрант» и т. д.).

Образ мигранта и проблемы, связанные с его социальным статусом, начиная от правового статуса, межэтнического и конфессионального и до защиты его интересов, усиление миграционных процессов вместе с множеством нерешённых вопросов, в том числе лингвистических, определяют интерес к ним ученых разных направлений. Следует отметить, что в языковой картине таджикского народа до конца не созрело адекватное понимание национального образа мигранта, что наглядно можно обнаружить через интерпретацию данного понятия в лексико-фразеологической системе языка.

Миграцию можно характеризовать как неоднозначное понятие, в связи с чем представляется достаточно сложным дать четкое описание концепта в языковой картине мира народа, где переплетаются как специфика самого понятия, так и ментальность народа и многие другие субъективные факторы, такие как культура, условия жизни, причины миграции и так далее. Известный индийский ученый профессор университета Вишва-Бхарати Б.Р. Синха пишет: «...миграция является очень сложной глобальной проблемой, никто еще не предложил какой-либо такой концепции или основы, которые могли бы быть универсальны при любых обстоятельствах» [Sinha, 2005: 406].

Так как в Таджикистане массовая миграция, в отличие, например, от России, где прошли три волны миграции, приходится на последние 30 лет, то и концепт «Муҳоҷир» в таджикском языке все время “обрастает” новыми элементами как в семантике, отраженными в лингвистических словарях в лексических значениях, так и в элементах психических, не нашедших свою вербализацию. “Содержание концептуального поля представлено как совокупность компонентов лексикографического, коммуникативного и психолингвистического значений” [Зубарева, 2019: 44]. Новые миграционные контексты порождают специфические понятия, язык играет важную роль в регулировании миграционных процессов. Дискурс миграции

претерпевает значительные изменения в силу различных политических и экономических причин, что требует системного исследования взаимосвязи языка и миграции.

Семантическое поле концепта «Мухочир/Мигрант» за последние четыре десятилетия вследствие все расширяющихся глобализационных и интеграционных процессов существенно расширилось. По мнению известного исследователя М.В. Дружининой, миграционные процессы носят «двусторонний поликультурный и многоязычный характер, так как происходит культурное и языковое взаимовлияние мигрантов на местных жителей. Иными словами, идет процесс смешения языков, культур, а динамика процессов гибридизации может иметь как положительные результаты, так и негативные последствия» [Дружинина, 2019: 102–103].

Следует оговорить, что концепт «Мухочир» только формируется в таджикском языковом сознании: его прямая дефиниция отмечена лишь в толковом словаре таджикского языка, другие словари таджикского языка не в полной мере отражают необходимые для анализа данные. Главным репрезентантом концепта мигрант является трудовой мигрант – **мухочир мехнати**.

Язык отражает все, что связано с жизнью его носителей. Экстралингвистические факторы играют одну из главных ролей как в функциональном, так и во внутривидовом развитии языка. Такие процессы, как эмиграция, иммиграция, интеграция, связаны не только с процессами вхождения в новое социальное окружение, но и в новое языковое сообщество, которое порождает множество как бытовых, так и языковых проблем. При анализе вхождения мигрантов в новое социальное и языковое сообщество приходится учитывать все условия их адаптации к новым культурным, политическим, экономическим и, конечно же, языковым условиям. Именно вокруг такого большого количества социальных проблем вырастает концепт, призванный отразить в сознании носителей языка отношение к данному понятию. Концепты стоят между словами и

экстралингвистической действительностью. Отношение будет всецело связано со статусом мигрантов в чужой стране, с условиями его адаптации, с его идентичностью и многими другими факторами, что будет существенно влиять на формирование концепта в сознании носителей языка. По мнению известного ученого Д. А. Леонтьева, представленный образ в сознании носителей языка — это «источник субъективной определенности, позволяющей однозначно воспринимать объективно неоднозначные ситуации» [Леонтьев 2002: 285]. По мнению Е.Ф. Тарасова, одинаковых образов одного и того же понятия не существует, так как создание образа всецело связано с традициями, национальными культурами, мировосприятием и мироощущением носителей языка. Для формирования конкретного образа важны не только перцептивные восприятия, но и априорные знания, ввиду чего «умственный образ этого предмета (перенесенного из одной культуры в другую) всегда несет в себе элементы национально культурной специфики» [Тарасов, 2004:45]. В языковом отношении важным остается вопрос: насколько родной язык способен удовлетворить потребности общения в стране пребывания. Является ли он фактором идентичности или, наоборот, фактором изолированности.

Концепт зависит и от того фактора, который определяет отношение мигрантов не только к стране пребывания, но и отношению к своей родной стране. В специальной литературе по миграции появилось понятие «транснационализм», принадлежащее Н. Глик Шиллеру и его «команде», которые определяют его следующим образом: «Мы определяем “транснационализм” как процесс, с помощью которого иммигрант создает и сохраняет многообразные социальные отношения, связывающие общества происхождения и [нынешнего] поселения» [Basch, Glick Schiller, Blanc-Szanton, 1994, p. 8]. Эта модель связи страны пребывания и страны отъезда остается главной для мигранта-таджика. И, конечно же, в его языке концепт «мигрант» будет иметь свои специфические особенности, связанные в целом с целью миграции и ее конечным результатом, вкладывая в него свою

особую когнитивную семантику. Как указывает Н.Н. Болдырев «когнитивная семантика рассматривается как общая теория концептуализации и категоризации, теория того, как человек воспринимает окружающий мир и как его опыт познания реализуется в значениях языковых выражений» [Болдырев, 2001: 18]. Связь с домом осуществляется посредством постоянной коммуникации через Интернет, который через новые технологии позволяет ежечасно быть в курсе новостей, через трансляцию или фотографии создавать иллюзию присутствия в родном окружении. Подобная коммуникационная активность позволяют быть активным участником того, что происходит «дома», он как бы остается действующим членом семьи, занимая в нем достаточно прочную позицию. Менталитет таджика, прочно связанный с этическими понятиями долга перед семьей, перед родителями, детьми по их материальному обеспечению, подталкивает его к миграции.

Миграция становится неотъемлемой частью жизни современного общества, вызванная, в первую очередь, экономическими причинами, однако за собой тянет множество других социокультурных проблем. Так, например, в лингвистике родилось такое новое понятие, как «миграционная лингвистика», так как языковые проблемы становятся одними из самых значимых в процессе адаптации и идентификации в новых условиях. По мнению С. В. Шустовой, «причиной становления миграционной лингвистики как самостоятельного направления в лингвистической науке стал факт массивных, многообразных миграционных движений, возникающих в мобильном и глобализирующемся мире» [Шустова, 2019:115]. Актуализация концепта «мигрант» в языковом сознании носителей разноструктурных языков позволяет нам разработать модель ассоциативно-вербального поля концепта и его лексико-фразеологическую репрезентацию. На основе двух культурных и языковых систем развивается гибридная этнолингвистическая идентичность, которая актуализируется в языке в виде процессов гибридизации. В нашем случае концепт «Мухочир/Мигрант» во многом актуализируется под влиянием русского языка и культуры. Известный

исследователь Г. Г. Гамзатов отмечает, что «проблема языковой действительности и миграционных процессов нуждается во всестороннем комплексном и более глубоком изучении, осмыслении и обосновании» [Гамзатов, 2005:3].

В Таджикистане проблема миграции пока рассматривается только с социальной стороны. Мало что делается по систематизации и упорядочению процесса, хотя республика занимает ведущее место по поставке трудовых мигрантов в страны ближнего зарубежья. Из наиболее известных работ в данной области следует выделить публикации известного исследователя проблем миграции доктора экономических наук, профессора Р.У. Ульмасова, среди которых монографии «Гражданская война и миграция», «Внешняя трудовая миграция в Таджикистане (причины, проблемы, последствия, регулирование)», «Глобализация и вынужденная миграция народонаселения», «Миграция глазами СМИ», «Уроки французского... Взгляд из Таджикистана», «Миграция и рынок труда России и Таджикистана», «Проблемы и перспективы». Им опубликовано и множество статей: «Трудовая миграция населения: проблемы и пути решения», «Интеграционные процессы на постсоветском пространстве Центральной Азии: состояние и перспективы», «Современные тенденции межцивилизационного взаимодействия на постсоветском пространстве (миграционный аспект)», «Пути регулирования миграционной политики», «Некоторые тенденции внешней трудовой миграции из Таджикистана», «Позитивные и негативные аспекты внешней трудовой миграции», «Основные причины и мотивы миграции Таджикистана», «История миграции в Таджикистане: предыстория вопроса», «Ноосферный потенциал традиционного природопользования», «Культура в решении миграционных проблем», «Межкультурные коммуникации в контексте миграционных процессов», «Эмигрантская судьба», «Таджикский мигрант. Что его ожидает?». Действительно, только работы Р.У. Ульмасова наглядно демонстрируют, насколько значима проблема и как глубоко она изучена.

Азиатским банком развития в 2020 году опубликован отчет «Усиление поддержки трудовой миграции в Таджикистане: оценка и рекомендации». С целью совершенствования и развития законодательной системы в сфере миграции населения и создания правовой и организационной базы в 2023 году был разработан проект “О стратегии регулирования миграционных процессов в Республике Таджикистан на период до 2040 года”, утверждённый постановлением Правительства РТ от 30 июня 2023 года №309. В 1921 году Министерством труда, миграции и занятости населения Республики Таджикистан принята «Национальная стратегия миграции Республики Таджикистан на период до 2030 года». Международной Организацией по миграции был подготовлен отчет «Базовая оценка и исследование: возвращающиеся трудящиеся мигранты в Таджикистане - декабрь 2022г. – февраль 2023г.». В 2016 году был подготовлен краткий аналитический отчет Контактной группой гражданского общества (КГГО) по Таджикистану. А еще в 1998 году Правительством принята «Концепция государственной миграционной политики Республики Таджикистан». Таким образом, самый беглый обзор внимания к миграционному процессу в РТ позволяет утверждать о значимости данного феномена для республики и непредсказуемой его длительности. В условиях глобализации и все расширяющейся социальной мобильности в мире, в том числе и в Таджикистане, его актуальность для современных социумов не оставляют сомнения.. «Увеличение миграционных потоков обострили уже существующие и создали новые проблемы..., наиболее важными из которых являются обеспечение продуктивного межкультурного взаимодействия и построение мультикультурного общества» [Ашнин, 2012:136].

При таком высоком внимании к миграционным процессам в Республике Таджикистан почти отсутствуют работы в области лингвистики, тесно связанные с перемещением и влиянием миграции как на родной, так и на второй язык, что также может служить обоснованием актуальности

нашего исследования. «Миграционная лингвистика как самостоятельное направление может описать динамические языковые процессы, вызванные миграционными потоками, причём как в принимающем обществе, так и в языковой среде мигрантов» [Зубарева, 2019:36].

2.2. Языковая объективация лексико-семантического поля концепта «Муҳочир/Мигрант» в лексической системе таджикского языка

Большинство исследователей указывают на значимость данных лексикографических источников для определения понятийного содержания концепта. «Чрезвычайно важно обращение к данным лексикографической науки, так как семантика языковой единицы отражена, прежде всего, в лексикографических источниках» [Апресян, 1995:56], хотя полностью нельзя полагаться на данные словаря, значимым является и его функционирование в речи. Один из самых известных толковых словарей таджикского языка «Фарҳанги забони тоҷикӣ» следующим образом определяет значение слов: миграция «**МУҲОЦИРАТ** *а.* ҳичрат, кӯчидан аз ҷое ба ҷое.» и мигрант «**МУҲОЦИР** 1. 1. кӯчида, ҳичрат карда; 2. касе, ки бо Муҳаммад аз Макка ба Мадина кӯчидааст.». С некоторым оттенком книжности в значении миграция используется синоним *ҳичрат*: «**ҲИЦРАТ** *а.* 1. ҷудо шудан аз ватан ва хонумон, тарки ватан. 2. кӯчидани Муҳаммад ва пайравони вай аз Макка ба Мадина». Данный термин более известен как источник мусульманского летоисчисления, когда 16 июля 622 года Мухаммад со своими последователями ушел из Мекки в Мадину.

З.Д. Попова и И.А. Стернин утверждают, что номинативное поле концепта представляют языковые средства, отражающие его на определенном этапе состояния общества, оно состоит из ядра и периферии. «Ядром концепта является ключевое слово-репрезентат, обладающее многозначностью и представленное дериватами. Все когнитивные характеристики, раскрывающие содержание концепта в определенных коммуникативных ситуациях, составляют

периферию поля. Периферия номинативного поля, как правило, обладает большим лексическим разнообразием» [Попова, Стернин, 2007:67–68]. Для полного раскрытия содержания концепта наиболее важным представляется уровень его языковой репрезентации, «детализация обозначаемого фрагмента реальности, множественное вариативное обозначение и сложные смысловые оттенки обозначаемого» [Карасик, 2004:112]. Нами предпринята попытка разработки семантического поля концепта «мигрант» в таджикском языке.

Актуальность того или иного концепта для определенного языкового сообщества зависит от степени его отражения в лексико-фразеологической системе языка, от количества лексических и фразеологических единиц, репрезентирующих различные области содержательной стороны концепта. Так, например, все лексеммы данного поля можно разделить на две группы: в первую группу следует включить слова, связанные с политическими и социальными причинами миграции, во вторую группу слова, связанные с экономическими причинами миграции. Исходя из указанного принципа, номинативное поле концепта «мигрант» в таджикском языке нами будет описано с помощью ключевого слова-репрезентанта «**МУҲОЦИР**», его синонимического ряда и дериватов. Следует отметить, что концепт мигрант в современной коннотации – явление достаточно новое для таджикского языка. Именно поэтому такие термины, как иммигрант, эмигрант, преселенец, обозначены словом **МУҲОЦИР**. Так, например, семантический словарь русского языка следующим образом дифференцирует данные понятия: «ИММИГРАНТ , -а, м. Человек, живущий в той стране, в которую он эмигрировал. *Квоты на въезд иммигрантов в страну.* МИГРАНТ , -а, м. 1. Человек, переселяющийся внутри своей страны с одного места на другое, из одной местности в другую. *Волна мигрантов после землетрясения.* ПЕРЕСЕЛЕНЕЦ , -нца, м. 1. Человек, переселившийся или переселённый с постоянного места жительства на новое, обычно необжитое место. *Переселенцы из центральных областей. Вынужденные переселенцы.* ЭМИГРАНТ , -а, м. Человек, покинувший свою страну и живущий в эмиграции в другой стране. *Политические эмигранты*»

[Русский семантический словарь, М., 2002:71]. Другим основанием для вышеизложенного взгляда является то, что в таджикско-русском словаре 1954 года под редакцией М.В. Рахими и Л.В. Успенской «МУҲОЦИР» в первом значении дается как переселенец (по примеру имеется в виду внутреннее переселение) – *колхози муҳочирон – переселенческий колхоз*. И только как второе дается значение эмигрант. О слове иммигрант никаких сведений в словаре нет. Г.В. Токарев отмечает, что «признак актуальности концепта наиболее чётко проявляется, когда разные люди неодинаково интерпретируют один и тот же смысл: то, что для одних актуально, для других может оказаться второстепенным» [Токарев, 2003, 62]. Так и с концептом «мигрант». В сознании носителей таджикского языка указанный концепт наполняется разнообразными смыслами, что напрямую связано с различными субъективными и объективными условиями, отражающими стереотипы, сложившиеся в социуме. «В концепте отображаются не только важнейшие черты, а весь спектр знаний и представлений об объекте, существующий в определённом языковом коллективе» [Телия, 1996: 96]. В целом же концепт «МУҲОЦИР/МИГРАНТ» первой группы в таджикском языке представлен следующими лексемами.

Понятия эмигрант и иммигрант репрезентированы словом **МУҲОЦИР**.

МУҲОЦИР (в НКТЯ встречается в 1507 словоформах, 1484 предложениях примерно в 1010 документах) – **ЭМИГРАНТ**: *«Ба фарқ аз ҳазорон муҳочир, Ҳайдаралӣ Курбонов дар Тоҷикистон аст ва ҳамсару се фарзандаш дар Русия қарор доранд»* [НКТЯ]. - *В отличие от тысяч эмигрантов Хайдарали Курбонов в Таджикистане, а жена и трое детей в России.*

МУҲОЦИР – ИММИГРАНТ: *«Ба мисли, ҳангоми тафтиш қарор надоштани муҳочир дар ҷое, ки барои истиқомати доимӣ сабти ном шудааст»* [НКТЯ]. *Например, при проверке иммигранта его не обнаружили по месту постоянной прописки.*

В соответствии с основной семой концепта «МУҲОЦИР/МИГРАНТ» - «лицо, совершающее переселение, меняющее местожительство внутри страны или переезжающее из одной страны в другую», в поле концепта входит понятие, связанное с миграцией, вызванной социальными, экономическими и политическими причинами. В соответствии с этим в поле концепта «МУҲОЦИР/МИГРАНТ» входит также понятие **ПЕРЕСЕЛЕНЕЦ**. В таджикском языке данное понятие также «вложено» в объем значения **МУҲОЦИР**.

МУҲОЦИР – ПЕРЕСЕЛЕНЕЦ: *«Гӯё дар ин кӯча ҳаёт ба охир расида бошад, гӯё мардуми деҳаро кӯчонида ба дигар водӣ муҳочир карда бошанд – чунон ки чихил сол пеш нисфи одамони ин деҳаро ба водии Вахш кӯчонида буданд»* [НКТЯ]. - *Как будто бы на этой улице жизнь была завершена, как будто жители сел переехали в другую деревню – а еще сорок лет назад половина жителей этого селения была переселена в Вахшскую долину.*

Как входящая миграция, так и исходящая тесно связана с понятием **ХОРИЧӢ** (в НКТЧ встречается в 22651 словоформах, 21209 предложениях и примерно в 12620 документах) – **ИНОСТРАНЕЦ** *«ХОРИЧӢ 1. Берунӣ, бегона муқобили дохилӣ. Ҳама кор аз хориҷӣ ва дохилӣ муламмаъ ва махлут бошад ... ва тадбири кор кам шавад. Аҳмади Дониш 2. пайрави ҷамоае, ки ба муқобили Алӣ—домоди Муҳаммад исён карда буданд ва хилофати Алиро инкор мекарданд. Аз ҳар тараф хориҷие пайдо шудааст ва фасоду фитна меангезанд. Авфӣ»* [ФЗТ]. - *Иностранец 1. Внешний, внешний в отличие внутренний. Вся зарубежная и отечественная работа должна быть гладкой... и меры труда должны быть сокращены. Ахмади Дониш 2. последователь общины, восставшей против Али, зятя Мухаммеда, и отрицавшей халифат Али. Иностранцы появились со всех сторон и сеют коррупцию и смуту. Авфи.*

Антонимом данного слова является слово **ДОХИЛӢ - ВНУТРЕННИЙ**, то есть понятие «иностранец» следует рассматривать в бинарной оппозиции «свой – чужой».

В таджикском языке данное слово использовалось долгое время по отношению к мигрантам из Афганистана и Ирана и других зарубежных регионов, постоянно проживающим в Таджикистане, а также ко всем, кто временно пребывал на территории республики (следует отметить, что представители национальных республик СССР иностранцами не считались): *«Ҳамин тавр, зимни амалӣ гардидани амалиётҳои махсус дар умум 7150 нафар шаҳрвандони хориҷӣ ва шахсони бешаҳрвандӣ дар манзилҳои истиқоматӣ, 302 корхонаву ширкат, ки дар онҳо шаҳрвандони хориҷӣ фаъолияти меҳнатӣ менамоянд, аз қабилӣ 55 ширкати сохтмонӣ, 40 ширкати истеҳсолӣ, инчунин 67 бозору марказҳои савдо мавриди санҷиш қарор дода шудааст»* [НКТЯ]. - Так, в ходе проведения специальных операций проверке подверглись в общей сложности 7150 иностранных граждан и лиц без гражданства, проживающих в жилых домах, 302 предприятия и компании, в которых трудятся иностранные граждане, в том числе 55 строительных компаний, 40 производственных компаний, а также 67 рынков и торговых центров.

В ходе лексикографического анализа были выявлены следующие синонимы. “Фарҳанги забони тоҷик” в качестве синонима дает арабское слово “**АЧНАБӢ** *a.* хориҷӣ; бегона. (в НКТЯ встречается в 227 словоформах, 226 предложениях и примерно в 121 документе, что свидетельствует о малоупотребительности данного слова) – **ИНОСТРАНЕЦ, ЧУЖОЙ** *Зог гуфт:* “*Ин шутур дар миёни мо аҷнабист*”. «*Анвори Сух, айли Аҷнабӣ афтада дар хоне чунон*» [ФЗТ]. *Ворон сказал: “Этот верблюд среди нас чужой”. Абуисхак Атима*”.

Другим синонимом представлено слово (во втором значении) “**ОФОҚИ** 1. мансуб ба офоқ; 2. **хориҷӣ, берунӣ** (в НКТЯ данное слово употреблено в 26 словоформах, 26 предложениях и примерно в 22 документах. Такое количество словоупотреблений указывает на пассивность слова в лексической системе таджикского языка) – **ИНОСТРАННЫЙ, ВНЕШНИЙ**. *Ва амсоли офоқию*

анфусӣ дар нафс илқо мекунад. Аҳмади Дониш” [ФЗТ]. *И похожий на дыхание иностранца в душе нас подстрекает.*

В переносном значении синонимом следует считать “**ТАРИФ** а. 1. нодир, камёб; 2. **мач. бегона, хоричӣ.**” [ФЗТ] (в НКТЯ встречается в 46 словоформах, 46 предложениях и примерно в 42 документах, что так же свидетельствует о малоупотребительности слова). [ФЗТ] *1.редкий, 2.перен. чужой, иностранец. БЕГОНА – ЧУЖОЙ; «Шоҳи мақдунӣ чун марди бегона андар хаймаи хеш дид, пурсид:…» НКТЯ. - Как только шах Македонии увидел чужого мужчину в палатке, спросил:...*

Синонимом данного слова также является арабское слово **ХАВОРИЦ**. В НКТЯ употреблено в 44 словоформах, 44 предложениях и примерно в 16 документах. «**ХАВОРИЦ** а. **хоричӣ** *Чамоате аз баддинони Кӯфа бар Али берун омаданд ва эшонро бадин ҷиҳат хавориҷ гуфтанд. Маҷмаъ-ул-ансобъ Хабари хуруҷи хавориҷ ва хабари қатл... ба Бағдод расид. Равсат-ус-сафо*» [ФЗТ]. *Община Куфы вышли из общины Али и назвали его иностранцем. Маҷмаъ-ул-ансобъ Хабари новост о иностранце и новост о казни... дошла до Багдада. Равсат-ус-сафо.* В лексикографических источниках таджикского языка слово **хоричӣ** толкуется как **бегона – чужой, не наш, выходец из другого государства**, т.е. находящийся вне своей страны. Значение данного понятия примыкает к семантике лексем *беженец, мигрант, эмигрант и иммигрант*. Отношение к иностранцам определяется через сравнение с этническими или национальными ценностями: «...В системе традиционной народной культуры отношение к представителям иных национальностей определяется понятием «этноцентризм», с позиций которого «свой» этнос, язык, традиции и религия мыслятся единственно «настоящими» и «правильными». Этноцентризм – это понятие, отражающее тенденцию рассматривать нормы и ценности собственной культуры как основу для оценки и выработки суждений о других культурах» [Маруневич, 2010:4].

МУСОФИР (использование данного слова в НКТЯ указывает на его принадлежность к активному словарному запасу носителей таджикского языка –

слово найдено в 1324 словоформах, 1256 предложениях и примерно в 817 документах – **ПРИЕЗЖИЙ**. «**МУСОФИР** а. сафаркунанда. *Ҳамедун мусофир гиромӣ бидор, Ки то номи некат барад дар диёр. Саъдӣ*» [ФЗТ]. *Всегда приезжего встречай с почестями, чтобы твое доброе имя он донес до до своего края.* В таджикском языке слово **мусофир** используется ко всем лицам, проживающим в других населенных пунктах, даже если это в пределах одного административно-территориального деления: «*Аз корҳои нек ва пурсавоби вай он мардуме , ки ҳамроҳи ӯ ба ин ҷо мусофир шуда буданд , бохабаранд*» [НКТЯ]. – *О его добрых делах и поступках знали люди, которые вместе с ним приехали сюда.* «*Вале ин ҷангҷӯён таъсир накард ва онҳо ӯро бо се мусофир куштанд*» [НКТЯ]. *Однако это не подействовало на враждебно настроенных людей, и они убили его с тремя приезжими.*

Стереотип мигранта всегда ассоциировался с основным признаком – переселением. Мы еще не раз вернемся к данному этническому стереотипу, который играет значительную роль в формировании концепта мигрант в современном таджикском языке. «Отличительная черта этнических стереотипов – их историческая устойчивость и стабильность, они гораздо более консервативны, чем социальные стереотипы и менее подвержены каким-либо изменениям. Они могут выступать в качестве мифа или символа, лежащего в основе той или иной национальной общности. Однако устойчивость стереотипов относительна, в случае необходимого стечения обстоятельств изменяться они могут очень быстро» [Баканов, Егорова, Туманов, 2017: 56].

В толковом словаре таджикского языка нами определён следующий синонимический ряд: **ПАЙСИПАР** (данное слово использовано в 16 словоформах, 16 предложениях и примерно в 11 документах, что дает основание отнести его к числу малоупотребительных) - **СКИТАЛЕЦ** «**ПАЙСИПАР** раванда, раҳсипор; **мусофир**. *Дӯстон ҳамчу об пайсипаранд, К-обҳо пойҳои якдигаранд. Саной*» [ФЗТ]. *Друзья что вода уходящая, воды питают друг друга.* Практически неупотребительная лексическая единица.

Арабское слово **ЗАЙФ** также является малоупотребительным в значении мусофир, о чем свидетельствует его использование в НКТЯ (в 6 словоформах, 6 предложениях и примерно в 3 документах) - **СКИТАЛЕЦ**. «**ЗАЙФ** *а.* мехмон; **мусофир**. Мо ҳама мехмони туем ва икромии зайф бар содот вочиб аст. *Авфӣ* Зайфи боҳиммат чу з-оше кам хӯрад, Соҳиби хон оши беҳтар оварад. *Румӣ*» [ФЗТ]. *Мы все твои гости и символ гостя важен. Если гость ест мало плова, хозяин угостит лучшим пловом.*

Лексема **ИҒТИРОБ** (в НКТЯ употреблений не имеет) означает процесс становления в силу выхода из родного края переселенцем: «**ИҒТИРОБ** *а.* Аз Диёри худ дур шудан, ғарибӯ **мусофир шудан**. Хар набинад ҳеч Ҳиндустон ба хоб, Хар зи Ҳиндустон накардаст иғтироб, *Румӣ*» [ФЗТ]. *Покинуть родные места, становится переселенцем. Осел никогда не увидит Индию во сне, осел не переселялся в Индию.*

Лексема **РАХТКАШ** (в НКТЯ употреблений не имеет) только во втором переносном значении обозначает человека, собирающегося покинуть родные края: «**РАХТКАШ** *1.* боркаш, чорпо. *Харе, ки рахткашии ўст, ҳама рӯз гирдогирди чашма мечарад. «Нигори дониш» 2.* касе, ки ба сафар равона мешавад, **мусофир**. *Ба роҳе, ки хоҳам шудан рахткаш, Раҳоварди ман бас бувад хӯи хаи. Низомӣ*» [ФЗТ]. *1. Осел, что его носильщик, всегда вертится вокруг родника. 2. В дороге, по которой я намереваюсь покинуть родные края, поларком будет мой нрав.*

Две однокорневые арабские по происхождению лексические единицы **СОЛИҚ** (в НКТЯ употреблений не имеет) и **СОЛУҚ** (в НКТЯ найдена 1 словоформа, 1 предложение и 1 документ) означают как последователя, так и человека, покинувшего свои родные места: «**СОЛИҚ** *а.* роҳрав; пайрав, **мусофир**; ғариб. Аз солиқони роҳи ту кас бе сиришки оҳ Нанҳод по бар обу ба рӯи ҳаво нарафт. *Камоли Хуҷандӣ*» [ФЗТ]. *Ни один из твоих последователей ни ступил в воду, ни вспорхнул в небо.*

«СОЛУҚ *a.* и раванда, **мусофир**, сайёҳ. Ману чанд солуки саҳронавард Бирафтем қосид ба дидори мард. *Саъдӣ*» [ФЗТ]. *Я и еще несколько путешественников пошли навстречу мужчине.*

Сам процес становления переселенцем в таджикском языке обозначено заимствованным из арабского языка словом **ГУРБАТ** (в НКТЯ использовано в 406 словоформах, 396 предложениях и примерно в 239 документах) - **СКИТАНИЕ**: «**ГУРБАТ** *a.* 1. ғарибӣ, **мусофирӣ**, чудой аз ватан. Дасти татовул бар моли раият дароз карда буд ва чавру азият оғоз, то ба ҷое ки халқ аз мақоиди зулмаш ба ҷаҳон бирафтанд ва аз курбати чавраш роҳи ғурбат гирифтанд. *Саъдӣ*” [ФЗТ]. *1. Жизнь на чужбине, вдали от родины. Покушались на имущество подданных, и начались страдания, пока народ не ушел от его угнетения и не встал на путь чужбины.*

В семантическое поле на основании основной семы следует также внести **ГУРЕЗА** (достаточно употребительное слово, в НКТЯ встречается в 739 словоформах, 692 предложениях и примерно в 342 документах) - **БЕЖЕНЕЦ**, слово, которое вошло в активное употребление после конфликтов последней четверти прошлого века: «*Пас аз гуреза шудан ба кадом кишваре, ки мерафтам дӯстонам бо ҷону дил қабул мекарданд*» [НКТЯ]. *-После того как я стал беженцем, в какую бы страну я ни поехал, друзья сердечно встречали меня.* Миграция большого количества беженцев из мест, где проходили военные действия или вследствие дестабилизации обстановки обострялось экономическое положение, стало явлением, представляющим собой массовое бегство населения из насиженных мест, активизировавшим впоследствии миграционные процессы. Самое распространенное значение слова *беженец* - человек, покинувший место жительства, спасаясь от угрожающих его жизни и жизни родных и близких обстоятельств. «**ГУРЕЗА** *گریزه* аз ҷое ё аз назди касе гурехта, гурезоншуда, фирорӣ (хоҳ аз таъқибу фишор ва хоҳ аз иҷрои қор): бандиёни гуреза, одами гуреза, аскари гуреза, гурезагон, гуреза шудан» [ФЗТ]. *Беглец, убегающий с места или от кого-*

либо, беглец (будь то от преследования или от действий): беглый человек, беглый солдат, стать беженцем.

В этой же плоскости следует рассматривать сложное слово **ВАТАНГУРЕЗ** (используется в разговорной речи, в НКТЯ употреблено в 1 словоформе, 1 предложении и в 1 документе) - **БЕГУЩИЙ ИЗ РОДИНЫ**. «**ВАТАНГУРЕЗ** وطن گریز гурезанда аз ватан; тарки ватанкарда» [ФЗТ]. Таджикское слово ГУРЕЗА соотносится с глаголом *гурехтан* в первом значении, при этом образность основы достаточно мотивирована «**ГУРЕХТАН** 1 گریختن . шитобон дур шудан аз назди касе ё аз чизе, давида (тохта) рафтан аз чое, босуръат дур шудан; барои халос шудан аз таъкибу кайди касе ё чизе аз чое ба чои дигар бошитоб рафтан, фирор кардан. 2. дур шудан, канор чустан, худро дур гирифтан: аз касе гурехтан. 3. рӯй пинҳон кардан, аз марди бегона рӯй панаҳ кардани зан: духтар аз вай намегурехт. 4. рафтан: хаёли касе гурехтан; аз коре гурехтан худро аз ичрои коре ба канор гирифтан, аз коре сар тофтан: аз хизмати аскарӣ гурехтан; аз чое гурехтан бошитоб тарк кардан чоеро, фирор кардан аз чое; ◇ аробаи холиро гирифта гурехтан а) моҳияти масъаларо нафаҳмида, шӯру валвала ё талош кардан; б) бе асос воҳима кардан; гапаш гурехт муносибаташ вайрон шуд, бо касе тезутунд шуд; думашро хода карда гурехт шармандавор гурехт, расво шуда фирор кард» [ФЗТ]. 1. *Уйти от кого-то или чего-то в спешке; перебежать из одного места в другое, чтобы избавиться от кого-либо или чего-либо. 2. отойти, искать край, отдалиться: убежать от кого-нибудь. 3. прятать свое лицо, скрывать свое лицо от незнакомца: девушка не убежала от него. 4. уйти: чья-то мысль – сбежать; бежать с работы, уклоняться от выполнения чего-либо, уклоняться от выполнения чего-либо: бежать от военной службы; бежать с места, спешно покинуть место, сбежать с места; ◇ бери пустую тележку и убегай а) не понимая сути вопроса, суеяться или пытаюсь; б) паника без причины; он сбежал, у него разорвались отношения, он на кого-то рассердился; Виляя хвостом, убежал со стыдом, убежал с позором.* «Мардум маҳз ба хотири рӯёндани маблағҳои калони

пулӣ барои буду боши гурезагон ва ҳам истифодаи номи «гуреза» аз рӯи ақидаҳои сиёсӣ истифода шуданд» [НКТЯ]. *Люди использовали название «беженец» в политических целях именно для того, чтобы собрать крупные суммы денег на размещение беженцев.* Смысловая структура понятия «беженцы» представлена следующими компонентами: страх, удивление, недоверие, сочувствие, люди, проделавшие долгий и сложный путь, нуждающиеся в помощи.

Как синоним представлено слово **ГУРЕЗПО** (в НКТЯ встречается в 16 словоформах, 16 предложениях и в 15 документах) – сложное слово в двух значениях: «**ГУРЕЗПО** 1. гурезанда, фирорӣ. Ҳастам зи чон ғуломат, аммо гурезпоям, Сад бор гар фурӯшӣ, бигрезаму биёям. *Чомӣ*. Гуфтам Убайд. Гуфто Номаш мабар, ки бошад Ринде қиморбозе, дудде гурезпое. *Убайди Зоконӣ* 2. маҷ. раманда, тарсанда, ваҳшитабиат. 3-ин гуфтугӯ паланг даромад ба частухез, Худро расонд дар пайи оҳу ҳамон замон Гуфт: - Эй гурезпой, зи чангам кучо рави Бо ман масоз чилвагарӣ ҳамчу духтарон. *Сайидо*» [ФЗТ]. 1. *беглец. Я твой раб, но я беглец, Ты меня сто раз продашь, сбегу и вернусь. Джами; Сказал Убайд. Он сказал, как бы его ни звали, Ринд — игрок, беглый вор. Убайд Закони. 2. Пугливый, трусливый, свирепый. После этого разговора тигр пришел в ярость, потянулся к ноге оленя и сказал: «О беглец, куда ты бежишь от моих когтей, не сверкай как девушки»*

В качестве синонима представлено также слово **ФИРОР** (в НКТЯ встречается в 2765 словоформах, 2738 предложениях и в 1693 документах) - **БЕЖЕНЕЦ**: «**ФИРОР** а. гурехтан гурезиш, гурезагӣ. Фирор бар қарор ихтиёр карда, азимати сафар намуданд. Шоҳӣ, ба кӯи ишқ макун баъд аз ин фирор, К-ин дил ба гӯшаҳои чунун мекашад маро. *Шоҳӣ*» [ФЗТ]. А. *убегать, бегство. Они решили бежать и преодолели большое расстояние. Шохи, не влюбляйся после этого побега, это сердце потянет меня в уголки бесноватости.*

Другим синонимом в словаре дается арабское слово **ҲОРИБ** (в НКТЯ употреблений не имеет) - **БЕГЛЕЦ**: «**ҲОРИБ** а. гуреза, гурезанда,

фироркунанда, фирорӣ. Ки зи дунё хорибанду толибанд, Чумлагишон якдигарро чолибанд. *Румӣ*» [ФЗТ]. *а. Беглец. В мире они беглецы и нуждающиеся, в совокупности привлекательны друг для друга.*

В синонимическом ряду следует также указать слово **ОБИҚ** (малоупотребительное слово, в НКТЯ встречается в словоформа, в 1 словоформе, 1 предложении и в 1 документе) в значении **БЕГЛЕЦ**: «**ОБИҚ** а. гурезанда, гуреза. Бувад бисёр камидроку обик, Ду-се навбат चुнин бигрехт собиқ. *Ҳозиқ*» [ФЗТ]. *А. беглец, беженец. Быть очень маловосприимчивым беглецом, Два-три раза так убегал.*

ҒАЙРИҚОНУНӢ (в НКТЯ встречается в 3654 словоформах, 3536 предложениях и в 2538 документах) –**НЕЛЕГАЛ**: «*Гузоришҳои тайиднашуда ҳокӣ аз он аст , ки бархе намояндагони Маҷлиси Афғонистон бо истифода аз раводиди Амрико, хонаводаҳои худро ба он кишвари бурданду сипас ғайриқонунӣ вориди Канада шуданд*» НКТЯ. – *Неустановленные источники извещают, что некоторые представители Собрания Афганистана, используя визу Америки, перевезли семьи туда, а затем нелегально переправили в Канаду.*

Ко второй группе следует отнести слова, обозначающие миграционные понятия, связанные с заработками мигрантов.

С усилением миграционных процессов происходит дифференциация самих мигрантов по степени их вхождения в новую социально-культурную общность. В обиход активно вводится лексема **ГАСТАРБАЙТЕР**: **ГАСТАРБАЙТЕР - ГАСТАРБАЙТЕР** ««Приглашённый рабочий» — термин, обозначающий иностранца или гражданина другого государства, работающего по временному найму. Слово заимствовано в 1970-х из немецкого языка, получило широкое распространение в конце 1990-х в СМИ на территории СНГ, сначала в Москве и Санкт-Петербурге, а затем вошло в разговорную русскую речь» (Материал из Википедии): «*Ёдоварӣ мекунам, ки он замон “точик” бо “гастарбайтер” инҳамон набуд*» [НКТЯ]. *Вспоминаю, что тогда «таджик» с «гастарбайтером» не ассоциировался. Гастарбайтером принято считать иностранного рабочего,*

существенно отличающегося по условиям оплаты труда в отличие от местных жителей. Однако на территории СНГ данное слово стало употребляться с оттенком уничижительности.

Модное на определенном этапе слово *гастарбайтер* имеет несколько соответствий в таджикском языке, так как трудовая миграция была достаточно распространенным явлением еще в досоветскую эпоху, когда жители горных регионов уходили на заработки на сезонные работы в долины или большие города. К таким словам можно отнести **МАРДИКОР** (в НКТЯ употреблено в 3654 словоформах, 3536 предложениях и в 2538 документах) – **НАЕМНЫЙ РАБОЧИЙ** «МАРДИКОР ходим, хизматгор. Ту аз ин чо ки мардикори манӣ, Ба заношӯй ихтиёри манӣ. Низомӣ».

«Рӯзи дуоҷум саллаи муллобачагиро партофта ва ба қиёфаи мардикорбачагон даромада, ба Регистони Бухоро, ки бозори мардикор ҳам дар он чо буд, рафтам ва дар қатори мардикорони харидорталаб пушт ба девор дода, дар пеши масҷиди ҷомеи Поянда нишастам» [НКТЯ]. – На второй день, бросив чалму муллы, присоединился к подёщикам, ушел на Регистан Бухары, где был базар поденичников, и наряду с подёщиками, прислонившись к стене, сел рядом с мечетью Поянда. В современном таджикском языке получило новое лексическое значение – трудовой мигрант.

Другая лексема **ЯККАМАРДИКОР** означает работника, который работает один. Данная лексема в словарях не зафиксирована, однако в толковом словаре таджикского языка дано производное слово «**ЯККАМАРДИКОРӢ** **يَكّه** **مردكاري** кори мардикории алоҳида, мардикоре, ки танҳо кор мекунад» [ФЗТ]. *Индивидуальный труд, работник, работающий в одиночку.* В Национальном корпусе таджикского языка словоупотребления с данной лексемой мы не нашли.

В дальней периферии используется диалектизм **ДАҲМАРДА** – **ПАСТУХ**. «**ДАҲМАРДА** **ده مرده** лаҳҷ. чӯпон, подабон; ҷоми даҳмарда киноя аз ҷоми калон» [ФЗТ]. *Пастух. Кубок наемного пастуха - намек на большой кубок.* В современном таджикском языке произошло расширение значения слова, и оно часто используется в значении неквалифицированного рабочего.

Интересным представляется лексема **ИНЦОБИЗАН** – тот, кто сам не работает, но учит работать других: *«Мардикор як танга, инцобизан сад танга»* – *наемный рабочий - рубль, тот кто учит – сто рублей»* (пословица).

В эту же группу следует включить лексему **МУЗДУР** (в НКТЯ данная лексема встречается в 86 словоформах, 85 предложениях и в 39 документах) – **НАЕМНИК**, тот, кто работает за ежедневную оплату труда: *«Вақте ки кор хатм шуд, муздур ҳаромзода шуд»* [НКТЯ]. – *Когда работа закончилась, работник становится выродком. «Коршиносони маҳаллӣ мегӯянд, агар масъулон барои занони муздур кори мувофиқ, ки маблағи хуб дошта бошад, пайдо кунанд, ҳатман инҳо аз мардикорӣ даст хоҳанд кашид»* [НКТЯ]. - *Местные эксперты говорят, что если должностные лица найдут подходящую работу для женщин с высокой оплатой, они обязательно откажутся от наемной работы.*

Таким образом, в результате анализа представленной лексики номинативного поля концепта «Муҳоҷир/Мигрант» в таджикском языке, можно определить зону ближней периферии, зону дальней периферии и зону крайней периферии. Ядро концепта составляет лексема **муҳоҷир** – **эмигрант, иммигрант, переселенец**. Если исходить из основного определения слова **мигрант** как лица, совершающего территориальное передвижение со сменой постоянного места жительства и работы навсегда или на определенный срок, то можно выделить две семы: перемещение и работа. Исходя из этого, по первому признаку в зоне ближней периферии будет лексема **ҳичрат** – **покинувший родину, хориҷӣ – иностранец, гуреза – беженец, гайриқонуӣ – нелегал**; по второму признаку – **мардикор** – **наемный рабочий, гастарбайтер**. В зону дальней периферии по первому признаку включены лексемы **омада и мусофир** – **приезжий, бегона – чужой**, по второму признаку - лексемы **муздур** - **тот, кто работает за ежедневную оплату, яккамардикор** - **работник, который работает один, даҳмарда** – **наемный пастух**. Исходя из сказанного, можно утверждать, что номинативное поле концепта «мигрант» является коммуникативно-релевантным, обладает высокой

плотностью, является достаточно актуальным на синхронном уровне для носителей таджикского языка.

В определении значения любого слова достаточно прочное положение занимает сочетаемость данного слова с другими словами, или синтагматический аспект слова, который играет существенную роль как в формировании значения, так и концепта в целом. Значение слова находится в прямой зависимости с сочетаемостным окружением. Многие исследователи лексического значения слова утверждают, что только прямое номинативное значение определяется толковыми словарями, все остальные переносные значения многозначного слова рассматриваются только в контексте, в связи с другими словами. «Синтагматические связи, присущие слову, входят в характеристику его семантики» [[Шмелёв, 1964:188].

Наше исследование синтагматических связей слова «**Муҳочир/Мигрант**» было основано на Национальном корпусе таджикского языка, где были определены как статистические данные по словоупотреблению, так и цепь сочетаемости рассматриваемого слова со словесным окружением. НКТЯ дает возможность проанализировать сочетаемостные признаки исследуемого понятия на огромном лексическом материале. Проведенный анализ позволяет нам установить характерную для таджикского языка сочетаемость слова **муҳочир(и)**, прежде всего, с прилагательными, дающими реальное представление коммуникативного значения данной лексемы. Прилагательные в атрибутивной позиции определяют наполняемость концепта, адъективная сочетаемость выставляет свойства концепта.

В таджикском языке сочетание существительного с прилагательным представлено в изафетной конструкции, в которой определение следует за определяемым и соединяется при помощи гласной **-и**. В Национальном корпусе таджикского языка обнаружено 523 вхождения, 520 предложений найдено примерно в 383 документах. Самым употребительным явилось словосочетание **муҳочир**и **точик**: *«Интернет пайвандгари худуди 1 миллион муҳочир***и** *точик бо хонаводаҳояшон аст»* [НКТЯ]. - *Интернет является связующим*

звеном между 1 миллионом таджикских иммигрантов с их семьями. Подобное сочетание с указанием других мигрантов указывает на достаточно широкую географию данного процесса: *«14 муҳоҷири афғонистонӣ аз илтиҳоби шуш ва дигар маризиҳо дар шаҳри Ваҳдати Тоҷикистон ҷон ба ҷонофарин таслим кардаанд»* [НКТЯ]. - 14 афганских мигрантов отдали богу душу от воспаления легких и других болезней в городе Вахдате Таджикистана. *«Барои аксари сокинони Амрико хонаводаи Рокфеллерҳо ҳамон олмониҳои муҳоҷир боқӣ монданд ва бумӣ нашуданд»* [НКТЯ]. - Для большинства жителей Америки семья Рокфеллеров осталась теми же немецкими иммигрантами, так и не став коренной.

«Амалиёти зидди нирӯҳои курд ба қавли Анкара бо ҳадафи фароҳам кардани шароити бозғашт ба миллионҳо муҳоҷири суриягӣ ба роҳ монда шудааст, ки дар қаламрави Туркия паноҳ бурдаанд» [НКТЯ]. - По словам Анкары, операция против курдских войск была проведена с целью создания условий для возвращения миллионов сирийских иммигрантов, которые укрылись на территории Турции.

Достаточно употребительным и отражающим суть миграционных процессов представляется сочетание **муҳоҷири корӣ – трудовой мигрант**: *«Пас аз расидани шикоят аз муҳоҷирон, Радиои Озодӣ рӯзи 13-уми январ ҳадди ақал бо се муҳоҷири корӣ, ки дар сохтмонҳои ҷудогонаи ширкати "Атомстройкомплекс" кор мекунанд, ҳамсуҳбат шуд»* [НКТЯ]. - После получения жалобы от мигрантов Радио Свобода 13 января провели беседу, как минимум, с тремя трудовыми мигрантами, которые работают на отдельных строительных площадках компании "Атомстройкомплекс». *«Алишер Бобиев, муҳоҷири кории тоҷик, ба Радиои Озодӣ гуфт, ҳафтае пеш бародарзодааш тавассути хатсайри Маскав-Самарканд ба Тоҷикистон рафт»* [НКТЯ]. - Алишер Бобиев, таджикский трудовой мигрант, рассказал Радио Свобода, что неделю назад его брат по маршруту Москва-Самарканд отправился в Таджикистан.

Массовый миграционный процесс для жителей Таджикистана стал достаточно продолжительным, и, как следствие, появилось выражение **муҳоҷири** собиқадор – мигрант со стажем: *«Масъалаи муҳоҷират низ аз назари корбарон дур намондааст ва аз назари корбаре, ки худро муҳоҷири собиқадор номидааст»* [НКТЯ]. - Проблема миграции также не осталась незамеченной и с точки зрения самих мигрантов, один из которых называет себя ветераном-мигрантом.

Интересным представляется сочетание **муҳоҷири ботаҷриба** – опытный мигрант: *«Шерафган Авазов, сокини 29-солаи ноҳияи Фархор ва аз ҳамма ҳаллаҳои Абдусаттор Ахроров, пас аз шунидани бозгашти муҳоҷири ботаҷриба ба аёдати ӯ омад»* [НКТЯ]. - «Шерафган Авазов, 29-летний житель Фархорского района и один из земляков Абдусаттора Арророва, пришел навестить его после того, как услышал о возвращении опытного иммигранта».

Отдельные сочетания указывают на возраст мигрантов: *«Ҳамроҳи волидонашон марзи кишвари худро убури намуда, кӯдакони муҳоҷир бо мушкилоти зиёде рӯ ба рӯ мегарданд»* [НКТЯ]. - Пересекая границы своей страны вместе со своими родителями, дети-мигранты сталкиваются с множеством проблем,.

В пятидесятых годах прошлого столетия была проведена большая кампания по переселению жителей горных районов в долины. И именно тогда появилось сочетание **муҳоҷири дохилӣ** – внутренний мигрант, сохранившееся до настоящего времени: *«Соли 2009 моро аз деҳаи Сари пули ноҳияи Нуробод ба ноҳияи Дангара муҳоҷири дохилӣ карданд»* [НКТЯ]. - В 2009 году нас перевезли из села Сари пул Нурободского района в Дангаринский район как внутренних мигрантов.

Достаточно важным представляется юридический статус мигранта в принимающей стране. Все негативные последствия миграционного процесса возникали и продолжают возникать именно по причине легального и нелегального присутствия в стране. Сочетание **муҳоҷири гайриқонунӣ** –

незаконный (нелегальный) мигрант отражает как раз именно этот аспект концепта. Нелегальная миграция стала серьезной проблемой для многих правительств, поскольку она предполагает незаконную форму въезда через фальсификацию документов или контрабанду людей, просителей убежища, отказавшихся от убежища, и других. Понятие нелегального иммигранта часто приобретает политический оттенок, в связи с этим последней тенденцией является замена термина **нелегальный иммигрант** на более нейтральный, такой как *нелегал* или *нелегальный иммигрант/мигрант*.: **“Иттиҳоди Аврупо режими Лукашенко дар барқасдона доман задани бухрони муҳочират ва ташкили интиқоли ҳазорон муҳочирӣ гайриқонунӣ ба марзҳои Иттиҳоди Аврупо айбдор кард”** [НКТЯ]. - *Европейский Союз обвинил режим Лукашенко в умышленном усилении миграционного кризиса и организации перевозки тысяч нелегальных мигрантов к границам Европейского Союза.* Относительно использования данного термина в миграционном дискурсе возникло много вопросов. Общественные правозащитники Запада и академические круги России считают не совсем корректным его использование с точки зрения правового поля и ратуют за то, чтобы унифицировать семантику данного оборота и многих других терминов семантического поля “мигрант” в связи с тем, что процесс миграции усиливается. Сегодня среди юристов бытует мнение относительно того, что понятие нелегальный употребима только в отношении правовых актов, но только не по отношению к личности. Человек не может быть за пределами закона. Именно поэтому сам термин «нелегальный мигрант» является некорректным сочетанием по отношению к людям, находящиеся незаконно на территории другого государства. формой для обозначения «миграции вне закона». Уместнее всего с юридической точки зрения употребление сочетания «иностранный гражданин с неурегулированным статусом», однако подобного словосочетания в таджикском языке мы не встретили. Сюда же следует отнести сочетание *муҳочирӣ қонушикан* – *нелегальный мигрант*: **“Марзбонон аз аввали сол 40 муҳочирӣ қонушиканро дастгир карданд, ки**

мехостанд ба воситаи вилояти Алтай ғайриқонунӣ аз Қазоқистон ба Русия дароянд” [НКТЯ]. - С начала года пограничники задержали 40 нелегальных иммигрантов, которые хотели незаконно въехать в Россию из Казахстана через Алтайскую область.

Сочетание *муҳочири сиёсӣ* - политический мигрант/иммигрант характеризует цель миграции, а именно поиск убежища: *“Чунонки мебинем, дар ин шеър рӯҳияи як муҳочири сиёсӣ, ки аз майдони талош, аз ватан ва дӯстону наздикон дур афтада буд, баён шудааст*” [НКТЯ]. - Как мы видим, в этом стихотворении отражается дух политического иммигранта, который приложил огромные усилия, вдали от родины, друзей и близких, для самоутверждения.

Сочетание *муҳочири маҷбурий* - вынужденный мигрант (переселенец) связано с насильственным переселением или политическим, этническим преследованием: *“Инчунин ҳамзамон гувоҳем, ки 750-800 ҳазор нафар муҳочири маҷбурий ва гурезаро ба Ватан баргардонидан, хонаю ҷои вайро барқарор кардан, зиндагиашро ба роҳ мондан кори осон набуд*” [НКТЯ]. - Также мы являемся свидетелями того, что для 750-800 тысяч вынужденных мигрантов и беженцев, возвращенных на родину, было нелегкой задачей восстановление их домов и места жительства, налаживание жизни.

Многие сочетания определяют концепт «Муҳочир/Мигрант» с точки зрения конфликтности мигрантов с законом: *муҳочири ихроҷшуда* - депортированный мигрант *“Хадамоти федеролии муҳочирати Русия (ФМС) эълон кард, ки ҳазорон муҳочири ихроҷшуда аз Қирғизистонро аз рӯйхати сиёҳ-и Русия берун меорад ва ба онҳо ҳаққи бозгашти дигарбора ба Русия дода мешавад*” [НКТЯ]. – ФМС России объявил, что тысячи депортированных мигрантов из Кыргызстана Россия вывела из черного списка и им дано право вернуться снова в Россию.

В связи с заключением под стражу мигрантов достаточно употребительным стало сочетание *муҳочири зиндонӣ* – заключенный

мигрант. *“Беи аз 20 муҳочирӣ зиндонии тоҷик, ки мӯҳлати тӯлонии ҳабсашон дар як зиндони Мордовияи Русия тамом шудааст, дубора ба боздоштгоҳи ноҳияи Рузаевка интиқол ёфтаанд ва моҳҳо боз дар интизори бозгашт ба ватан ҳастанд”* [НКТЯ]. - Более 20 заключенных мигрантов, срок пребывания которых в одной из тюрем Мордовии завершился, опять заключены в изолятор района Рузаевка и месяцами ждут депортации на Родину.

В данном же ключе используется сочетание *муҳочирӣ боздоштишуда* – задержанный мигрант. *“Дар “Озодӣ Онлайн”-и имрӯз муроҷиати даҳҳо муҳочирӣ боздоштишуда ба Эмомалӣ Раҳмонро мебинем...”* [НКТЯ]. – На “Радио Озоди Онлайн” сегодня видим десятки обращений задержанных мигрантов к Эмомали Рахмону.

Проведенный анализ показал, что наиболее репрезентативной является дистрибуция понятия «мигрант» и его синонимического ряда. Отбор наиболее частотных определений, употребляемых для характеристики данного понятия, раскрывает концепт «Муҳочир/Мигрант». Проведенный выше анализ лексической репрезентации концепта «Муҳочир/Мигрант» в таджикском языке подтверждает его многоаспектность. Самую большую группу составляют парадигматические типы отношений, выраженные синонимическими и антиномическими рядами. «Концепт и значение представляют собой отражение объективной действительности. Оба явления имеют когнитивную природу и представляют собой результат отражения и познания действительности сознанием человека» [Попова, Стернин, 2007; 91]. Проведенный на базе Национального корпуса таджикского языка анализ синтагматических связей концепта «Муҳочир/Мигрант» в таджикском языке позволяет прийти к определенным выводам как в области семантики, так и частотности словоупотребления, а также многих других аспектов. Например, статистические возможности НКТЯ позволили проанализировать представленный концепт на большом объеме текста с целью определения закономерностей в сочетаемости лексики *муҳочир/мигрант* для

доказательства объективности полученных результатов. Использование возможностей национального корпуса как «нового, очень эффективного инструмента анализа фактов языка», и причины «смены теоретических приоритетов, связанной, в первую очередь, с переходом от “системы” к “узусу” и от “языка” к “речи”» [Бородина, Гак, 1979: 4] представляется еще одним реальным шагом в исследовании языка. Анализ данных позволил установить характерную сочетаемость слова *«муҳочир»*, что дало возможность рассмотреть в целом семантические возможности рассматриваемого концепта. Анализ синтагматических связей *муҳочир* показал коммуникативное значение и позволил провести сравнительный анализ с его лексикографическим значением. Концепт *«мигрант»* в языковом сознании таджиков как бы расщепляется на два субконцепта, которые различаются как по содержанию, так и по стилистической окрашенности.

Следует обратить внимание еще на один значительный факт формирования концепта — это роль СМИ в отражении и формировании концепта. Так как Таджикистан находится в поле действия русскоязычных СМИ, многие характерные особенности концепта *«Муҳочир/Мигрант»* прошли именно под влиянием различных публикаций в средствах массовой информации России. По меткому определению Е.С. Кубряковой, «СМИ создают определенную текстуально-идеологизированную “аудио и киносферу”, в которой живет современный человек и которая служит четкой концептуализации действительности. Именно сфера массовой коммуникации способствует тому, что общество выступает как “генератор социального гипноза”, попадая под влияние которого мы становимся согласованно живущей ассоциацией, именно в СМИ наиболее отчетливо проявляется воздействующая функция языка» [Кубрякова, 2001:61]. В исследованиях различных концептов появилось новое понятие - «массмедийный концепт», в нашем понимании это не сам концепт, а средство его формирования, находящееся за пределами лексического значения. Так, использование таких

лексем, как *грязный, оборванный, неопрятный, специфичная внешность, темнокожий* и многие другие, использованные при анкетировании таджиками, обусловлено влиянием российских СМИ.

По мнению Н.Н. Касаткиной и Д.А. Смирновой, «изучение номинативного поля концепта «мигрант» – концепта неизменно актуального, неоднозначного и противоречивого – имеет практически безграничный потенциал, поскольку сам концепт надежно закрепился в сознании и жизни людей, а следовательно, и в сфере языка» [Касаткиной, Смирновой, 2017:75].

2.3. Отражение лексико-семантического поля концепта «Мухочир/Мигрант» во фразеологической системе таджикского языка

Выше нами были изложены взгляды ведущих ученых на различные приемы исследования концепта, среди которых особо были выделены: определение ключевого слова, исследование семантики, его сочетаемость с другими словами, исследование синонимических и антонимических связей, построение семантического, лексико-грамматического и деривационного поля репрезентирующих исследуемый концепт в таджикском языке. Достаточно подробно подобный анализ изложен в следующих работах [Попова, Стернин 2003: 96-153; Антология концептов 2007: 15-16], [Сабитова 2015: 186-187] и многих других.

Для анализа фразеологических единиц, вербализующих тот или иной концепт, предлагается пошаговый анализ, связанный с тем, что значение устойчивой единицы является как бы «скрытым» языковым материалом, для раскрытия которого требуется анализ, тесно связанный с ментальными процедурами носителей языка. В работах М.Л. Ковшовой в описании фразеологизмов предлагается учитывать денотативный аспект значения, оценочное суждение, выявить образ, лежащий в значении фразеологизма, определить эмоционально-оценочную реакцию на образ носителей языка, парадигматический аспект использования определённой фразеологической

единицы, а также интерпретация макрокомпонентов значения в пространстве культуры. По мнению М.Л. Ковшовой, «модели культурной интерпретации проходят определенные этапы анализа, а именно: пробуждение в памяти исходных смыслов, относящихся к далекому прошлому культуры; припоминание знаний и представлений, которые связаны с фразеологизмом; соединение образа фразеологизма, или его ассоциирование, с символами, эталонами, стереотипами, мифологемами и др.» [Ковшова 2015: 39-41]. Далее автор отмечает, что «1) в элементарном объеме любой носитель языка обладает культурной и языковой компетенцией; 2) языковое и культурное сознание носителя языка при восприятии фразеологизма «работает» в интерактивном режиме; 3) в процессе интерпретации в пространстве культуры образ фразеологизма «успевает» обрести те или иные культурные смыслы» [Ковшова 2015: 141]. Национальная маркированность фразеологических единиц представляется одним из спорных вопросов лингвистики. Как отмечает М. Гутовская, «одни фразеологи ... считают национально специфичными широкий круг фразеологических явлений. Другие занимают противоположную позицию – относят к числу национально отмеченных только те фразеологизмы, в состав которых входят наименования реалий [Гутовская, 2015:156-157].

Достаточно важным уровнем языка в каждом языке является раздел фразеологии. Развиваясь по своим законам, он образует образную систему, отражающую культурные и этнонациональные традиции народа, в определенной степени определяя национальную языковую картину мира. От Ш. Балли и до В.В. Виноградова фразеология накопила огромный теоретический арсенал, хотя следует отметить, что данный раздел языка имеет не очень длительную историю становления по историческим меркам. Фразеология занимает достаточно значимое место в формировании языковой картины мира, именно устойчивые сочетания наиболее активны в формировании особого колорита национального языка, где в большей мере находят отражение специфические особенности национального менталитета,

которые и формируют национальную языковую картину мира. Н.М. Шанский утверждает, что фразеология - «непосредственное вербальное выражение не только окружающей человека действительности, но и её духовное национально маркированное сознание» [Шанский, 1985: 110]. Н.Н. Кириллова отмечает, что «фразеология может рассматриваться как один из способов «языкового мировидения», что дает основание говорить о существовании в каждом языке фразеологической картины мира» [Кириллова, 2003: 84]. В.Г. Гак различает национальную и культурную специфику устойчивых единиц. «Национальная специфика определяется объективным и субъективным факторами. Объективный фактор проявляется в природе и культурных реалиях, присущих только данному народу, субъективный предполагает произвольный выбор языковых средств в различных языках для выражения одних и тех же явлений» [Гак, 1999: 147].

Таким образом, ценность фразеологических оборотов заключается не только в том, что они обозначают, но и как данное значение преломляется через культурную семантику. Фразеологическая картина представляет собой особый пласт в языке, обладающий своими специфическими особенностями как по форме, так и по содержанию. Фразеологическая картина мира складывается из закреплённых в языке результатов интеллектуальной обработанной носителями языка информации о мире, передающих специфику национального мироощущения. При всем том, что фразеологизмы обладают определенной национальной особенностью, в языках мира есть универсальные свойства данных единиц, выражающиеся, во-первых, в организации фразеологических единиц по схожим моделям, во-вторых, в специфике организации семантики, когда целостное значение не выводится из значения составляющих фразеологизм слов.

В. Л. Архангельский еще в 50-е годы 19 века говорил о культурной и исторической значимости фразеологических единиц и их этнической ценности.

Под фразеологизмом в широком смысле нами вслед за В.М. Мокиенко, понимаются как идиомы, так и пословицы и поговорки. Сюда же нами включены и крылатые выражения, которые, несмотря на наличие авторства, выполняют те же функции, что и фразеологизм в широком понимании.

Несмотря на то, что фразеологизмы были отмечены во многих древних словарях, теоретические основы таджикской фразеологии были заложены в таджикском языкознании в советский период. Первые работы, где упоминаются фразеологизмы, приходятся на 40-50 годы прошлого века. Причем они не рассматривали теоретических вопросов фразеологии, а упоминались в процессе рассмотрения теоретических вопросов грамматики и других разделов языка. Но именно эти работы становятся основой рассмотрения фразеологизмов как особых единиц таджикского языка. Следует отметить работы таких известных таджикских лингвистов, как Мирзоева А., Ниёзи Ш., Точиева Д., Маъсуми Н. и многих других. Теоретические вопросы фразеологии серьезно стали рассматриваться в 60-х годах прошлого века. Одной из самых заметных теоретических работ является Фразеологический словарь М. Фозилова, в котором впервые были собраны фразеологизмы таджикского языка. Он до сих пор остается самым ценным словарем такого рода. Именно в эти годы были опубликованы статьи, посвященные изучению различных аспектов фразеологизмов, таких как вариативность фразеологизмов, синонимия во фразеологии, отличие фразеологических оборотов от свободных сочетаний, семантический аспект фразеологических единиц и многие другие.

В 70-е годы выходит в свет монография С. В. Хушеновой, посвященная теоретическим вопросам фразеологии, где автор рассматривает вопросы выделения фразеологических единиц среди других единиц языка, синтаксический аспект устойчивых сочетаний, строение фразеологических единиц и многие другие аспекты. Чуть позже выходит монография Ю.А. Рубинчика о фразеологизмах в персидском языке, которая, безусловно, пролила свет на многие вопросы фразеологии в иранских языках. Однако

заслуга выделения фразеологии как самостоятельного раздела в таджикском языке принадлежит известному таджикскому фразеологу Х. Маджидову. Но должны отметить, что описание фразеологической системы таджикского языка в работах перечисленных авторов и многих не упомянутых исследователей осуществлялось с оглядкой на теоретические основы русских и российских исследователей, особенно работы В.В. Виноградова, Н.М. Шанского, В.Н. Телия и многих других.

В последние годы появилось множество работ в области фразеологии в сопоставительном плане. Сравнительное изучение языков проводится для определения структуры и различных характеристик языков на основе важных вопросов современного языкознания. Эта отрасль науки занимает особое место не только в общем языкознании, но и в таджикском языкознании. Следует отметить множество диссертаций, посвященных сравнительной тематике, исследованию различных аспектов единиц разных языков, в том числе фразеологизмов. Сравнительно-типологические исследования фразеологизмов имело и имеют большое научное значение для таджикского языкознания, они способствовали разработке общей теории фразеологии в таджикском языкознании и ее общих и отличительных черт в современной общей лингвистике. Среди множества работ следует выделить работу М.Н. Азимовой, в которой автор на большом языковом материале касается теоретических основ фразеологии таджикского языка в ее сопоставлении с английской фразеологией.

Другим аспектом изучения фразеологии является анализ фразеологических единиц таджикского языка в аспекте их перевода в основном на русский язык. Во второй половине прошлого века активно шел процесс перевода прозы и поэзии современных таджикских советских писателей и поэтов на русский язык, в особенности произведений С. Айни. В этом плане следует выделить работу З. О. Муллоджановой «Стиль оригинала и перевода», выполненную на базе переводов произведений С. Айни. В монографии М. Мирзоевой рассматриваются некоторые лексико-

семантические, художественно-стилистические особенности фразеологических единиц, использованных в произведениях С. Айни. Следует также упомянуть выполненные в данном аспекте работы Г. Б. Баракаевой, Э. Бабаева, А. Ахмеджанова, Х. И. Икрамовой, М. Ибрагимовой, Б. А. Тахохова, М. Юсуповой и многих других. Следует также упомянуть исследования по фразеологии, проведенные на материале шугнанского языка: «Фразеология шугнанского языка (структурно-грамматический и семантический аспекты)» Аламшоева Ш. М. и работы по фразеологии Ш. Мирзоева, особенно его достаточно объемный и значимый для фразеологии памирских языков «Краткий словарь фразеологических единиц шугнанского языка и их эквиваленты в русском языке» в соавторстве с И. Карамовой.

В последние годы в таджикском языкознании уделяется огромное внимание проблемам изучения фразеологической системы таджикского языка, продолжает совершенствоваться теоретическая база данного раздела, вносятся изменения и уточнения в различные типы классификации фразеологических оборотов, появляется множество работ молодых исследователей по проблемам перевода устойчивых сочетаний.

В связи со все развивающимся интересом к проблемам когнитивной лингвистики в исследованиях в указанной области часто рассматриваются фразеологические единицы как особые единицы вербализации того или иного концепта концептосферы таджикского языка. «Культурная специфика фразеологизма определяется соотношением его с элементами материальной или духовной культуры данного общества, его истории, верований, обычаев, природно-географического ландшафта, в котором живет данный народ» [Гак, 1999:261]. Наша работа также продолжает цикл работ, в которых устойчивые обороты рассматриваются как единицы вербализации концепта. Не вызывает сомнения, что языковая картина мира может реконструироваться при помощи практически всех языковых средств, среди которых фразеология занимает одно из значимых мест. «Совокупность таких средств (лексико-семантические группы и поля, синонимические ряды, ассоциативные поля и

т.д.), включающих все части речи и объективирующих концепт в тот или иной период развития общества, есть номинативное поле концепта» (Попова, Стернин 2010: 66-67). Устойчивые сочетания репрезентируют содержание концепта как и слово. Основное различие состоит в том, что фразеологический оборот включает образно-эмоциональную сущность концепта и отражает его национально-специфическую особенность.

Именно поэтому следует проводить глубокий анализ устойчивых сочетаний, ибо именно в них заложена образность, а в их внутренней форме усматривается специфическая национальная особенность, которая является наиболее значимым для характеристики концепта. Специфичность фразеологизма позволяет увидеть и уловить мысль, заложенная в нем носителями языка в определенную эпоху. Устойчивые единицы дают возможность глубже понять ценностные ориентации носителей языка по отношению к тем или иным признакам рассматриваемого концепта. «Наиболее известными средствами вербализации концептов выступают, как правило, языковые единицы, среди которых особое место занимают фразеологизмы, поскольку, с одной стороны, они обладают культурологической значимостью, а с другой – способны образно и экспрессивно обозначать события и явления повседневной жизни человека» [Почуева, 2012:46].

Все исследователи фразеологического уровня единодушны в том, что фразеология любого языка является источником специфической культурной информации, где ярко проявляется национальная самобытность. «Для интерпретации этнокультурно-специфичных фразеологизмов необходимы знания культурологического и страноведческого характера» [Гутовская, 2015:160]. Именно во фразеологии наиболее полно и ярко отражается своеобразие жизни носителей конкретного языка. «Фразеологизмы возникают в национальных языках на основе образного представления действительности, которая отображает производственный, духовный, исторический и обиходно практический «опыты» языкового сообщества,

представляющие собой разные сферы национальной культуры» [Добрыднева, 1998:248]. А.Ф. Артемова под устойчивым сочетанием понимает «единицами, в которых отражено мировоззрение того или иного лингвокультурного общества» [Артемова, 2002:79].

При исследовании фразеологизмов в контексте культурно-национальной коннотации В.Н. Телия выделяет три этапа:

«1) Первый из них связан с определением фразеологического состава как наиболее самобытной в культурно-языковом плане части его номинативного запаса.

2) Второй круг вопросов касается уточнения соответствий и различий в методах и результатах изучения и описания культурной семантики фразеологизмов, осуществляемых в рамках этнолингвистического, лингвокультурологического и контрастивного направлений в исследовании взаимодействия двух разных предметных областей – языка и культуры.

3) Третий круг вопросов охватывает проблемы, связанные с выделением общей для языка и культуры методологической платформы, на базе которой разрабатываются методы изучения фразеологических единиц» [Телия, 1999:13 - 14].

Из перечисленных аспектов изучения фразеологизмов наиболее актуальным является первый, поскольку большинство фразеологизмов обладает культурно-национальным своеобразием, в них заключен культурно-маркированный смысл, устойчивостью, а их воспроизводимость представляется важным для передачи культурно значимых установок от поколения к поколению. Национальная специфичность устойчивых сочетаний заложена во внутриязыковой организации фразеологического оборота. Через внутреннюю организацию познаются особенности национальной культуры.

Значимость исследование концептов, объективированных фразеологизмами, важно также для анализа понимания мировосприятия и мироощущения, мышления и характера особенностей концептуализации

окружающей действительности. Исследование концептосфер национальных языков доказывают, что слово является не единственной единицей вербализации, хотя и основным. Ближе всего в слову в репрезентации концепта стоят устойчивые единицы, фразеологизмы в широком смысле понятия.

Сила фразеологизмов состоит в том, что в них заключена экспрессия, что нельзя утверждать относительно слова. Только во фразеологизме ощущается эмоциональная сторона. «Фразеологические средства вербализации концептов создают фразеологическую картину мира (ФКМ) – субъективный (этнокультурный) ассоциативно-образный фрагмент ЯКМ, который репрезентируется ФЕ» [Алефиренко 2010: 23]. Исследование того или иного концепта как единиц, образующих фразеологическую картину мира, помогает определить, какие именно стороны действительности и в какой степени представляют ценность для носителей языка.

М. И. Михельсон писал: «Существует двойкий способ выражения мыслей: мы определяем понятие или облекаем мысль словами в прямом их смысле, или же иносказательно, обиняками, намеками, сравнениями с подходящими по смыслу образными словами или, даже, целыми изречениями, в виде отдельных фраз, пословичных выражений, поговорок, пословиц и общеизвестных цитат» [Михельсон, 1994:10]. Они обладают тремя признаками – образностью, экспрессивностью и устойчивостью, в них закодирована культурная информация определенного периода времени. Исторические периоды имеют свою фразеологию, исторические условия определяют фразеологию языка в соответствии со взглядами социума.

Не вызывает сомнения тот факт, что информация об окружающем мире заключена в языке и его фразеологическом фонде, где фразеологизмы раскрывают многие скрытые или забытые знания, а также материальные и духовные ценности носителей языка. Однако следует отметить, что при всем богатстве таджикского языка, раздел фразеологии, на наш взгляд, требует дальнейшего системного анализа. Так, например, оставляет желать лучшего

лексикографическая работа в области фразеологии как в отношении количества, так и в отношении системности и полноты анализа фразеологизмов. В наиболее признанном словаре фразеологизмов таджикского языка М. Фозилова выделение многих единиц как фразеологических вызывает определенные сомнения. Фразеологическая система таджикского языка заслуживает более детального анализа, особенно в плане сбора и составления больших фразеологических словарей с этимологическим, семантическим и стилистическим анализом. Именно отсутствие подобных справочных материалов затруднило нашу работу над данным разделом диссертации.

Одним из продуктивных типов фразеологических единиц таджикского языка являются фразеологизмы изафетной конструкции, которые оформлены изафетом -и. Изафет соединяет определяемое с постпозитивным определением при помощи энклитического показателя, присоединяемого к определяемому слову. «Зависимые компоненты соединяются с существительными посредством изафета, предлога, послелога и примыкания. Такие сочетания обозначают определительное, обстоятельственное, дополнительное и субъективное отношение» [Грамматикаи забони адабии хозираи тоҷик. Ибораҳо ва Синтаксиси ҷумлаҳои сода, 1986.:362]. С.В. Хушенова отмечает, что “структурный тип изафетных фразеологических единиц является одним из наиболее продуктивных вследствие того, что в основе его лежит изафетная конструкция. На базе этой конструкции помимо свободных словосочетаний возникают многочисленные устойчивые обороты, закрепившиеся за предметом или явлением как его постоянное обозначение” [Хушенова, 1971 :19].

Само понятие мигранта в том значении, в котором мы его исследуем, сложилось в течение последних тридцати лет. Поэтому нами приведены устойчивые сочетания, которые могут вызвать споры относительно их принадлежности к фразеологическим единицам указанного выше типа: *Муҳоҷири меҳнатӣ* (муҳоҷири корӣ) – трудовой мигрант, *муҳоҷири*

собиқадор – мигрант со стажем, *муҳоҷири ботаҷриба* – опытный мигрант, *муҳоҷири дохилӣ* – внутренний мигрант, *муҳоҷири ғайриқонунӣ* – незаконный (нелегальный) мигрант, *муҳоҷири қонуншикан* – нелегальный мигрант, *муҳоҷири сиёсӣ* – политический мигрант, *муҳоҷири маҷбури* – вынужденный мигрант (переселенец), *муҳоҷири ихроҷшуда* – депортированный мигрант.

Близким по семе “покинувший постоянное место жительства” к слову *мигрант* является слово *ғариб*, используемое в следующих значениях: 1) чужеземец, странник, скиталец, 2) чужеземец, иноземец, 3) бесприютный, одинокий, несчастный, 5) книж. удивительный, привлекательный, необыкновенный, редкий. Следующие устойчивые сочетания подтверждают указанные значения: *ғариб мондан* – остаться одиноким, бесприютным; *ғариб шудан* – скитаться по чужбине; *воқеаҳои аҷибу ғариб* – необыкновенные происшествия, удивительные события; *хонашери майдонғариб* – молодец против овец, а против молодца – сам овца; *ғариб чашмони тар дорад* – у скитальца мокрые (от слез) глаза; *ғариб дар ҳасрати дидори ёр* – странник всегда желает видеть друга; *ғариб дар мулки ғайр мисли гадо аст* – странник в чуждой стране нищий.

Следует также рассмотреть лексему *ғарибӣ*: “1. ғариб будан, зиндагии дур аз ватан, мусофирӣ 2. бекасӣ, танҳой” [ФТЗТ] – 1. *быть скитальцем, жить вдали от родины*, 2. *испытывать одиночество*. Используется в следующих устойчивых оборотах: *ғарибӣ кашидан* – *быть скитальцем, дар ғарибӣ афтодан* – *впасть в одиночество. ғарибӣ кӯйи сахт аст* – *быть скитальцем - тяжелое бремя; ғарибӣ сад хатар дорад* – *скитание имеет сотни опасностей; ғарибӣ қотили чон аст* – *скитание опасно для жизни*.

В связи с утвердившимся в сознании носителей таджикского языка сочетания “трудовой мигрант/муҳоҷири меҳнати” (в последние 40 лет миграция осуществляется именно из экономических соображений) слово *муҳоҷир* ассоциируется со словом *коргар* (20) – *рабочий*, что служит еще одним доказательством того, что в восприятии носителей таджикского языка

на современном этапе мигрант больше всего связывается с понятием *трудовой мигрант* и ассоциируется с тяжелой работой. Отношение к труду на протяжении всей истории таджикского народа было чуть ли не самым главным показателем разграничения людей на хороших и плохих. Труд и трудолюбие всегда было и остается основным характерным признаком представителей этой нации, что очень часто подчеркивается в СМИ стран ближнего зарубежья. Такое отношение к труду нашло полноценное отражение в паремиологической системе таджикского языка:

Аз бекор худо (ҳама) безор – от бездельника даже Бог отрекся; *Аз зиндаи бекор мурда бехтар аст* – чем живой бездельник мертвец лучше; *Одами бекор — дарахти бебор* – безработный человек подобен бесплодному дереву; *Ба (дар) хӯрдан — наҳанг, ба кор — хари ланг* – как кушать, так акула, как работать, так хромой осел; *Дар сари кор айёр, дар сари ош тайёр* – в работе хитрец, а покушать плов всегда готов; *Кори шаб — хандаи руз* – носбю поработаешь – утором посмеемся; *Ба танбал кор фармо, панд бишнава* – заставь ленивого работать, услышишь наставления; *Ба гуфтан кор осон* – на словах дело делается легко; *Ҳар бекора бечора аст* – каждый безработный бедный.

Так как мигрант, прежде всего, человек, покинувший постоянное место жительства, в сознании таджикского народа данное слово ассоциируется со словом *меҳмон* – гость. Гость для таджика — это посланник Бога. Отношение представителей таджикской нации ярко представлено в следующих паремиях таджикского языка: *Меҳмон - атои Худо* – гость – посланник Бога; *Меҳмон бо ризқаш меояд* – гость приходит со своим провиантом; *Меҳмон ба хона баракат меоварад* – гость приносит в дом благословение; *Ризқи меҳмон пеш аз худаш меояд* – провиант гостя приходит до него.

Одним из самых значимых слов, связанным со словом *муҳоҷир* по основной семе – переселение, смена места жительства стало слово *мусофир*–
1) приезжий, 2) путник, странник, скиталец. *Масалан, хизматгорони*

содиқи Худо дар замини Канъон, вақте ки аз як ҷой ба ҷои дигар мекуҷиданд, «этироф карданд, ки бар замин мусофир ва ғарибанд». - Например, кочуя с одного места на другое в земле Ханаан, верные служители Бога «открыто говорили, что они люди чужие и временные жители в той земле». Чӣ тавр дигарон ба волидони мусофир ва фарзандони онҳо ёрдам карда метавонанд? - Как другие могут помогать иммигрантам и их детям? Аз ин мақола шумо фаҳмида метавонед, ки дар ин ҷаҳони Шайтон чун мусофир ва ғариб зиндагӣ кардан чӣ маъно дорад.- Узнай, что значит жить как временный житель в этом нечестивом мире.

Во фразеологической системе таджикского языка нами найдено два наиболее употребительных фразеологизма с названным словом: **чун мусофир ва ғариб зиндагӣ кардан** – жить как странник, **бори мусофир дар куча наместонад** – покляжа странника на улице не останется.

По той же семе связано со словом **муҳоҷир** слово **хориҷӣ** – *иностранец*, по предложенной нами системе представляющее последнюю единицу в ядре. Нами не обнаружены устойчивые сочетания, отражающие семантику слова **мигрант**, кроме выражения **шахрванди хориҷӣ** – *иностранный гражданин*, которое с большими оговорками можно отнести к устойчивым сочетаниям. Такие сочетания, как **сиёсати хориҷӣ** – *внешняя политика*, **робитаҳои хориҷӣ** – *внешние связи*, **қарзи хориҷӣ** – *внешний долг* не относятся к рассматриваемому нами концепту.

В зоне ближней периферии находится слово **бегона** – *чужой*. Как ни странно, однако в менталитете таджиков заложено, казалось бы, нелогическое отношение к чужому человеку, что находит подтверждение в следующих пословицах: **аз дӯсти дур бегонаи наздик хуб аст** – *лучше близкий незнакомец, чем далекий друг*; **бегона агар вафо кунад, хеши ман аст** – *если чужой будет верен мне, он и есть родственник*.

Очень близко по семантике слову мигрант слово **гуреза** – *беженец*. Несмотря на то, что гражданская война в республике повлекла за собой большой поток вынужденных переселенцев, или беженцев, в сознании

носителей таджикского языка данное понятие не отложило сильного психологического отпечатка, слово находится по своей употребительности в ближней периферии. Во фразеологической системе таджикского языка нами не обнаружено устойчивых сочетаний, кроме выражений *мақоми гуреза – статус беженца, гурезаҳои маҷбурӣ* - вынужденные беженцы.

Слово *овора* – 1) *обеспокоенный, озабоченный* 2) *бродящий, скитающийся* отражает основное значение изучаемого концепта – покинувший постоянное место жительства. Данное слово входит в устойчивое сочетание *сарсону овора шудан*: “*Аз ду тараф халқи одӣ, зану кӯдак, мӯйсафеду кампир чӣ гуноҳ дорад, ки дар чиллаи тобистон дар ба дар, сарсону овора шавад?*” [НКТЯ] – *С двух сторон обычные люди, женщины и дети, старики и старухи – в чем их вина, что они стали скитальцами?* Другой фразеологизм так же является достаточно употребительным - *дар ба дару овора*: “*Фикр мекунам, ки Эзид маро мисли мурзаки ломакон барои дар ба дару овора гаштан ба дунё оварда будааст...*” [НКТЯ]. – *Думаю, что Эзид меня произвел на свет, чтобы я как птенец скитался по миру.* На наш взгляд, к устойчивым сочетаниям в широком смысле следует также отнести выражение “*Мурзаки овора ба сад гул расид*” [НКТЯ]. – *Скитающийся цыпленок дошел до ста цветов.* Достаточно употребительными являются сочетания *гурезаву овора* и *гарибу овора* “*Акаву додарҳоят ба чор тарафи олам гурезаву овора, бе ному нишон, ҷавонмарди нозанинат дар майдони ҷанг...*” [НКТЯ]. - *Твои братья по четырем сторонам света скитаются, любимый молодой человек на поле битвы...* “*Дар кисаат пул андохта, сидқан гуфтам, ки ҳамтанги ман бош, ҷавони коркун менамой – ташвиши дӯкандорӣ ба як худи ману Курбон вазнин; гайр аз ин... ту ҳам мисли мо тоҷик будай, гарибу овора будай*” [НКТЯ]. - *Положил тебе в карман деньги и от всей души говорю, будь моим напарником, работающим мне кажешься – работать в магазине мне и Курбону тяжело; кроме того... ты тоже таджик, как и мы, скитаешься.*

Сложное слово **оворагард** - бродяга, скиталец, 2) бездомный, странствующий как устойчивое сочетание используется в словосочетании **бекору оворагард и гарибу оворагард**: **“Бинобар иттилои сомонаи ВКД ҚТ мақсад аз баргузори амалиёти мазкур муайян ва ошкор кардани наврасону ҷавонони бекору оворагард дар пойтахт мебошад...”** [НКТЯ]. - Согласно информации сайта МВД РТ, целью проведения данной операции является выявление безработных подростков и молодежи в столице. **“Хабарнигоре воқиф шуда, ки дар як таҳхонаи бинои шаҳри Қарочии Покистон бачаҳои бесоҳиби тоҷикистонӣ мезиянд. Барои фаҳмидани ин далел ва гуфтугӯ бо кӯдакони гарибу оворагард ба суроғи онҳо рафтааст”** [НКТЯ].- Журналист был удивлен, что в подвале здания города Карачи в Пакистане жили бездомные таджикские ребята. Чтобы выяснить этот факт и поговорить с детьми-бродягами, они пошли по их адресу.

Лексема **саргардон** - расстроенный, растерянный, приведенный в смятение встречается в четырех устойчивых сочетаниях: **муфлису саргардон, сарсону саргардон, овораву саргардон, гарибу саргардон.**

“Ва дар шаҳри Душанбе тӯдаи одамон ҳалҳалаву валваларо мавҷ-мавҷ баланд мебардоштанд, ки «коммунистон мулкро вайрон карданд, халқро муфлису саргардон карданд»[НКТЯ]. - И в городе Душанбе толпа людей поднимала волны протеста относительно того, что " коммунисты разрушили государство, привели в смятение народ. **“Шоир сарсону саргардон кор мекофт”** [НКТЯ]. – Поэт в смятении искал работу. **“Шаҳрҳои тозаву озода, маданияту фарҳанги баланд, шароити баланди таҳсилу омӯзиш ва ҳар кас овораву саргардон дар пайи кори худ - ин хосиятҳои мулки афсонавии Чин аст”** [НКТЯ]. - Аккуратные города, высокая культура и образованность, приличные условия обучения, и все заняты своими делами - это свойства сказочного Китая. **“Нисбатан кӯчаку камқудратро ба хок яксон намуданду халқҳояшонро хонабардӯш ва гарибу саргардон сохтанд”** [НКТЯ]. – Относительно маленькие и нерентабельные места сравнивали с землей, а народ привели в смятение.

Еще одним доказательством того, что основную ассоциацию у носителей таджикского языка, связанную с концептом *мигрант*, вызывает трудовая миграция и зарабатывание денег, является слово *пулдор-денежный*. Денежные отношения являются серьезным фактором, во многом предопределяющим взаимоотношения между людьми. Их наличие или отсутствие оказывает серьезное влияние на изменение сознания людей и их поведение. “Денежные отношения – это компонент целостной системы отношений личности, отражающий ее индивидуальный, субъективно-оценочный, избирательный подход к деньгам как объекту действительности и представляющий собой интериоризированный опыт обращения с деньгами и взаимодействия с другими людьми по поводу денег в специфической социокультурной ситуации” [Короткина, 2009:105]. Отношение к деньгам во многом зависит от этнических установок, которые формируются при таких важных национальных факторах, как родной язык, общность происхождения, культура, традиции, религия и т.п. “Этнопсихологические особенности могут оказывать влияние на денежное поведение людей.” [Короткина, 2009:106]. У таджиков различное отношение к деньгам, что отражается в следующих устойчивых выражениях: *пул чон нест, ки осон битавон додан- деньги не душа, с которой легко расстаться* ; *пул пулро пайдо мекунад – деньги находят* ; *пул ҳали ҳама мушкилот аст – деньги решают все проблемы*; *пул пайдо кардан осон, вале ниго доштан душвор – деньги найти легко, сохранить трудно*; *пул пеши пул меравад, хок пеши хок*; *пул алафи хирс нест – деньги к деньгам идут, прах – к праху*; *пул каму, силеқа бисер – денег мало, запросы большие*; *Пул ки зиед шуд, хона танг мешаваду зан безеб – когда денег становится много, дом становится тесным, жена некрасивой*; *Ҳар кучо пул аст, ончо дилхушист – где деньги, там и радость*; *одами пулдор болои бурути шоҳ назора мезанад – богач бьет в барабан на усах шаха*.

Из приведенных устойчивых оборотов можно вывести, что у таджиков, с одной стороны, деньги приносят благо, с другой стороны, могут стать

источником бед. В целом же деньги являются залогом уверенности в завтрашнем дне. Отдельные устойчивые сочетания указывают на то, что у таджиков есть стремление к накопительству.

Выводы ко 2 главе

Концептуальное поле является одним из эффективных приемов систематизации и описания семантического содержания концепта, позволяет комплексно описать все компоненты, формирующие концепт.

Нами предпринята попытка представить актуализацию концепта «муҳочир/мигрант» в языковом сознании носителей таджикского языка на материале, представленном в словарях, в Национальном корпусе таджикского языка и других источниках. Номинативное поле концепта представляют языковые средства, отражающие его на определенном этапе состояния общества.

Актуальность того или иного концепта для определенного языкового сообщества находит отражение в степени его репрезентации лексико-фразеологической системе языка, в количестве лексических и фразеологических единиц, номинирующих различные области содержательной стороны концепта. Так, например, все лексеммы данного поля можно разделить на две группы: в первую группу следует включить слова, связанные с политическими и социальными причинами миграции, во вторую группу – слова, связанные с экономическими причинами миграции. Исходя из указанного принципа, номинативное поле концепта «муҳочир/мигрант» в таджикском языке описано нами с помощью ключевого слова-репрезентанта «МУҲОЦИР», его синонимического ряда и дериватов.

В сознании носителей таджикского языка указанный концепт наполняется разнообразными смыслами, что напрямую связано с различными субъективными и объективными условиями, отражающими стереотипы, сложившиеся в социуме.

В соответствии с основной семой концепта «мухочир/мигрант» - «лицо, совершающее переселение, меняющее местожительство внутри страны или переезжающее из одной страны в другую», в поле концепта входит понятие, связанное с миграцией, вызванной социальными, экономическими и политическими причинами.

В результате анализа лексики номинативного поля концепта «мухочир/мигрант», представленной в таджикском языке, можно определить зону ближней периферии, зону дальней периферии и зону крайней периферии. Ядро концепта составляет лексема мухочир - эмигрант, иммигрант, переселенец. Если исходить из основного определения слова мигрант как “лицо, совершающее территориальное передвижение со сменой постоянного места жительства и работы навсегда или на определенный срок”, то можно выделить две семы: перемещение и работа. Исходя из этого, по первому признаку в зоне ближней периферии будет находиться лексема хичрат – покинувший родину, хоричӣ – иностранец, гуреза – беженец, ғайриқонунӣ – нелегал; по второму признаку – мардикор – наемный рабочий, гастарбайтер. В зону дальней периферии по первому признаку включены лексемы *омада* и *мусофир* – приезжий, *бегона* – чужой; по второму признаку - лексемы *муздур* – тот, кто работает за ежедневную оплату, *яккамардикор* – работник, который работает один, *даҳмарда* – наемный пастух. Исходя из сказанного, можно утверждать, что номинативное поле концепта «мухочир/мигрант» является коммуникативно-релевантным, обладает высокой плотностью, является достаточно актуальным на синхронном уровне для носителей таджикского языка.

В определении значения любого слова достаточно прочное положение занимает его сочетаемость с другими словами, или синтагматический аспект слова, который играет существенную роль как в формировании значения, так и концепта в целом. Значение слова находится в прямой зависимости с сочетаемым окружением. Многие исследователи лексического значения слова утверждают, что только прямое номинативное значение определяется

толковыми словарями, все остальные переносные значения многозначного слова рассматриваются только в контексте, в связи с другими словами.

Наше исследование синтагматических связей слова «муҳочир/мигрант» было основано на материалах Национального корпуса таджикского языка, которые дают возможность определить как статистические данные по словоупотреблению, так и цепь сочетаемости рассматриваемого слова со словесным окружением на огромном лексическом материале. Проведенный анализ позволил нам установить характерную для таджикского языка сочетаемость слова муҳочир(и), прежде всего, с прилагательными, дающими реальное представление коммуникативного значения данной лексемы. Прилагательные в атрибутивной позиции определяют наполняемость концепта, адъективная сочетаемость выставляет свойства концепта.

Концептуальный анализ показал, что наиболее репрезентативной является дистрибуция понятия «муҳочир/мигрант» и его синонимического ряда. Отбор наиболее частотных определений, употребляемых для характеристики данного понятия, раскрывает концепт «муҳочир/мигрант». Проведенный выше анализ лексической репрезентации концепта «муҳочир/мигрант» в таджикском языке подтверждает его многоаспектность. Самую большую группу составляют парадигматические типы отношений, выраженные синонимическими и антиномическими рядами.

Синтагматические типы отношений представлены в основном синтаксической моделью имя существительное + имя прилагательное. В структуре значения отдельно выделяется сочетательная ценность слова, которая обусловлена семантической валентностью. Сочетаемые свойства слова вкупе с его значением находятся в отношении взаимной обусловленности.

Проведенный на базе Национального корпуса таджикского языка анализ синтагматических связей концепта «муҳочир/мигрант» в таджикском

языке позволяет прийти к определенным выводам как в области семантики, так и частотности словоупотребления, а также многих других аспектов.

Одним из самых важных уровней языка (промежуточных уровней) в каждом языке является раздел фразеологии. Развиваясь по своим законам, он составляет систему, отражающую культурные и этнонациональные традиции народа, в определенной степени определяя национальную языковую картину мира. Устойчивые сочетания, вербализуя концепты наравне со словом, в большей степени передают образно-эмоциональную и национально-специфическую составляющие концепта. Вербализация концептов средствами фразеологии позволяет экспрессивно воспроизвести ту или иную мысль, дать эмоциональную оценку определенному феномену. Фразеологические единицы дают возможность глубже понять ценностные ориентации носителей языка по отношению к тем или иным признакам рассматриваемого концепта. Фразеология любого языка является источником специфической культурной информации, где с особой силой проявляется национальная самобытность носителей этого языка. Именно во фразеологии наиболее полно и ярко отражается своеобразие жизни этноса.

Исследование фразеологического фонда показало, что информация об окружающем мире, заключенная в языке и его фразеологическом фонде, раскрывает многие скрытые или забытые знания, а также материальные и духовные ценности носителей языка.

Особо следует отметить, что при всем богатстве таджикского языка, раздел фразеологии, на наш взгляд, следует считать одним из самых мало разработанных разделов лингвистики не только в таджикском языке, а в целом в иранских языках. Проведенный в начале главы обзор работ таджикских ученых в области фразеологии свидетельствует, что вне поля их зрения все еще остается ряд проблем, которые рассматриваются во фразеологических работах ученых других стран.

ГЛАВА 3.

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ КОНЦЕПТА «МУҲОЦИР/МИГРАНТ» В ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКЕ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

3.1. Ассоциативный эксперимент как один из методов концептуального анализа

Лексикографический анализ рассматриваемого концепта представил нам достаточно объемный материал для анализа. Однако проведенный во второй главе диссертации анализ несет в себе некоторый субъективизм. Мы согласны с исследователями, которые утверждают, что опора только на лексико-фразеологический материал не может служить достаточным основанием для объективных выводов при анализе концепта. «Ассоциация — это связь между некими объектами или явлениями, основанная на нашем личном, субъективном, опыте. Опыт этот может совпадать с опытом той культуры, к которой мы принадлежим, но всегда является также и сугубо личным, укорененным в прошлом опыте отдельного человека» [Фрумкина, 2001:158]. Реальная картина восприятия того или иного концепта носителями языка может быть сформирована через их ассоциативные представления, то есть через проведение ассоциативного эксперимента. Здесь показательным представляются не столько ядро и ближняя периферия концепта, сколько дальняя и крайняя зоны периферии. По мнению В.Е. Гольдина, результаты ассоциативного эксперимента отражают не только индивидуальные, но и нормативные образные компоненты концепта. «Чем больше методов и приёмов использует исследователь, тем больше признаков концепта он выявит, тем ближе к истине будет построенная модель концепта» [Попова, Стернин 2001: 152].

Развитие и расширение аспектов изучения языка сегодня привело к расширению интересов лингвистов не только к самому языку, но и к говорящему индивиду. Новые объекты требуют новых методов. Часто отдельные методы заимствуются со смежных научных дисциплин. Так из

области психолингвистики был заимствован ассоциативный эксперимент, в целях изучения ассоциативного значения слова. «Новая ассоциативная парадигма коммуникативно-прагматической лингвистики позволяет глубоко и полно представить концептуальную природу объектов реальной действительности, построить концептуальные модели языковой картины мира» [Горошко, 2001:36].

Ассоциативное поле слова формируется, строится, моделируется через анализ результатов ассоциативного эксперимента, которые способны указать на специфические особенности национального языкового сознания носителей языка. Его применение помогает «установить «скрытые» признаки концепта - его ассоциации» [Красавский, 2000:21]. Именно через ассоциативный эксперимент возможно в полной мере представить связи слов в сознании носителей языка на семантическом уровне, их иерархическое строение, объем их представления, связанный со словом-стимулом. Через анализ реакций и их интерпретацию можно представить место конкретного концепта в концептосфере народа, позволяет выявить компоненты концепта. Согласно мнению Н.В. Крючковой, «для описания концепта в его синхронном состоянии необходимо синхронное исследование репрезентаций концепта в лексико-семантических системах языков, дополненное по возможности анализом результатов ассоциативных экспериментов и изучением дискурсивного функционирования слов, являющихся лексическими репрезентациями концепта.» (Крючкова 2005:23). В целях получения максимальной информации из ассоциативного эксперимента необходимо провести когнитивную интерпретацию результатов эксперимента. «Слова-ассоциаты при этом выступают как языковые средства вербализации, овнешнения тех или иных ... когнитивных признаков» [Попова 2007:72].

Ассоциация представляет собой некую связь между предметами и явлениями, ощущаемая субъективно каждым носителем языка индивидуально. «Ассоциативный эксперимент помогает выявить содержание

концепта в когнитивном сознании носителей языка и ранжировать по яркости образующие концепт признаки» [Шапилова, 2003:65,69]. Ассоциация индивида исходит из личного опыта, она может совпадать с опытом носителей определенной культуры, но может быть чисто индивидуальной. Ценность использования ассоциативного эксперимента в том и состоит, что часто индивидуальный опыт и видение не совпадает с утвердившимся опытом в социуме. Метод ассоциативного эксперимента представляется как «специфичный для данной культуры и языка «ассоциативный профиль» образов сознания, интегрирующий в себе умственные и чувственные знания, которыми обладает конкретный этнос» [Уфимцева, 2001:67]. Это особенно наглядно просматривается при анализе содержания формирующихся концептов через ассоциативный эксперимент (как в нашем исследовании с концептом «Мухочир/Мигрант» в языковом сознании носителей таджикского языка). В уже давно сформировавшихся и закреплённых в культуре и сознании традициях ассоциации не вызывают сомнения, так как за ними закрепились культурная условность. Для таджика не важно, почему так сложилось, что синий и чёрный цвета стали символом траура, потому что он родился с данной установкой. Но он, как член данного социума и носитель данной культуры, не вправе осуждать или же сомневаться в верности выбора. Он их усваивает как данные уже опытом общих познаний, зафиксированные в национальной культуре. Носитель данной культуры не задумывается над тем, почему в другой культуре, например русской, траур обозначен чёрным цветом. Ассоциативные связи диктуются культурой, в которой мы живём. Однако все это правильно по отношению к общепринятым и утвердившимся связям, которые прошли через знания и опыт носителей языка. Носителю языка уже не следует вникать в значимые признаки объекта, которые легли в основу значения и описания. И все же индивид ассоциирует объекты по-своему, в тесной связи со своим опытом и знаниями, со своей практикой и образом мышления. В том и ценность ассоциативного эксперимента, что через индивидуальное

сознание мы выходим на совершенно не известные до проведения эксперимента ассоциации. Изучая ассоциации в ассоциативном эксперименте, мы, таким образом, апеллируем к неосознаваемому, глубинному слою психики носителей конкретного языка. «В среднем же обычно отмечаются следующие типы ассоциативных связей:

- 1) смысловая близость, где ассоциативным ответом является слово–синоним;
- 2) смысловая противопоставленность, где ассоциативным ответом слово-антоним;
- 3) созвучность, рифма по типу кино – вино, цвет – свет, густой – пустой;
- 4) отношения "выше – ниже" по типу фрукт – яблоко, груша;
- 5) отношения "часть – целое" и "целое – часть" по типу дом – комната» [Фрумкина, 2001:58].

Можно выделить три вида ассоциативного эксперимента:

- 1) «свободный ассоциативный эксперимент, при котором отсутствуют ограничения по количеству ассоциаций» [Леонтьев, 1977:5];
- 2) «направленный, или контролируемый, ассоциативный эксперимент, при котором обычно задаются условия» [Леонтьев, 1977:5];
- 3) «цепочечный, или множественный, ассоциативный эксперимент является разновидностью свободного ассоциативного эксперимента» [Городецкая, 2002:34].

Через ассоциативный эксперимент мы предприняли попытку расширить наше представление об исследуемом концепте и выявить национально-культурный компонент в семантике концепта «Мухочир/Мигрант» в языковой картине мира носителей таджикского языка. Нами в исследовании использован свободный ассоциативный эксперимент, который, на наш взгляд, в большей степени соответствует решению поставленных нами задач.

3.2 Реализация концепта «Муҳоҷир/Мигрант» в языковом сознании носителей таджикского языка (на материале полученных реакций респондентов)

Мы провели свободный ассоциативный эксперимент, целью которого является определение различных типов ассоциаций со словом-стимулом. «Ориентируясь на ассоциативные связи и отношения, реально существующие в языковом сознании рядовых носителей языка, можно, например, выявлять и так или иначе интерпретировать живые связи слов, виды переносных наименований, отношения между производной и производящей основами, этапы фразеологизации свободных словосочетаний и т.д. и т.п.» [Мартинович, 1997:3].

Базовым концептом миграционного дискурса является концепт «Мигрант». Необходимость анализа концепта «Мигрант» через ассоциативный эксперимент объяснима тем, что он дает возможность определить те изменения, которые происходят в сознании носителей таджикского языка в восприятии процесса миграции, а также расширить представление о репрезентации концептуального поля изучаемого концепта в языковом сознании таджиков.

В нашем исследовании предпринята попытка представить ассоциативное поле концепта «Муҳоҷир/Мигрант» как объект конструирования процесса познания. Здесь же дано по возможности полное описание ассоциатов, представляющих структурно-семантическое содержание рассматриваемого концепта. «Ассоциативное поле при таком понимании – это совокупность ассоциаций, то есть лексически материализованных реакций на слова-стимулы» [Вардомацкий, 2022:179]. Другим аспектом исследования является классификация концептуальных признаков концепта «Муҳоҷир/Мигрант», дать полную характеристику ассоциативно-семантических зон по итогам проведенного ассоциативного эксперимента. Представленный анализ позволит нам определить

специфические национальные особенности эмоционального восприятия концепта «Муҳоҷир/Мигрант» носителями таджикского языка. Концепт «Муҳоҷир/Мигрант» является универсальным и важным концептом концептосферы таджикского языка и как ключевой концепт играет существенную роль в формировании культурных ценностей носителей таджикского языка.

Концепт «Муҳоҷир/Мигрант» рассматривается как «некое представление о фрагменте мира или части такого фрагмента, имеющего сложную структуру, выраженную разными группами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами и средствами» [Пименова, 2004:10].

Методом исследования является свободный ассоциативный эксперимент, который был проведен среди носителей таджикского языка, для которых таджикский является родным языком, в возрасте от 17 до 72 лет, приблизительно с равным гендерным соотношением. Метод ассоциативного эксперимента позволяет изучать активный слой концепта. В определении структуры концепта мы разделяем точку зрения З.Д. Поповой и И.А. Стернина, выделяющих в структуре следующие компоненты:

«1) образный компонент, в который входят перцептивный образ и когнитивный или метафорический образ;

2) информационный компонент, включающий минимум когнитивных признаков, определяющих наиболее существенные черты концепта;

3) интерпретационное поле концепта, состоящее из множества когнитивных признаков» [Попова, Стернин, 2007:77–78].

Впервые предпринята попытка моделирования ассоциативно-вербального поля концепта «Муҳоҷир» через совокупность вербальных ассоциаций на данное слово-стимул.

Всего в эксперименте участвовало чуть больше 400 респондентов, которым предлагалось написать неограниченное количество ассоциаций на слово-стимул «Муҳоҷир». Респондентам была предложена готовая карточка

со словом-стимулом «Муҳочир», с указанием пола, возраста и сферы деятельности (по желанию). В нижнем поле карточки был дан пример для более точной корректировки наших требований к информаторам: **«Масалан: ОБ - ҳаёт, баҳр, даре, моеъ, кӯл, тар, тоза, шаффоф, нӯшидан, чараен, Н2О, ташнагӣ, покӣ, абадият».** Практически все респонденты правильно, ориентируясь на пример, достаточно точно (кроме незначительного количества респондентов) дали объемный материал для анализа.

В эксперименте участвовали студенты факультета иностранных языков Российско-Таджикского (Славянского) университета, работники различных сфер деятельности, безработные, прибывшие из трудовой миграции, собирающиеся на заработки в Россию и Англию и представители других социальных групп, что позволило нам охватить широкий половозрастной диапазон. Возраст анкетированных составил от 18 до 72 лет. Половое соотношение приблизительно одинаковое. Соотношение занятых в различных сферах деятельности и временно безработных среди респондентов составило 93 % к 7 %. Всего было привлечено к анкетированию более 400 человек.

Нами получено от респондентов всего 703 реакции на слово-стимул. В каждой карточке дано от 4 до 12 реакций на слово-стимул. Всего использовано 124 слова, 49 словосочетаний и 14 предложений. Соответственно, нами выделены три основных типа реакций:

- реакции-предложения (*Шахсе, ки аз ватани худ ба давлати дигар бо мақсади кор кардан, таҳсил гирифтан меравад.* – Человек, который уезжает из своей страны в другую страну с целью работать или учиться. *Шахсе, ки аз як ҷой ба як ҷое дигар кочонда мешавад.* – Человека, которого переселяют с одного места в другое (имеется в виду вынужденная миграция). *Он ки аз мамлакати дигар кӯчида рафта дар он сокин шудааст.* – Тот, кто уехал в другую страну и стал ее гражданином),
- реакции-словосочетания (*аз даст додани саломати – потерять здоровье, азобу машаҷат - мучения и страдания, бе дусту рафиқ - без*

друзей, берун аз ватан – вдали от родины, гирд гаштан- крутится вокруг, давлати бегона – чужая страна) и

- реакции-словоформы (*коргар – рабочий, мардикор – подёщик, чернорабочий, меҳнатгар (4) – труженик, саргардон(12) – блуждающий, бродящий*).

«Структура концепта изменчива, это объясняется его активной динамической ролью в процессе мышления – он все время функционирует, актуализируется в разных аспектах, взаимодействует с другими концептами, семантическое наполнение концепта может расширяться или сужаться в зависимости от экстралингвистических факторов» [Зубарева, 2019:74].

На основании анализа ролученного в ходе эксперимента материала предпринята попытка составить модель концепта «**Муҳочир**» в языковой картине мира носителей таджикского языка. «Когнитивный подход предполагает изучение всех языковых репрезентантов в языковом сознании носителей языка, которыми представлен концепт. Языковые репрезентанты концепта актуализируют наиболее значимую информацию, отражающую определенные знания и опыт общества по отношению к определенному общественному явлению» [Зубарева, 2019:72].

3.2.1. Экспликаты – синонимы концепта «Муҳочир /Мигрант» с положительными и отрицательными коннотациями

Нами выделены несколько тематических групп, самой большой среди которых была группа «Наименования (положительные и отрицательные)», поскольку что респонденты в первую очередь использовали слоа-синонимы. «На уровне организации обобщенного ассоциативного поля как сложного целого абсолютно все его элементы, независимо от их остальных характеристик, объединяются на основе собственно тематических отношений, уже в пределах которых проявляются все другие виды связей и отношений, возможных между номинативными единицами языка –

синонимические, антонимические, словообразовательные, стилистические, грамматические и т. д.» [Мартинovich, 1997:34].

Наименования (положительные и отрицательные). Опишем наименования, которые, на наш взгляд, представляются наиболее интересными и содержательными по отношению к рассматриваемому концепту. Особо следует выделить слово *гариб* - 1) *чужеземец, странник, скиталец*, 2) *чужеземный, иноземный*, 3) *бесприютный, одинокий, несчастный*, которое отмечено у 114 респондентов. Опираясь на указанные данные, этот признак следует считать наиболее отличительным признаком концепта «Мухочир» в языковой картине мира носителей таджикского языка. Толковый словарь таджикского языка дает данное слово в трех значениях: 1. *что-то новое и редкое; удивительно причудливое, чудесное*. 2. *приезжий, путник, странник, скиталец*. 3. *одинокий, бедный*. В первом значении с положительной коннотацией вряд ли данное слово применимо в анкетах респондентов, что касается второго и третьего значений, то они охватывают практически все основные характеристики мигранта, отраженные в языковом сознании носителей таджикского языка в соответствии с полученными результатами ассоциативного эксперимента. У двух респондентов встретилось слово *гарибкор* (2) (*неквалифицированная работа*) – скорее всего имеется в виду *работа, выполняемая мигрантами*, которое так же не было обнаружено в словарях.

Удивило нас также использование по отношению к мигрантам слова *гулом* (1) (*раб*). Неожиданная ассоциация с явлением, которое, казалось бы, уже давно исчезло из общественного сознания. Слово *гуреза* (16) – *беженец* закрепилось в языковом сознании носителей таджикского языка в связи с массовой миграцией таджиков во время и после гражданской войны.

Интересным представляется асоциат *занпартояк* (1) – *бросающий жену*. Безусловно, это индивидуально-авторский неологизм, но он как никакое другое слово характеризует современного таджикского мигранта и то, что находится в поле общественного обсуждения в последние годы.

Нейтральным наименованием представляется слово *коргар* (20) – *рабочий*. С несколько негативным оттенком следует воспринимать слово *мардикор* – *подёщик, чернорабочий*, что характеризует в определенной степени статус таджикского мигранта. Положительно характеризует мигранта слова *меҳнатгар* (4) – *труженник, меҳнаткаш* (1) – *трудолюбивый*.

Значительное количество (66) респондентов отметили слово *мусофир* – *приезжий, иностранец, путник, странник, скиталец*. В восьми анкетах использовано слово *овора* (8) – *бродящий, скитающийся, блуждающий*; в 10 анкетах использовано слово *оворагард* (10) – *бродяга, скиталец, бездомный, странствующий*. Данные слова-реакции указывают на сложное положение мигранта в чужой стране.

Странным представляется отмеченное у одного информатора слово *одам* (1) – *человек*. Очень надеемся, что употребление данного слова в обозначении мигранта является совершенно не осознанным и случайными.

Слово *оилапарвар* (1) – (букв.) *семейный, содержащий семью*, характеризует мигранта с положительной стороны. Традиционно таджики придерживаются культа семьи, ради которой они готовы вынести все лишения и невзгоды. Родители и дети для таджиков представляются самыми близкими, в содержании и воспитании которых многие видят смысл всей своей жизни.

Индивидуально-авторский неологизм *нешбарак* (1) – *движущий вперед*, просторечное, не отмечен в нормативных словарях, и, по нашему мнению, данная ассоциация связана с финансовой поддержкой мигрантами родственников, проживающих в Таджикистане.

Интересным представляется ассоциация, выраженная словом *пулдор* (4) – *денежный*, человек, имеющий деньги, т.е. для мигранта работа в миграции дает доход, дает возможность стать денежным. Данная ассоциация связана с неоправданными финансовыми расходами молодых людей, временно приезжающих с сезонных работ в ближнем зарубежье.

Неопределенность в миграции породило ассоциацию *ризқчуянда – ишущий пропитание, хлеб насущный*. В ФЗТ дается следующее толкование первой (основной) части данного сложного слова: «**РИЗҚ** а. رزق хӯрок, кути хар рӯза; ризқ ёфтан, барои худ хӯроқӣ ба даст овардан; васоили зиндагӣ фароҳам кардан; ризқи мақсум ризқи қисматшудаи рӯзмарра, насиб» [ФЗТ] - *Средства к существованию А. – пища, пропитание на каждый день, поддерживать каждый пост; получать пищу для себя; предоставлять средства к существованию; получать ежедневное питание.*

У 8 респондентов мигрант ассоциируется с туристом, путешественником: *сайёҳ (8)*. Неустроенность и скитания мигрантов стали основой ассоциации понятия мигрант со словом *саргардон (12)* – *блуждающий, бродящий, расстроенный*. Этим же объясняется ассоциация со словом *сарсон (2)* – *испытывающий затруднение, избегавшийся, замученный беготней, скиталец*.

Только у одного респондента слово мигрант вызвало ассоциацию со словом *тоҷик (1)* – *таджик*. В журнале «Миграционная лингвистика» опубликована статья О.Н. Путиной «Функционирование неологизмов в процессе глобализации и миграции (на примере русского и английского языков)», где автор рассуждает о появлении неологизмов и приводит следующий, очень оскорбительный для таджиков, пример: «...наблюдается обратный процесс, при котором трудовая миграция приносит в разговорный русский язык новые слова. Таким примером является глагол *таджичить*, используемый для обозначения черной и низкооплачиваемой работы наряду с глаголом *батрачить*. Вероятно, поводом к его появлению могли стать условия жизни и работы таджикских трудовых мигрантов в России. Поверхностный обзор в поисковой интернет-системе Гугл выдал некоторые примеры использования данного глагола: *Придется таджичить, видимо; Я думаю лучше таджичить в Канаде, чем процветать здесь и сейчас; Часть народа гуляет через границу в Китай, таджичить на китайцев*. Темур Варки, таджикский журналист и поэт, проживающий в Москве, считает, что в

современном русском языке слово «*таджичить*» стало синонимом таких определений, как "*пахать*", "*ишачить*", "*горбатиться*", "*вкалывать*" и "*калымить*". Он уверен, что данный глагол-неологизм олицетворяет трагедию целого народа, который без выходных готов работать на самых тяжелых и низкооплачиваемых объектах [*"Таджичить"* – новое слово в русском языке: эл. ресурс]. Данный пример демонстрирует, что неологизм в русском языке способен функционировать не только для номинации действия, но и для выражения его эмотивной оценки, описания специфики процесса миграции в отдельно взятой стране» [Путина, 2021:71-72]. Возможно, данный неологизм мог бы быть отнесен к любой другой нации, однако массовая миграция именно таджиков бросалась в глаза, и самым «видимым» их признаком было согласие на любую черную работу.

Права Н.С. Попова, которая утверждает: «Глобализационные процессы, происходящие в современном обществе, влекут за собой как позитивные, так и негативные последствия. С одной стороны, они предоставляют неограниченные возможности общения между представителями различных наций и культур, с другой – интенсифицируются явления ксенофобии, этнической и социальной дискриминации, нетерпимости к тем, чьи мнения и взгляды отличаются от собственных.» [Попова, 2021:81].

Объективность проведения ассоциативного эксперимента в разных возрастных группах заключается в том, что старшим поколением используются слова из пассивного словарного запаса. Так, например, у одного из информаторов слово *мигрант* соотнесено со словом *фақир* (1) – 1) бедный, неимуций, 2) смиренный, тихий, безобидный. Устаревшее значение данного слова *странствующий дервиш*. В отношении к слову *мигрант* оно использовано в значении *бедный, неимуций, смиренный, тихий; бедняк*.

Не разграничивая трудовую и вынужденную миграцию, 12 респондентов соотнесли слово-стимул *мигрант* со словом *фирорӣ* – беглец, беженец. В этом же значении использовано слово *фироркунанда* (8) - депортант.

Ассоциация со словом *эхтиёчманд*(4) – *нуждающийся* вызвана основной причиной трудовой миграции – финансовые проблемы.

Интересным, на наш взгляд, представляется ассоциация со словом «*хориҷӣ*» (30) - «*иностранец*». Следует отметить, что представление о принадлежности к другой нации в сознании таджиков и в речи носителей таджикского языка имеет специфические черты в зависимости от исторического опыта взаимоотношений между разными народами. Для таджика вряд ли можно представителей различных наций бывшего Советского Союза назвать иностранцами, но представители наций из дальнего зарубежья, безусловно, являются иностранцами. Существует определенное наивное представление в языковой картине мира таджиков об *иностранцах*: иностранцами считаются граждане из дальнего зарубежья и прибалтийских республик. Однако на современном этапе развития языка формируется новое представление об иностранцах: все граждане, проживающие за пределами республики, считаются иностранцами. Так как иностранцем признают всякого, кто переселился с одного места в другое, то синонимами следует признать слова «*Иммигрант*» (отмеченное в 8 анкетах), «*Эмигрант*» (отмеченное в 8 анкетах). Словарные дефиниции Толкового словаря таджикского языка не разграничивают значения лексем «эмигрант» и «иммигрант», поскольку обе равны слову «*Муҳочир*». В анкетах также используется и само слово *муҳочир* (6) - *мигрант*.

Полученные данные ассоциативного эксперимента наталкивают нас на определенные мысли относительно расширения концептуального поля *мигрант* за счет периферийных значений. Так, в 16 анкетах отмечено слово «*Бегона/Чужой*», которое в таджикском языке используется в 4 значениях: 1. *Незнакомый*. 2. *Не связан родственной связью, не является родственником*. 3. *Другой, иностранец*. 4. *Место, которое не является чьим-либо постоянным местом рождения или местом жительства*. Представленные члены синонимического ряда, наиболее близкие исходной лексеме «*Хориҷӣ/Иностранец*», имеют достаточно прозрачную семантику.

Из приведенного анализа следует заключить, что в тематической группе «**Наименования (положительные и отрицательные)**» и других тематических группах можно создать некую модель ассоциативного микрополя «Мигрант» по принципу количества реакций на слово-стимул. К ядру следует отнести реакции в диапазоне частоты от 115 до 50, к зоне ближней периферии относятся реакции в диапазоне от 49 до 20, в зону дальней периферии включаются реакции в диапазоне от 19 до 6, и в зону крайней периферии включаются реакции от 5 до 1.

Исходя из этого, ядро будут составлять следующие реакции (всего 180 реакций): *гариб (114) -1) чужеземец, странник, скиталец, 2) чужеземный, иноземный, 3) бесприютный, одинокий, несчастный; мусофир (66) – 1) приезжий, 2) путник, странник, скиталец.*

В зоне ближней периферии (всего 92 реакций): *хориҷӣ (30) – иностранец; гарибӣ (22) – жизнь на чужбине; коргар (20) – рабочий; меҳмон (20) – гость.*

В зоне дальней периферии (112 реакций): *бегона (16) – чужой; ватангард (10) (данное слово в словарях нами не найдено, мы же его соотнесли со словом ватанбезор) - не согласный с отечественными условиями жизни; гуреза (16) - беженец; имигрант (8) - имигрант; мигрант (14) - мигрант; муҳочир (6) - переселенец, эмигрант; овора (8) – 1) обеспокоенный, озабоченный 2) бродящий, скитающийся; оворагард (10) - бродяга, скиталец, 2) бездомный, странствующий; сайёҳ (8) - путешественник; саргардон (12) - расстроенный, растерянный, приведенный в смятение; фирорӣ (12) – беглец; фироркунанда (8) - депортант, эмигрант (8) - эмигрант.*

В зоне крайней периферии (34 реакций): *бекор (2) - безработный; бенаво (1) - нищий, бедняк; бепарастор (1) - беспризорный, заброшенный; босабр (1) - терпеливый, выносливый, выдержанный; гамгин (2) - опечаленный, огорченный. грустный; гарибкор (2) - работающий на чужбине; дардманд (1) – 1) болезненный, хилый; 2)страдающий,*

испытывающий душевные муки; занпартояк (1) - покидающий жену; мардикор (4) - поденщик, чернорабочий; меҳнатгар (4) - трудящийся; меҳнаткаш (1) - трудящийся; одам(1) - человек; олипарвар (1) - семейный; пешбарак (1) - движущий; пулдор (4) - денежный; рискчуянда (4) - ищущий пропитание; сарсон (2) – 1) испытывающий затруднение, 2) удрученный, 3) скиталец; точик (1) - таджик; фақир (1)- бедный, неимуций, 2) смирный, тихий, безобидный.

В ядро ассоциативно-вербального микрополя попадают реакции, которые входят в синонимический ряд слова «Муҳочир» (всего 180 реакций): *гариб (114) -1) чужеземец, странник, скиталец, 2) чужеземный, иноземный, 3) бесприютный, одинокий, несчастный; мусофир (66) – 1) приезжий, 2) путник, странник, скиталец.* Ассоциации совпадают с основным представлением в сознании носителей таджикского языка о трудной работе мигрантов и об их неустроенности. Представленная ассоциация актуализирует дифференциальную сему понятийного поля “Мигрант”. “Ядром концепта является ключевое слово-репрезентант, обладающее многозначностью и представленное дериватами. Отдельные когнитивные характеристики, раскрывающие содержание концепта в определенных коммуникативных ситуациях, составляют периферию поля. Периферия номинативного поля, как правило, обладает большим лексическим разнообразием” [Попова, Стернин, 2007:67–68].

В зону ближней периферии также попадают ассоциации, которые входят в синонимический ряд слова «Мигрант». Как в ядерной зоне, так и в зоне ближней периферии четко прослеживается сема «перемещение» и «тяжелое положение». В зоне ближней периферии (всего 92 реакций): *зафиесированыхориҷӣ (30) – иностранец; гарибӣ (22) – жизнь на чужбине; коргар (20) – рабочий; меҳмон (20) – гость.*

Зона дальней периферии так же характеризует отражение концепта в сознании носителей таджикского языка и расширяет общее представление о мигрантах в языковой картине таджиков. Она периферии включает

наибольшее количество ассоциаций с наименьшим числом реакций. Данная группа также характеризует отражение концепта в сознании носителей таджикского языка и расширяет общее представление о мигрантах в языковой картине таджиков.

Все четыре зоны содержат новые данные и дают возможность установить дополнительные значения, актуализированные в сознании носителей таджикского языка, что расширяет коммуникативное значение концепта путем выделения новых дифференциальных сем. Количественная обработка составлена с учетом индекса частотности. В результате мы получили модель ассоциативного поля, в которой ядро будет фиксировать стереотипные реакции, ближняя периферия – актуальные смыслы, дальняя периферия – отдаленные ассоциации, крайняя периферия – единичные реакции на слово-стимул.

В тематической группе **«Наименования (положительные и отрицательные)»** ассоциативно-вербального микрополя «Мигрант» нами получено 418 реакций, из которых 180 (43 %) выпало на ядерную зону, 92 (22%) – ближняя периферия, 112 (27 %) – дальняя периферия, крайняя периферия – 34 (8 %).

Таким образом, свободный ассоциативный эксперимент позволил выявить широкий набор языковых средств, репрезентирующих концепт «мигрант» как базовую категорию миграционного дискурса. Одной из главных составляющих концепта является его номинативная плотность, то есть степень языковой репрезентации определенного концепта, «детализация обозначаемого фрагмента реальности, множественное вариативное обозначение и сложные смысловые оттенки обозначаемого» [Карасик,2004:112]. Высокая номинативная плотность указывает на важность того или иного концепта в концептосфере определенного языка.

В результате обработки данных сформирована модель ассоциативного поля концепта «Муҳоҷир /Мигрант», в которой определены зоны исходя из количества реакций. Ассоциативное поле концепта «Муҳоҷир/Мигрант»

доказывает, насколько является коммуникативно-релевантным для носителей таджикского языка данный концепт, который обладает высокой семантической плотностью, что свидетельствует о его актуальности.

В тематической группе «**География**» отмечены всего две страны (всего 35 реакций): все перечисленные реакции представляют зону дальней периферии: *Россия (16)*, а также более абстрактные понятия *хорица (8)* – *заграница и мамлакат (10)* – страна, государство. Только *Англия (1)* входит в зону крайней периферии. Первая страна связана с массовой миграцией (отсюда и количество реакций), вторая – с организованной сезонной трудовой миграцией в Англию под эгидой Министерства труда и занятости населения РТ (всего одна реакция, так как этот тип миграции мало кому известен).

В тематической группе «**Право**» отмечены всего три реакции (всего 7 реакций): *Шиноснома (1)* – паспорт, *беҳуқуқӣ(2)* – бесправие, депортация (4). В соответствии с предложенной классификацией они входят в зону крайней периферии. Все они связаны с правовым статусом таджиков на территории других стран.

В тематической группе «**Экономика, материальное положение**» полученных реакции (всего 47 реакций) распределены следующим образом: в зону дальней периферии вошли: *пул (16)* – деньги, *бизнес (8)* - бизнес, *бепулӣ (6)* - безденежье, в зону крайней периферии - *бенаво (1)* – нищий, бедняк, *иқтисодиет (2)* – экономика, *камбағалӣ (2)* – 1)бедность, нужда, нищета 2) убожество, ничтожность, *камбизоати (2)* – малоимущий, *ойлик(1)* – зарплата, *пулдор (4)* – денежный, *рубл(1)* – рубль, *тиҷорат (4)* – коммерция, *экономика (1)* – экономика.

В тематическую группу «**Труд**» были включены реакции, характеризующие труд (всего 71 реакция), из них в зоне ближней периферии находятся: *коргар (20)* – рабочий, *меҳнат (24)* – труд; в зоне дальней периферии - *кор (16)* – дело, работа, занятие; в зоне крайней периферии: *бекор (2)* – безработный, *меҳнатгар (4)* – трудящийся, *меҳнатӣ (4)* –

трудо­вой, меҳнаткаш (1) – тру­дящий­ся. Та­кое ко­ли­че­ство ре­ак­ций на сло­во­сти­мул мож­но об­яс­нить тем, что ос­нов­ным ти­пом ми­гра­ции в пред­став­ле­нии но­си­те­лей та­джик­ско­го язы­ка яв­ля­ет­ся тру­до­вая ми­гра­ция.

Те­ма­ти­че­ская груп­па «**Со­сто­я­ние ми­гран­та**» объ­еди­ня­ет сле­ду­ю­щие ре­ак­ции (всего 64 ре­ак­ций): в зо­не бли­жней пе­ри­фе­рии на­хо­дятся *тан­ҳоӣ* (36) – *оди­но­че­ство*, *азоб* (20) – *му­че­ние*, *стра­да­ние*, *пыт­ка*; в зо­не край­ней пе­ри­фе­рии - *бе­ка­сӣ* (1) – *оди­но­че­ство*, *по­ки­ну­тость*, *за­бро­шен­ность*, *гам­гин* (2) – *опе­ча­лен­ный*, *о­гор­чен­ный*, *гру­ст­ный*, *дил­тан­гд* (2) – *уны­лый*, *гру­ст­ный*, *пе­ча­ль­ный*, *то­ск­лив­ый*, *сар­хам* (1) – *по­кор­ный*, *без­ро­пот­ный*, *то­қа­гӣ* (2) – *оди­но­че­ство*.

Те­ма­ти­че­ская груп­па «**Пе­ре­ме­ще­ние**» ох­ва­ты­ва­ет сле­ду­ю­щие ре­ак­ции (всего 59 ре­ак­ций): даль­няя пе­ри­фе­рия - *ҷой­иваз­ку­нӣ* (8) – *пе­ре­ме­на мес­та*, *ово­ра­гард* (10) – *бро­дя­га*, *ски­та­лец*, 2) *без­дом­ный*, *стран­ст­ву­ю­щий*, *ми­грант* (14) – *ми­грант*, *куч­ман­чӣ* (10) – *ко­чу­ю­щий*, *кӯ­чи­дан* (12) – *пе­ре­се­лять­ся*, *пе­ре­ез­жать*; в зо­ну край­ней пе­ри­фе­рии вхо­дят: *раф­тан* (4) – *идти*, *от­пра­в­лять­ся*, *ухо­дить*, *уез­жать*, *му­ҳо­ҷи­ратӣ* (1) – *пе­ре­се­ле­ние*.

В те­ма­ти­че­ской груп­пе «**Про­фес­сия и сфе­ра де­я­тель­но­сти**» от­ме­че­ны всего две сфе­ры (2 ре­ак­ции), ко­то­рые пред­став­ля­ют зо­ну край­ней пе­ри­фе­рии: *фу­ру­шанда* (1) – *про­да­вец* и *хо­на­соз* (1) – *стро­итель до­мов*. Ви­ди­мо, эти две про­фес­сии яв­ля­ются наи­бо­лее зна­чи­мы­ми для ми­гран­тов.

Ито­го­вые дан­ные по про­ве­де­нию ас­со­ци­атив­но­го экс­пе­ри­мен­та мож­но на­гляд­но пред­став­ить в сле­ду­ю­щей та­блице:

Те­ма­ти­че­ская груп­па	Всего ре­ак­ций	Ядро (от 115 до 50 ре­ак­ций)	Бли­жняя пе­ри­фе­рия (от 49 до 20 ре­ак­ций)	Даль­няя пе­ри­фе­рия (от 19 до 6 ре­ак­ций)	Край­няя пе­ри­фе­рия (от 5 до 1 ре­ак­ции)
«Наи­ме­но­ва­ния (по­ло­жи­тель­ные и от­ри­ца­тель­ные)»	418	180	92	112	34
«Гео­гра­фия»	35	-	-	34	1
«Право»	7	-	-	-	7

«Экономика, материальное положение»	47	-	-	30	17
«Труд»	71	-	44	16	11
«Состояние мигранта»	64	-	56	-	8
«Перемещение»	59	-	-	54	5
«Профессия и сфера деятельности»	2	-	-	-	2
ИТОГО	703	180	192	246	85

В процессе обобщения данных ассоциативного-вербального эксперимента нами выделено 7 тематических групп, которые можно было бы

разделить на более мелкие группы, что, на наш взгляд, не является принципиальным для освещения и признания концепта «Мухочир /Мигрант» многогранным концептом для носителей таджикского языка. Выделенные тематические группы указывают на актуальность как самого концепта, так и на основные темы миграционного дискурса. Самой большой и значимой представляется группа «Наименования (положительные и отрицательные)», что объясняется постановкой задач для информантов. Остальные тематические группы представлены незначительным количеством реакций, хотя дают представление о том, что больше всего волнует носителей таджикского языка в образе мигранта. Это указывает на то, что для таджиков важен как сам процесс миграции, так и условия, в которых происходит миграционный процесс.

3.2.2. Ассоциаты, актуализирующие парадигматический и синтагматический типы отношений

Кроме разделения реакций по тематическим группам, Н.В. Крушевский делит ассоциации на два типа: «ассоциации по сходству и по смежности. Всякое слово связано с другими словами узлами ассоциации по сходству; это сходство будет не только внешнее, но и внутреннее, семасиологическое. Ассоциации по смежности - способность слов возбуждать друг друга основана на психологическом законе ассоциации по смежности» [Крушевский, 1883:65].

Достаточно объемное рассмотрение парадигматических отношений находим у Д. Н. Шмелева, который отмечает «Парадигматические отношения в лексике не только многоступенчаты, но и неоднородны. Многие слова одновременно могут входить в разные лексико-семантические парадигмы» [Шмелев, 1975:107-108]. Парадигматические отношения отражают содержательные связи, которые существуют между явлениями действительности и зависят от существующей в языке лексико-семантической системы. Концепт может быть «сегментным, представлять собой базовый чувственный слой, окружённый несколькими сегментами,

равноправными по степени абстракции» [Стернин, 2001: 61]. Ядро концепта обозначает базовый слой, присоединяющий когнитивные слои, с которыми они составляют когнитивные признаки. Интерпретационное поле концепта составляет его периферию. Лексическая парадигматика обусловлена явлениями синонимии, антонимии, омонимии, паронимии, гипонимии.

Ассоциаты, актуализирующие парадигматический тип отношений.

Парадигматические реакции представляют собой слова, относящиеся к той же семантической группе, что и слово-стимул. Сюда же исследователи относят синонимы и антонимы: *гариб (114) -1) чужеземец, странник, скиталец; гарибӣ (22) – жизнь на чужбине; коргар (20) - рабочий, меҳмон (20) - гость; мусофир (66) – 1) приезжий, 2) путник, странник, скиталец; хориҷӣ (30) – иностранец; бегона(16) - чужой, ватангард (10) (ватанбезор) – охладевший к родине, разочаровавшийся, гуреца (16) - беженец; иммигрант(8) - иммигрант; мигрант (14) - мигрант; муҳоҷир (6) - переселенец, эмигрант; овора (8) –бродячий, скитающийся; оворагард (10) - бродяга, скиталец; сайёҳ (8) - путешественник; саргардон (12) – бродяга, расстроенный, растерянный, приведенный в смятение; фирорӣ (12) – беглец; фироркунанда (8) - депортант, эмигрант (8) – эмигрант; бекор (2) - безработный; бенаво (1) - нищий, бедняк; бепарастор (1) - беспризорный, брошенный; босабр (1) - терпеливый, выносливый, выдержанный; гамгин(2) - опечаленный, огорченный. грустный; гарибкор (2) - работающий на чужбине; дардманд (1) – 1) болезненный, хилый; 2)страдающий, испытывающий душевные муки; занпартояк (1)- покинувший жену; мардикор (4) - поденщик, чернорабочий; меҳнатгар (4) - трудящийся; меҳнаткаш (1) - трудящийся; одам(1) - человек; олияпарвар (1) - семейный; пешбарак (1) - движущий; пулдор (4) - денежный; рисқчуянда (4) - ищущий пропитание; сарсон (2) – 1) испытывающий затруднение, 2) удрученный, 3)скиталец; тоҷик (1) - таджик; фақир (1)- бедный, нищий, 2) смирный, тихий, безобидный.*

Синонимом слова МУҲОҶИР – мигрант являются ҲИҶРАТ – покидать родину, ГУРЕЗА - беженец, слово, которое вошло в активное употребление

после конфликтов последней четверти прошлого века, ХОРИЌИ – иностранец, ВАТАНГУРЕЗ – бежавший из родины, в том же значении ГУРЕЗПО и ФИРОР. Синонимический ряд с доминантой ГУРЕЗА представлен словами ХОРИБ, ОБИҚ с тем же лексическим значением. Достаточно употребительным синонимом представляется слово МУСОФИР – в таджикском языке данное слово используется ко всем лицам, проживающим в других населенных пунктах, даже если это в пределах одного административно-территориального деления. У данного слова есть свой синонимический ряд, представленный слова ПАЙСИПАР, ИГТИРОБ, РАХТКАШ, СОЛИҚ, и ЗАЙФ. В другом ряду синонимом с доминантом ХОРИЌИ представлено словами АЧНАБИ – иностранец, чужой, синонимом АЧНАБИ в значении чужой можно представить слово БЕГОНА – чужой. В этом же ряду следует рассмотреть слова ОФОҚИ в значении иностранец и ТАРИФ – иностранец, чужой. К ним присоединяется еще одно слово – ХАВОРИЦ в значении иностранец.

К синтагматическим реакциям относятся ассоциации, выраженные другой частью речи, чем слово-стимул, и составляющие со стимулом грамматически оформленные словосочетания. Эти реакции проявляются у респондентов, которые стремятся составить словосочетания со словом-стимулом. «Это различие связывают, прежде всего, с идеей грамматического класса: парадигматические ассоциации – слова внутри одного грамматического класса, а синтагматические – разных классов» [Леонтьев 1969, 50]. Не относятся к синтагматическим реакциям предложения.

Ассоциаты, актуализирующие синтагматический тип отношений, представлены в основном синтаксической моделью имя существительное + имя прилагательное: *бепул (10) – без денег, даром (муҳоҷири бепул), бехона (2) – бездомный (муҳоҷири бехона), бегона (16) – чужой (муҳоҷири бегона), бекор (2) – безработный (муҳоҷири бекор), бенаво(1) – нищий, бедняк (муҳоҷири бенаво), бепарастор (1) – беспризорный, брошенный (муҳоҷири бепарастор), босабр (1) – терпеливый, выносливый, выдержанный*

(муҳоҷири босакбр), ғамгин (2) – опечаленный, огорченный, грустный (муҳоҷири ғамгин), дардманд (1) болезненный, хилый, страдающий, испытывающий душевные муки (муҳоҷири дардманд), кучманчӣ (10) – кочующий (муҳоҷири кучманчӣ), меҳнаткаш (1) – трудящийся (муҳоҷири меҳнаткаш), овора (8) – обеспокоенный, озабоченный, бродящий, скитающийся (муҳоҷири овора), оилапарвар (1) – семейный (муҳоҷири оилапарвар), пулдор (4) – денежный (муҳоҷири пулдор), сумдор (2) – денежный (муҳоҷири сумдор), фақир (1) – бедный, нищий, смиренный, тихий, безобидный (муҳоҷири фақир).

Все реакции с точки зрения формального и грамматического подходов нами разделены на реакции-словоформы, реакции-словосочетания и реакции-предложения. Самым многочисленным были реакции-словоформы (всего 186 реакций, из них 123 реакций – словоформы), менее ограниченными по численности представлены реакции-словосочетания (49 реакций) и совсем незначительное количество реакций-предложений (13 реакций). Из всего приведенного количества 66,6% составили словоформы, 26,5 % словосочетания, 6,9 % предложения.

Основной причиной использования словосочетаний как реакции на слово-стимул представляется то, что словосочетания способны в более емкой форме представить обозначение явления окружающей действительности, то есть там, где респондент не смог найти слово, которое в полной мере могло бы отразить его реальное представление. Реакции-словосочетания как бы выступают своего рода конкретизаторами слов. Несмотря на то, что использование словосочетаний в определенной степени является отходом от условий эксперимента, данный подход для исследователя может служить дополнительным условием полного отражения внутреннего содержания исследуемого концепта. В целом содержание реакций-словосочетаний отражают реакцию на слово-стимул и в полной мере соотносятся со стандартными реакциями. По сути, данные ассоциаты актуализируют синтагматико-парадигматический тип отношений. Единичность отдельных

реакций-словосочетаний поддерживается также и самой формой ответа-словосочетания: *аз даст додани саломати – потерять здоровье, аз Руссия пул роикунак - отправляющий из России деньги, азобу машачат - мучения и страдания, бе дусту рафиқ - без друзей, берун аз ватан – вдали от родины, гирд гаштан- крутиться вокруг, давлати бегона – чужая страна, давлати хорица – заграница, дар чустучуи кор – в поисках работы, даромади давлат – доходы государства, даромадҳои баланд ивази тарзи ҳаёт – большие доходы взамен перемены образа жизни, дигар мамлакат рафтани – переехать в другую страну, дур аз ватан будан – быть вдали от родины, дур аз наздикон – вдали от родных, дурӣ аз падару модар – в дали от родителей, дурӣ аз хонавода (оила)- вдали от семьи, дур аз гам - вдали от печали, истироҳат рафтани – уехать отдыхать, кор ва фаолият дар дигар давлат – работать в другом государстве, кор кардан – работать, кор кардан дар давлати бегона - работать в чужом государстве, корҳои вазнин – тяжелые работы, корҳои мушкил – трудные работы, куч бастан – собираться, қадри падару модар – ценность родителей, кӯчидан аз ҷое ба ҷое – переехать с места на место, маоши хурд – низкая заработная плата, меҳнати сахт – тяжелая работа, меҳнати ҳалол – честный труд, муҳоҷирати меҳнатӣ – трудовая миграция, мушкилии зиндагиро осон кардан- облегчить тяжесть жизни, ояндаи як хел писарон – одинаковое будущее сыновей, писарони 23 сола – 23-летние ребята, сабаби бекор будан – по причине безработицы, сахтии рӯзгор – тяжесть жизни, фирор кардан – депортировать, хаста шудан – уставать, хуб кардани сатҳи зиндаги – повысить уровень жизни, хуб кардани шароити зиндагӣ улучшить условия жизни, ҷойивазкунии бебозгаит – безвозвратное переселение, ҷудо аз зану фарзанд – разлука с женой и детьми.*

Реакции-предложения связаны, прежде всего, с отклонениями от условий эксперимента или же умышленной попыткой расширения определения и разъяснения значения слова-стимула с добавлением определенных не совсем значимых сем. *Шахсе, ки аз ватани худ ба давлати*

дигар бо мақсади кор кардан, таҳсил гирифтани меравад. – Человек, который уезжает из своей страны в другую страну с целью работать или учиться. Шахсе, ки аз як ҷой ба як ҷое дигар кочонда мешавад. – Человек, которого переселяют с одного места в другое (имеется в виду вынужденная миграция). Он ки аз мамлакати дигар кӯчида рафта дар он сокин шудааст. – Тот, кто уехал в другую страну и стал ее гражданином. Одаме, ки дар хориҷа кор мекунад. - Человек, который работает за границей. Касе ки сӯхат шуда ба ҷои дигар муҳоҷират мекунад. – Тот кто выздоровел и мигрирует в другую страну. Вақте, ки аз ватани худ ба дигар давлат сафар карди, инро муҳоҷир меноманд. – Когда из своей страны отправляешься в другую страну, это и есть мигрант. Барои ба даст овардани маблағ ё ки ба оилаи худ ёри расондани одамон ба ҳар ҷои дигар муҳоҷир мешаванд. – В целях заработка или оказания помощи своим семьям, люди мигрируют в разные места. Муҳоҷир - ин яъне кор кардан ва ба худ ё ватани худ ёри расондани.- Мигрант – это значит работать и оказывать помощь себе или своей стране. Шахсе, ки барои муддати муайяне ба хориҷи давлат рафта кору фаъолият мекунад. – Человек, который на определенный срок уезжает за границу работать. Шахсе, ки ба хориҷа рафта ба кор машғул мешавад ва муддати зиёд дар он ҷо меистад ва барои зиндагии худ пеш барад. – Человек, который уезжает за границу работать на долгий срок и улучшает свою жизнь. Шахсе, ки ба хориҷа рафта барои пеш бурдани зиндагии худ маблағ кор мекунад. – Человек, который уезжает за границу на заработки с целью обеспечения своей жизни. Шахсе, ки берун аз кишвар қарор дорад, муҳоҷир аст. Манбаи асосии пул ба ҳама сохторҳои давлат ва иқтисоди миллиро пеш мебарад. – Человек, который находится за пределами своей страны, является мигрантом. Основное назначение обеспечить деньгами государственные структуры и развивать национальную экономику. Совершенно специфичным представился набор слов, характеризующий концепт трудовой миграции и оформленный в виде блоковского предложения (причем многие слова заимствованы из русского языка): Бел,

ковш, кетман, отвертка, анбур, валик, шпател̄ь, кисточка, тазик, молоток, раствор, краска, шпатлевка, алибастр и т.д. – Лопата, ковш, кетмень, отвертка, плоскогубцы, валик, шпатель, кисточка, тазик, молоток, раствор, краска, шпатлевка, алибастр и т.д. *Шахсе, ки дар давлати хориҷи зиёда аз як сол зиндагӣ мекунад, новобаста аз сабабҳои муҳоҷират (ихтиёрӣ ё ғайриихтиёрӣ).* – Человек, который проживает в иностранном государстве больше года, независимо от причин миграции (добровольная или принудительная).

Представленное и проанализированное количество реакций свидетельствует о том, что концепт «Мигрант» является важным, развивающимся и значимым концептом концептосферы таджикского национального языка. Его структура достаточно многообразна и содержательна, что подтверждает его ценность для миграционного дискурса. Как показали результаты проведенного ассоциативного эксперимента, элементы организации ассоциативного поля объединяются на основе собственно тематических отношений, внутри которых продолжают организовываться другие виды связей и отношений. «Ассоциации могут сказать нам очень многое о тех неосознаваемых структурах, в которых мы мыслим окружающий нас мир» [Фрумкина, 2001:171].

3.3. «Переселенец» как основной компонент концепта «Муҳоҷир /Мигрант»

В процессе парадигматического и синтагматического анализ концепта «Мигрант» обнаружилось интересное явление, не подчиняющееся установленным критериям теории языка. В анализируемом концепте сформировалось понятие *переселенец*, для которого мы не нашли словесных обозначений в лексической системе таджикского языка. Даже в таком известном словаре, как словарь Т.Н. Юдиной «Миграция: словарь основных терминов», не дается толкование слова *переселенец*. Однако у нас возникло предположение, что понятия *мигрант* и *переселенец* в сознании и восприятия

таджиков имеют существенное различие. Разграничение данных понятий в научном дискурсе обрело определенное очертание: под мигрантами понимаются лица, покидающие постоянное место жительства в связи с трудностями экономического характера (нет рабочих мест, низкая заработная плата, трудные условия работы и многое другое), то есть основной причиной миграции является экономическая неустроенность. Переселенцы смену места жительства на постоянной основе мотивируют социальной неустроенностью (уровень жизни, возможность получения, соответствующего мировым стандартам образования, культурные условия, различными социальными преимуществами в другой стране). «На наш взгляд, дифференциация видов миграции позволяет также разделить и субъектов миграционных процессов, обозначив понятием «переселенец» тех, кто ориентирован на безвозвратные территориальные перемещения, а понятием «мигрант» – субъектов всех остальных видов миграции» [Романова, 2013:35].

В целях развеивания сомнений мы провели анкетирование среди носителей таджикского языка. Его результаты позволяют раскрыть специфику понятий «мигрант» и «переселенец» в языковой картине таджикского народа. В целях более детального изучения концепта мы использовали одну из самых важных методик – проведение социального опроса. «В научных дефинициях понятие «мигрант» часто рассматривается с теоретических позиций, но не отражает общественного восприятия понятия «мигрант», которое базируется на ассоциативных значениях, сформированных в языковом сознании» [Баканов, Егорова, Туманов, 2017: 56]. Так как данные понятия достаточно узнаваемы в таджикоязычной среде и являются актуальными в социуме и длительными во времени, типизированные объекты стали хрестоматийными. Разграничение данных понятий объяснимо тем, что «обобщённый образ представителя определённой социальной группы в рамках конкретной культуры, узнаваемый по специфическим характеристикам вербального и

невербального поведения и выводимой ценностной ориентации» [Карасик, 2002: 477].

Социальный опрос проводился среди 80 респондентов-таджиков разных возрастных групп, разного социального статуса в г. Душанбе, которые свободно владеют русским языком. Со слабым владением русским языком подобный опрос провести не представлялось возможным в связи с тем, что в таджикском языке нет слова, в полной мере отражающего значение лемемы “*переселенец*”. Опрос проводился по следующей анкете (в анкету включены два синонима – мигрант и переселенец, так как, несмотря на то, что они выражают один и тот же процесс – процесс миграции, в представлении таджиков это чуть ли не противоположные понятия. Каждое из этих понятий имеет характерные понятийные аспекты.)

Критерии образ	мигрант	переселенец
Внешний вид	<i>грязный, оборванный, неопрятный, специфичная внешность, темнокожий</i>	<i>опрятный, чистый, аккуратный</i>
Черты характера	<i>злой, грубый, неприятный, опасный, недовольный, скрытный, замкнутый отчаявшийся, религиозный, непьющий, тихий,</i>	<i>интеллигентный, обходительный, вежливый, корректный, уверенный в себе, общительный</i>
Отношение к семье	<i>большая семья многодетный, многоженство</i>	<i>средняя семья, благополучная</i>

Возраст	<i>средних лет, молодой</i>	<i>средних лет</i>
Предпочтения в еде	<i>плов, хомшурбо, шакароб, курутоб</i>	<i>европейская и азиатская кухня</i>
Культура	<i>умение приспособливаться, привыкание к новой жизни, взаимодействие культур, иная культура, чужая культура, культурные различия, культурный шок</i>	<i>обмен культурами, культурная ассимиляция, интеграция, принятие культуры, взаимодействие культур, культурные различия;</i>
Образование	<i>неграмотный, неполное среднее, среднее, средне специальное, высшее, неквалифицированный рабочий</i>	<i>среднеспециальное, высшее</i>
Причины миграции/переселения	<i>проблемы, поиск лучшей жизни, безработица, выживание, бедствие, поиск работы, нехватка рабочих мест, вынужденность</i>	<i>желание изменить жизнь, повышение уровня жизни, поиск высокооплачиваемой работы, улучшение условий жизни</i>
Отношение к мигранту/переселенцу	<i>бедолага, уважение, сопереживание, незащищенность,</i>	<i>отток умов, утечка мозгов, научная деятельность,</i>

	<i>унижение, жалко, нуждающийся в помощи, нуждающийся в защите, гастарбайтер, беспомощный, обездоленный, малоквалифицированная рабочая сила, чернорабочие на стройке, гастарбайтеры, безграмотная рабочая сила.</i>	<i>миграционная политика, неудовлетворенность жизнью</i>
Изучение языков	<i>Не знающий языка, плохо говорящий, языковой барьер, изучение языка</i>	<i>Акцент, билингв, полилингв</i>

Судя по опросу, по первому критерию «Внешний вид», использованные слова и выражения *грязный, оборванный, неопрятный, специфичная внешность, темнокожий* служат утверждением того, что мигранты существенно и резко выделяются из среды, чего нельзя сказать о переселенцах. Совсем другие определения внешнего вида переселенцев: *опрятный, чистый, аккуратный*. Бытовая неустроенность, социальная пассивность вследствие незнания языка наделяют мигрантов следующими чертами характера: *злой, грубый, опасный, недовольный, скрытный, замкнутый, отчаявшийся, религиозный, нелюдимый, тихий*. Совсем другими чертами характера обладают переселенцы: *интеллигентный, обходительный,*

вежливый, корректный, уверенный в себе, общительный. По отношению к семье мигранты характеризуются как большие многодетные семьи: *большая семья, многодетный, многоженство.* Интересным представляется характеристика «многоженство», что объясняется отношением значительного числа мигрантов к семье, которая остается на родине, и созданием новой семьи в России. Такая тенденция нарастает. Что касается переселенцев, то они, как правило, выезжают с семьей и продолжают адаптироваться к новым условиям с сохранением прежних национальных традиций на уровне одного-двух поколений. В отношении к новой культуре у мигрантов наблюдается совершенный шок: *умение приспосабливаться, привыкание к новой жизни, взаимодействие культур, иная культура, чужая культура, культурные различия, культурный шок.* Культурный шок наблюдается как в манерах вести себя, одеваться, предпочтение жанров музыки, поведение за столом, повышение образовательного уровня, чтение художественной литературы, межличностные отношения, питание и многое другое. Переселенцы, как правило, к подобным переменам готовы. Восприятие иной культуры напрямую связано с уровнем образования, который у мигрантов оставляет желать лучшего: *неграмотный, неполное среднее, среднее, среднеспециальное, высшее, неквалифицированный рабочий.* Большинство переселенцев с высшим образованием. Интересным представляется мотивация миграции. Для мигрантов – это *проблемы, поиск лучшей жизни, безработица, выживание, бедствие, поиск работы, нехватка рабочих мест, вынужденность.* Для переселенцев мотивы несколько иные: *желание изменить жизнь, повышение уровня жизни, поиск высокооплачиваемой работы, улучшение условий жизни.* Отношение к мигранту и переселенцу предопределяются всеми вышеперечисленными условиями и причинами. Мигрант, как правило, вызывает различного рода эмоции: *бедолага, уважение, сопереживание, незащищенность, унижение, жалко, нуждающийся в помощи, нуждающийся в защите, гастарбайтер, беспомощный, обездоленный.* Отношение к переселенцам совершенно

другое: *отток умов, утечка мозгов, научная деятельность, миграционная политика, неудовлетворенность жизнью*. Анализ как лексической сочетаемости слова, так и анкетирование показали, что слово «мигрант» связывается с такими определениями, как «нелегальный», «незаконный», «неквалифицированный», то есть определения, указывающие на негативное отношение. Типизированный образ мигранта представляется как малограмотный, не способный защитить свои права, вследствие чего становится агрессивным и в глазах окружающих опасным и склонным к криминалу.

Таким образом, понятие «мигрант» представляется достаточно узнаваемым в таджикском обществе на основе типичных и специфичных для него особенностей поведения, образа мыслей, манеры одеваться, культурных, понятийных, ценностных ориентиров. Мигрант в таджикском обществе вызывает двоякое отношение: с одной стороны с положительной коннотацией, с другой – с отрицательной. Чаще данный образ ассоциируется с молодым мужчиной, эмоционально нестабильным, социально не адаптированным, малообразованным, с вредными привычками. Совершенно противоположное мнение обнаружено при характеристике переселенцев.

Явное разграничение понятий «переселенец» и «мигрант» в языковом сознании таджиков дает основание утверждать, что экономический фактор не всегда ставится во главу угла. Для переселенца смена места жительства важна не только с материальной стороны, а в большей степени со стороны изменения содержания потребностей и ценностных ориентиров, хотя нельзя сбрасывать со счетов и экономическую составляющую. Мотивацией переселенцев является стремление к жизни в более благоприятных условиях и определение своего «Я» в иерархии жизненных ценностей.

Исходя из представленного анализа, необходимо сказать, что, во-первых, характеристики анализируемого понятия в большой степени не совпадают с признаками, выделенными в словарных статьях. Во-вторых, респонденты чаще представляли фактические характеристики,

воздерживаясь от прямых оценочных высказываний. В-третьих, как было отмечено выше, признаки лингвокультурного образа мигранта складываются под влиянием современных средств массовой информации.

Безапелляционным представляется то, что в таджикском языке появился объект, достаточно прочно отражающийся в языковом сознании носителей таджикского языка, но не имеющий реального словесного обозначения. Именно это и побудило нас выделить проблему в отдельный параграф.

Выводы к 3 главе

По результатам проведенного свободного ассоциативного эксперимента нами предпринята попытка создания некоей модели ассоциативно-вербального микрополя «Муҳочир/Мигрант» по принципу количества реакций на слово-стимул. К ядру следует отнести реакции в диапазоне частоты от 115 до 50, к зоне ближней периферии – относятся реакции в диапазоне от 49 до 20, в зону дальней периферии включаются реакции в диапазоне от 19 до 6 и в зону крайней периферии включаются реакции от 5 до 1.

Исходя из этого, ядро будут составлять следующие реакции (всего 180 реакций): ғариб (114) -1) чужеземец, странник, скиталец, 2) чужеземный, иноземный, 3) бесприютный, одинокий, несчастный; мусофир (66) – 1) приезжий, 2) путник, странник, скиталец.

В зоне ближней периферии (всего 92 реакций): хоричӣ (30) – иностранец; ғарибӣ (22) – жизнь на чужбине; коргар (20) – рабочий; меҳмон (20) – гость.

В зоне дальней периферии (112 реакций): бегона (16) – чужой; ватангард (10) (данное слово в словарях нами не найдено, мы же его соотнесли со словом ватанбезор) - не довольный, охладевший к родине, гуреза (16) - беженец; имигрант (8) - имигрант; мигрант (14) - мигрант; муҳочир (6) - переселенец, эмигрант; овора (8) – 1) обеспокоенный,

озабоченный 2) бродящий, скитающийся; оворагд (10) - бродяга, скиталец, 2) бездомный, странствующий; сайёх (8) - путешественник; саргардон (12) - расстроенный, растерянный, приведенный в смятение; фирорй (12) – беглец; фироркунанда (8) - депортант, эмигрант (8) - эмигрант.

В зоне крайней периферии (34 реакций): бекор (2) - безработный; бенаво (1) - нищий, бедняк; бепарастор (1) - беспризорный, заброшенный; босабр (1) - терпеливый, выносливый, выдержанный; ғамгин (2) - опечаленный, огорченный. грустный; ғарибкор (2) - работающий на чужбине и другие.

Далее реакции были проанализированы по трем аспектам: **тематическим, парадигматическим и синтагматическим отношениям.** В процессе обобщения данных ассоциативного-вербального эксперимента нами выделено 7 тематических групп, которые можно было бы разделить на более мелкие группы, что, на наш взгляд, не является принципиальным для освещения и признания концепта «Муҳочир /Мигрант» как многогранного концепта для носителей таджикского языка. Для определения важных тем миграционного дискурса нами выделены тематические группы. Каждая из представленных групп может стать предметом отдельного исследования. Парадигматические отношения отражают содержательные связи, которые существуют между явлениями действительности, и зависят от существующей в языке лексико-семантической системы. К синтагматическим реакциям относятся ассоциации, являющиеся другой частью речи, чем слово-стимул и составляющие со стимулом грамматически оформленные словосочетания. Следует отметить, что нами обнаружено больше отрицательных реакций на слово-стимул, чем положительных.

Результаты свободного ассоциативного эксперимента доказывают, что ассоциативное поле концепта «Муҳочир /Мигрант» комплексное и насыщенное с точки зрения представленных реакций на слово-стимул, включающее в себя разнообразное восприятие концепта таджикским языковым сознанием. Проведенный анализ позволил обобщить

ассоциативные представления носителей таджикского языка о концепта «Муҳочир /Мигрант». Не остается сомнения в том, что проведение ассоциативного эксперимента является важным этапом формирования ассоциативного поля, существенным при глубоком анализе семантики того или иного слова, а в целом формирования представления о концепте. Трудно переоценить значение данного эксперимента при определении представления о культуре носителей языка. Ассоциативное поле концепта «Муҳочир/Мигрант» является специфичным для носителей таджикского языка и отражает национальное сознание таджиков.

Эксперимент ярко показал, что ассоциативное значение существенно отличается от лексического значения, поскольку в ассоциациях явно проявляется личный опыт носителей языка, их субъективизм, полно отражается национальная языковая картина мира таджиков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Конец прошлого века характеризуется многочисленными социальными переменами. Все усиливающиеся интеграционные и миграционные процессы достаточно глубоко отразились на жизни жителей тех регионов, где указанные процессы проявлялись с наибольшей интенсивностью. Республика Таджикистан относится к числу тех регионов, где миграционные процессы привели к массовым перемещениям населения. Значимость миграционного процесса для Республики Таджикистан подтверждается тем, что при Правительстве РТ в целях оказания определенной помощи мигрантам образована Миграционная служба.

С распространением миграции как общественного явления наблюдается повышение интереса многих гуманитарных наук к данной проблеме. В языкознании концепт «мигрант» становится одним из базовых концептов в языковой картине носителей многих языков, в том числе и таджикского. Актуальность данного явления для лингвистов определяется тем, что с 2019 года начинает выходить научный журнал «Миграционная лингвистика».

Направление лингвистическая концептология формирует основные понятия и терминологическую систему дисциплины. Так как в каждом языке можно без особого труда обнаружить специфические национальные особенности отражения окружающего мира в языке, нами рассмотрены такие понятия, как концептуальная, языковая и национальная картины мира. Национальная языковая картина мира, определяющая мировосприятие носителей этнического языка, является тем проводником, который формирует отношение представителя каждого этноса к окружающему миру. Самым важным результатом языковой концептуализации мира принято считать выведение концепта. Совокупность концептов и составляет концептуальную картину. Концептуальная картина мира - это общечеловеческий образ мира. Языковая картина мира, будучи базисным понятием современной лингвистики, своей единицей имеет концепт.

Концепт - ключевая единица, вокруг которой разрастается огромное поле деятельности лингвистов, культурологов, логиков и философов. Существует множество определений данного понятия. Для нас наиболее приемлемой позицией представляется взгляд воронежской лингвистической школы. Концепт является многомерной единицей. Различаются концептуальные слои – ядерные, отражающиеся в словах, и периферийные, отражающиеся в различного рода ассоциациях, фразеологизмах, в моделях словоупотребления и словообразования и пр. Совокупность концептов языка составляет его концептосферу.

При анализе различных подходов и методов изучения концептов нами определены те подходы и методы, которые, на наш взгляд, в большей степени соответствуют целям нашего исследования. В нашем диссертационном исследовании применяется лингвокогнитивный, или семантико-когнитивный, подход к изучению концепта, разработанный представителями Воронежской школы. Основным методом исследования является метод концептуального анализа, который включает лексикографический анализ, позволяющий определить семантику ключевого слова и синонимического ряда; метод компонентного анализа лексических единиц, анализ фразеологических единиц, этимологический анализ слов, метод ассоциативного эксперимента.

При анализе концепта нельзя обойтись только лексико-семантическим подходом, так как не все стороны концепта репрезентируются в лексической системе. Многие реальные характерные черты объекта остаются за пределами лексико-фразеологической системы. Единицей анализа концептуального поля есть концепт, который формирует концептуальное поле. Содержание концептуального поля формируется посредством семантических компонентов и парадигматических и синтагматических связей ядра концепта. Концепт «Муҳочир» в таджикском языке все время «обрастает» новыми элементами как в семантике, отраженными в лексических значениях, так и в элементах психических, не нашедших свою

вербализацию. Семантическое поле концепта мигрант за последние 4 десятилетия вследствие все более активизирующихся глобализационных, интеграционных и миграционных процессов существенно расширилось. Концепт “**Муҳочир**” только формируется в таджикском языковом сознании: его прямая дефиниция отмечена лишь в толковом словаре таджикского языка, другие словари таджикского языка не в полной мере отражают необходимые для анализа данные. Можно предположить, что все полученные реакции не являются случайными, они обусловлены статусом, образованием, деятельностью человека и вписываются в общие процессы языка, изучаемые современной когнитивной лингвистикой. Следует отметить, что по результатам нашего исследования усматривается то, что слово мигрант далеко не нейтрально в новых социальных условиях его употребления. С точки зрения толерантности в принимающей стране к мигрантам практически повсеместно наблюдается в большей степени негативное отношение. Так в русском языке в совершенно негативном смысле используется неологизм “таджичить” в значении выполнять сложную, трудную и тяжелую работу. С негативной окраской часто используется слово “Муҳочир” и носителями таджикского языка, хотя в целом говорить о стилистической окрашенности не приходится. С течением времени концепт “Муҳочир” претерпел определенные изменения. Описанные реакции составили достаточно полное представление о том, какие смыслы лежат за концептом “Муҳочир” для носителей таджикского языка. Следует отметить, что эволюция концепта, то есть расширение его концептуализируемой направленности наблюдается в том случае, если данный концепт представляется выжным для носителей языка. Частое обращение к концепту приводит к тому, что носители языка начинают дифференцировать различные оттенки концепта, что лишний раз подтверждает наше исследование. В сознании носителей таджикского языка происходит переосмысление значения понятия “Муҳочир” и слов его синонимического ряда. Например, появилось понятие *трудовой мигрант – муҳочири меҳнатӣ*.

Говоря об эволюции концепта “Муҳочир”, следует отметить, что у таджиков появляются и укрепляются негативные отношения к рассматриваемому объекту. Объясняется это тем, какие сложные условия труда и быта испытывают мигранты в стране пребывания, а также отношением к мигрантам в принимающей стране. Эволюционирует негативное отношение к мигрантам как к чужим: мигрант рассматривается как источник опасности и вреда.

Эволюция концепта, которая состоит в расширении его смысла, проявляется практически в переносе индивидуального видения объекта на смысловое пространство языкового сообщества, что и порождает новое восприятие окружающей действительности (результаты свободного ассоциативного эксперимента). Если взять хронологические рамки эволюции рассматриваемого концепта от 6-7 века (когда было употреблено слово “Муҳочир” до настоящего времени (особенно конец прошлого века), то указанный процесс не вызывает сомнения. Причинами послужили социальные изменения в жизни таджикского народа и некоторые внутриязыковые причины, эволюция концепта и эволюция общества тесно связаны.

В результате исследования на большом лексико-фразеологическом материале и проведенного свободного ассоциативного эксперимента было достаточно прозрачно показано увеличение коммуникативной релевантности концепта “Муҳочир”, выражающаяся в увеличении номинативной плотности через словообразовательную активность, пополнение синонимического ряда, увеличение количества фразеологических оборотов, а также выражение отдельных смыслов через свободные сочетания и целые предложения. Широкое употребление в миграционном дискурсе лексических и фразеологических средств таджикского языка может указывать на актуальность данного концептуального пространства в национальной культуре таджикского народа. Связано это, прежде всего, с изменениями мировоззренческих установок в период больших социальных перемен на

современном этапе развития общества и насыщенности миграционных процессов в постсоветский период, ставшее значимым для таджикского народа.

Концептуальное поле является одним из эффективных приемов систематизации и описания семантического содержания концепта, позволяет комплексно описать все компоненты, формирующие концепт. Семантическое поле представляет собой последовательное разбиение множества слов на подмножества. Большинство исследователей указывают на значимость данных лексикографических источников для определения понятийного содержания концепта. Нами в основном использован толковый словарь таджикского языка «Фарҳанги забони тоҷикӣ», который следующим образом определяет значение слов миграция «МУҲОЦИРАТ а.. ҳичрат, кӯчидан аз ҷое ба ҷое». - *Мигрировать, переехать из одного места в другое. МИГРАНТ «МУҲОЦИР 1. 1. кӯчида, ҳичрат кардан; 2. касе, ки бо Муҳаммад аз Макка ба Мадина кӯчидааст». – 1.перемеселенец; 2.тот, кто с Мухаммадом ушел из Мекки в Мадину.*

Критерием полного раскрытия содержания концепта является уровень его языковой репрезентации. Актуальность того или иного концепта для определенного языкового сообщества зависит от степени его отражения в лексико-фразеологической системе языка, от количества лексических и фразеологических единиц, репрезентирующих различные области содержательной стороны концепта. Исходя из указанного принципа нами номинативное поле концепта «мигрант» в таджикском языке было описано с помощью ключевого слова-репрезентанта «МУҲОЦИР», его синонимического ряда и дериватов. В результате анализа представленной лексики номинативного поля концепта «мигрант» в таджикском языке, нами определены зоны ближней периферии, средней периферии, дальней периферии и крайней периферии.

Все лексеммы данного поля можно разделить на две группы: в первую группу следует включить слова, связанные с политическими и социальными

причинами миграции, во вторую группу слова, связанные с экономическими причинами миграции. Следует отметить, что концепт мигрант в современной коннотации – явление достаточно новое для таджикского языка. Именно поэтому такие термины, как иммигрант, эмигрант, переселенец обозначены одним словом – мухочир.

К синтагматическим реакциям относятся ассоциации, являющиеся другой частью речи, чем слово-стимул и составляющие со стимулом грамматически оформленные словосочетания. Не относятся к синтагматическим реакциям предложения.

Ассоциаты, актуализирующие синтагматический тип отношений, представлены в основном синтаксической моделью имя существительное + имя прилагательное.: бепул (10) – без денег, даром (мухочири бепул), бехона (2) – бездомный (мухочири бехона), бегона (16) – чужой (мухочири бегона), бекор (2) – безработный (мухочири бекор), бенаво(1) – нищий, бедняк (мухочири бенаво) и т.д.. С формально-грамматической точки зрения все реакции делятся на реакции-словоформы, которые с разных точек зрения были рассмотрены нами выше, и реакции-словосочетания. В анализируемых нами результатах эксперимента представлено 49 реакций-словосочетаний (из 123 реакций-словоформ, 49 реакций словосочетаний и 13 реакций-предложений - всего 186), которые составляют 26,3%.

Реакции-предложения связаны, прежде всего, с отклонениями от условий эксперимента или же умышленной попыткой расширения определения и разъяснения значения слова-стимула с добавлением определенных не совсем значимых сем.

Эксперимент ярко показал, что ассоциативное значение существенно отличается от лексического значения, поскольку в ассоциациях явно проявляется личный опыт носителей языка, их субъективизм, полно отражается национальная языковая картина мира таджиков.

Нами предпринята попытка показать актуализацию концепта «Мухочир/Мигрант» в языковом сознании носителей таджикского языка на

материале, представленном в словарях, в Национальном корпусе таджикского языка и других источниках. Номинативное поле концепта формируют языковые средства, отражающие его на определенном этапе состояния общества, оно состоит из ядра и периферии.

В соответствии с основной семой концепта «Мухочир/Мигрант» - «лицо, совершающее переселение, меняющее местожителство внутри страны или переезжающее из одной страны в другую» в поле концепта входит понятие, которое связано с миграцией, вызванной социальными, экономическими и политическими причинами.

Если исходить из основного определения слова *мигрант* как “лицо, совершающее территориальное передвижение со сменой постоянного места жительства и работы навсегда или на определенный срок”, то можно выделить две семы: перемещение и работа. Исходя из этого, по первому признаку в зоне ближней периферии будет лексема *ҳичрат* – покинувший родину, *хориҷӣ* – иностранец, *гуреза* – беженец, *зайриқонунӣ* – нелегал; по второму признаку – *мардикор* – наемный рабочий, *гастарбайтер*. В зоне дальней периферии по первому признаку включены лексемы *омада* и *мусофир* – приезжий, *бегона* – чужой, по второму признаку лексемы *муздур* - тот кто работает за ежедневную оплату, *яккамардикор* - работник, который работает один, *дахмарда* – наемный пастух. Исходя из сказанного, можно утверждать, что номинативное поле концепта «Мухочир/Мигрант» является коммуникативно-релевантным, обладает высокой плотностью является достаточно актуальным на синхронном уровне для носителей таджикского языка.

В определении значения любого слова достаточно прочное положение занимает сочетаемость данного слова с другими словами, или синтагматический аспект слова, который играет существенную роль как в формировании значения, так и концепта в целом. Значение слова находится в прямой зависимости с сочетаемым окружением. Многие исследователи лексического значения слова утверждают, что только прямое номинативное

значение определяется толковыми словарями, все остальные переносные значения многозначного слова рассматриваются в контексте, в связи с другими словами

Наше исследование синтагматических связей слова «муҳоҷир / мигрант» было основано на материале Национального корпуса таджикского языка, где были определены как статистические данные по словоупотреблению, так и цепь сочетаемости рассматриваемого слова со словесным окружением. НКТЯ дает возможность проанализировать сочетаемостные признаки исследуемого понятия на огромном лексическом материале. Проведенный анализ позволяет нам установить характерную для таджикского языка сочетаемость слова *муҳоҷир(и)*, прежде всего, с прилагательными, дающими реальное представление о коммуникативном значении данной лексемы. Прилагательные в атрибутивной позиции определяют наполняемость концепта, адъективная сочетаемость выставляет свойства концепта.

Синтагматические типы отношений представлены в основном синтаксической моделью имя существительное + имя прилагательное. В структуре значения отдельно выделяется сочетательная ценность слова, которая обусловлена семантической валентностью. Сочетаемостные свойства слова вкупе с его значение находятся в отношении взаимной обусловленности.

В процессе парадигматического и синтагматического анализов концепта «Муҳоҷир/Мигрант» обнаружилось интересное явление, не подчиняющееся установленным критериям теории языка. В анализируемом концепте сформировалось понятие *переселенец*, для которого мы не нашли репрезентации в лексической системе таджикского языка. Даже в таком известном словаре, как словарь Т.Н. Юдиной «Миграция: словарь основных терминов», не дается толкование слова *переселенец*. Однако у нас возникло предположение, что понятия *мигрант* и *переселенец* в сознании и восприятии таджиков имеют существенное различие. Разграничение данных

понятий в научном дискурсе обрело определенное очертание: под мигрантами понимаются лица, покидающие постоянное место жительства в связи с выездом на временные заработки, то есть движимые экономическими мотивами, переселенцы – те, кто мотивирует решение о переезде желанием поменять постоянное место жительства.

Один из самых важных уровней языка (промежуточных уровней) в каждом языке представляет раздел фразеологии. Развиваясь по своим законам, она образует образную систему, отражающую культурные и этнонациональные традиции народа, в определенной степени определяя национальную языковую картину мира. Устойчивые сочетания, вербализуя концепты наравне со словом, в большей степени передают образно-эмоциональную и национально-специфическую составляющие концепта. Вербализация концептов средствами фразеологии позволяет экспрессивно воспроизвести ту или иную мысль, дать эмоциональную оценку определенному феномену. Фразеологические единицы дают возможность глубже понять ценностные ориентации носителей языка по отношению к тем или иным признакам рассматриваемого концепта. Фразеология любого языка является источником специфической культурной информации, где с особой силой проявляется национальная самобытность. Именно во фразеологии наиболее полно и ярко отражается своеобразие жизни носителей конкретного языка.

Фразеологические единицы нами рассмотрены как особые единицы вербализации исследуемого концепта концептосферы таджикского языка.

Одним из продуктивных типов фразеологических единиц таджикского языка являются фразеологизмы изафетной конструкции, которые оформлены изафетом -и. Изафет соединяет определяемое с постпозитивным определением при помощи энклитического показателя, присоединяемого к определяемому слову. Само понятие мигранта в том значении, в котором мы его исследуем, сложилось в течение последних тридцати лет. Поэтому нами приведены устойчивые сочетания, которые могут вызвать споры

относительно их принадлежности к фразеологическим единицам указанного выше типа: *муҳоҷири меҳнати (муҳоҷири корӣ) – трудовой мигрант, муҳоҷири собиқадор – мигрант со стажем, муҳоҷири ботаҷриба – опытный мигрант, муҳоҷири дохилӣ – внутренний мигрант, муҳоҷири гайриқонунӣ – незаконный (нелегальный) мигрант, муҳоҷири қонуншикан – нелегальный мигрант, муҳоҷири сиёсӣ – политический мигрант, муҳоҷири маҷбури – вынужденный мигрант (переселенец), муҳоҷири ихроҷшуда – депортированный мигрант.*

Самое большое количество реакций на слово-стимул «Муҳоҷир/Мигрант» получило слово **ғариб** (114). Следующие устойчивые сочетания подтверждают указанные значения: *ғариб мондан – остаться одиноким, бесприютным; ғариб шудан – скитаться по чужбине; воқеаҳои аҷибу ғариб – необыкновенные происшествия, удивительные события; хонашери майдонғариб – молодец против овец, а против молодца – сам овца.*

В зону ближней периферии вербального поля «Муҳоҷир» при проведении ассоциативного эксперимента попадало слово **коргар** (20) – рабочий. Труд и трудолюбие всегда были и остаются основными характерными признаками представителей этой нации, что очень часто подчеркивается в СМИ стран ближнего зарубежья. Такое отношение к труду нашло полноценное отражение во фразеологической системе таджикского языка: *Аз бекор худо (ҳама) безор – от бездельника даже Бог отрекся; Аз зиндаи бекор мурда беҳтар аст – чем живой бездельника мертвец лучше; Одами бекор — дарахти бебор – безработный человек подобен бесплодному дереву.*

Одну из самых многочисленных реакций получило слово **мусофир** (66) – странник, скиталец. Во фразеологической системе таджикского языка нами найдено два наиболее употребительных фразеологизма с названным словом: *чун мусофир ва ғариб зиндагӣ кардан – жить как странник, бори мусофир дар куча наместонад – поклажа странника на улице не останется.*

Исследование фразеологического фонда показало, что информация об окружающем мире заключена в языке и его фразеологическом фонде, где фразеологизмы раскрывают многие скрытые или забытые знания, а также материальные и духовные ценности носителей языка.

В процессе исследования мы пришли к заключению и разделяем точку зрения многих исследователей относительно того, что анализ только лексико-фразеологического фонда языка не может дать полную картину содержания концепта. Проведенный нами свободный ассоциативный эксперимент наглядно показал актуализацию концепта «Муҳоҷир/Мигрант» в языковом сознании носителей таджикского языка и позволил нам разработать модель ассоциативно-вербального поля концепта и его лексико-фразеологическую репрезентацию. В сознании разных членов общества концепт «мигрант» в зависимости от личных и общественных установок, кругозора, уровня образованности, социальных настроений и других факторов может наполняться разнообразными смыслами. Концептуальное поле является одним из эффективных приемов систематизации и описания семантического содержания концепта, позволяет комплексно описать все компоненты, формирующие концепт. Необходимость анализа концепта «Муҳоҷир/Мигрант» через ассоциативный эксперимент обусловлена тем, что он дает возможность определить те изменения, которые происходят в сознании носителей таджикского языка по отношению к процессу миграции, а также расширит представление о репрезентации концептуального поля искомого концепта в языковом сознании таджиков.

Приведенный в работе анализ показал, что можно создать определенную модель ассоциативно-вербального поля «Муҳоҷир/Мигрант» по принципу количества реакций на слово-стимул. К ядру следует отнести реакции в диапазоне частоты от 115 до 50, к зоне ближней периферии – реакции в диапазоне от 49 до 20, в зону дальней периферии включаются

реакции в диапазоне от 19 до 6, и в зону крайней периферии включаются реакции от 5 до 1.

Исходя из этого, ядро будут составлять следующие реакции (всего 180 реакций): ғариб (114) -1) чужеземец, странник, скиталец, 2) чужеземный, иноземный, 3) бесприютный, одинокий, несчастный; мусофир (66) – 1) приезжий, 2) путник, странник, скиталец.

В зоне ближней периферии (всего 92 реакции): хоричй (30) – иностранец; ғарибй (22) – жизнь на чужбине; коргар (20) – рабочий; мехмон (20) – гость.

В зоне дальней периферии (112 реакций): бегона (16) – чужой; ватангард (10) - не согласный с отечественными условиями жизни; гуреза (16) - беженец; имигрант (8) - имигрант; мигрант (14) - мигрант; мухочир (6) - переселенец, эмигрант; овора (8) – 1) обеспокоенный, озабоченный 2) бродящий, скитающийся; оворагард (10) - бродяга, скиталец, 2) бездомный, странствующий; сайёх (8) - путешественник; саргардон (12) - расстроенный, растерянный, приведенный в смятение; фирорй (12) – беглец; фироркунанда (8) - депортант, эмигрант (8) - эмигрант.

В зоне крайней периферии (34 реакции): бекор (2) - безработный; бенаво (1) - нищий, бедняк; бепарастор (1) - беспризорный, брошенный; босабр (1) - терпеливый, выносливый, выдержанный; ғамгин (2) - опечаленный, огорченный, грустный; ғарибкор (2) - работающий на чужбине и другие. Свободный ассоциативный эксперимент позволил выявить широкий набор языковых средств, репрезентирующих концепт «Мухочир/Мигрант» как базовую категорию миграционного дискурса.

Одним из главных составляющих концепта является его **номинативная плотность**, то есть степень языковой репрезентации определенного концепта – его детализация, вариативность, степень сложности оттенков значения. Высокая номинативная плотность указывает на важность того или иного концепта в концептосфере определенного языка, что обнаружено нами как посредством анализа лексики и фразеологии,

частотности использования в Национальном корпусе таджикского языка, так и по результатам свободного ассоциативного эксперимента.

Концептуальный анализ показал, что наиболее репрезентативной является дистрибуция понятия «Муҳоҷир/Мигрант» и его синонимического ряда. Отбор наиболее частотных определений, употребляемых для характеристики данного понятия, раскрывает концепт «Муҳоҷир/Мигрант». Проведенный выше анализ лексической репрезентации концепта мигрант в таджикском языке подтверждает его многоаспектность. Самую большую группу составляют парадигматические типы отношений, выраженные синонимическими и антонимическими рядами.

Проведенный на базе Национального корпуса таджикского языка анализ синтагматических связей концепта «муҳоҷир/мигрант» в таджикском языке позволяет прийти к определенным выводам как в области семантики, так и частотности словоупотребления, а также многих других аспектов.

В сознании носителей таджикского языка указанный концепт наполняется разнообразными смыслами, что напрямую связано с различными субъективными и объективными условиями, отражающими стереотипы, сложившиеся в социуме.

Номинативное поле концепта «Муҳоҷир/Мигрант» является коммуникативно-релевантным для носителей таджикского языка, обладает высокой плотностью, что свидетельствует об актуальности исследуемого концепта.

Таким образом, по итогам проведенного исследования становится очевидным тот факт, что изменения социально-экономических условий, изменения межгосударственных отношений, государственного устройства влияют на расширение содержательного объёма концепта. В рассматриваемом концепте произошло пополнение содержательного объёма новыми характерными для современных условий характеристиками.

Реально изменилась актуальность рассматриваемого концепта, что выражено во вхождении слов, вербализующие концепт, в активный словарный запас, усилена частотность употребления слов, что доказывается частотностью их использования в Национальном корпусе таджикского языка и других источниках.

Проведенный свободный ассоциативный эксперимент доказал расширенное восприятие рассматриваемого концепта и его осмысление в языковом сознании носителей таджикского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрютина, А.Ю. Особенности лингвокультурного типажа «мигрант». / А.Ю. Абрютина // International Scientific Review. 2017. №8 (39) с. 33-38.
2. Акопов, А. С. Соотношение концепта, концептосферы и концептуального поля. / А.С. Акопов // Студенческая наука XXI века: материалы VI Междунар. студенч. науч.–практ. конф. – Чебоксары: Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2015. - С. 100-103.
3. Алефиренко, Н.Ф. Когнитивная лингвистика: предпосылки, предмет, категории. / Н.Ф. Алифиренко // Вестник Вятского государственного университета. - 2008. - № 2. - С. 75–78.
4. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. / Н.Ф. Алифиренко. - М.: Academia, 2002. - 394 с.
5. Алефиренко Н.Ф. Фразеологическое значение и концепт /Н.Ф. Алефиренко // Когнитивная семантика: Материалы второй международной школы-семинара. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2000. – С. 33–36.
6. Алифиренко, Н.Ф. Спорные проблемы семантики. / Н.Ф. Алифиренко. - Волгоград: Перемена, 1999. - 271 с.
7. Алефиренко, Н. Ф. Теория языка: вводный курс : учебное пособие для студентов филологических специальностей высших учебных заведений / Н. Ф. Алефиренко. - 5-е изд., стер. - М: Академия, 2012. - 383
8. Алефиренко, Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка : учебное пособие / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Флинта : Наука, 2010. – 282с.
9. Аникина, Н. А. Концепт и фразеологизм / Н.А. Аникина // Ученые записки. – Вып. Лингвистика. Межкультурная коммуникация. Перевод / отв. ред. М. П. Брандес, В. И. Провоторов. – Курск: РОСИ, 2002. – С. 7-13.
10. Антология концептов. Т. 1, 2. - Воронеж, 2005.

11. Апресян, Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. – М., 1995. – №1. – С.37-67.
12. Артемова А.Ф. Культурно-национальная специфика английских фразеологических единиц и ее сохранение при переводе: университетские чтения / А.Ф. Артемова. – Пятигорск: ПГЛУ, 2002. – С. 79 – 80.
13. Арутюнова Н.Д. Введение. Логический анализ языка. Ментальные действия / Н.Д. Арутюнова – М.: Наука, 1993. – 176 с.
14. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
15. Архипова, С.В. Ассоциативный эксперимент в психолингвистике / С. В. Архипова // Вестник БГУ. – 2011. – №11. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/assotsiativnyy-eksperiment-v-psiholingvistike> (дата обращения: 9.06.2024)
16. Аскольдов-Алексеев С.А. Концепт и слово / С.А. Аскольдов-Алексеев // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М.: Academia, 1997. - С. 267–280.
17. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 607 с.
18. Ашнин, Е. С. Социолингвистические аспекты межкультурной коммуникации в Германии / Е. С. Ашнин // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9 : Исследования молодых учёных. – 2012. – № 10. – С. 136–138.
19. Бабушкин А.П. Картина мира в концептосфере языка /А.П. Бабушкин // Язык и национальное сознание. Вып. 2. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1999.
20. Бабушкин А.П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления / А.П. Бабушкин // Методические проблемы когнитивной лингвистики: научн. изд. / под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 52–57.

21. Бабушкин А.П. Общеязыковые концепты и концепты языковой личности / А.П. Бабушкин // Вестник ВГУ. Серия 1. – 1997. – № 2. – С. 114–118.
22. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996. – 104 с.
23. Баканов Р.П., Егорова Л.Г., Туманов Д.В. Динамика концепта «мигрант» в конструировании образа «другого» в печатных российских СМИ // Информационное поле современной России: практики и эффекты: Сборник статей XIV Международной научно-практической конференции. - Казань, 2017. - С. 53-62.
24. Балашова Е.Ю. Концептуальное поле как основа моделирования дискурса (на материале текста Евангелия // Фундаментальные исследования. - 2013, № 4 (часть 2). - С. 503–506.
25. Барчукова, К. В. Фразеология в китайском языке / К. В. Барчукова, А. В. Пескова, Е. И. Подкидышева, В. Э. Скромных. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2015. — № 18 (98). — С. 514-517
26. Беседина Н.А. Метод концептуально-репрезентативного анализа в когнитивных исследованиях языка [электронный ресурс]. - <http://score.ac.uk/download/pdf/151221195.pdf>
27. Беседина Н.А. Методологические аспекты современных когнитивных исследований в лингвистике. // Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право. - 2010. № 20, Вып. 14. – С. 31-37.
28. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. - Тамбов: Тамбовский университет, 2001. - 123 с.
29. Болдырев Н.Н., Федяева Е.В. Когнитивные методы исследования в лингвистике: концептуально-инференционный анализ // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. - 2023. - Т. 14, № 3. - С. 686–703

30. Болдырев Н.Н. Принципы и методы когнитивных исследований языка // Принципы и методы когнитивных исследований языка: Сб. науч. тр. - Тамбов, 2008. - С. 11-29
31. Боровицкая Е. И. Полевое моделирование образа мигранта (на примере современной американской литературы) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. - 2020. - Т. 13, № 5. - С. 256–261.
32. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) - М., 1997. – 545 с.
33. Вайсгербер Л. Родной язык и формирование духа. - М.: Изд-во МГУ, 1993. - 257 с.
34. Валеева Д.Р. Методы изучения базовых общечеловеческих концептов (на примере концепта «Дом») // Лингвистические исследования: сборник научно-методических работ / под общ. ред. Н.В. Габдреевой, Г.Ф. Зинатуллиной. – Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2009. –С.22-27.
35. Валеева Д.Р. О методах исследования концепта <https://scipress.ru/archive-articles/?author=Валеева+Динара+Рашидовна>.
36. Варзин Алексей Владимирович. Свобода как языковой и духовный опыт: номинация и концептуализация Ф.М. Достоевского: автореф. дис. канд. филол. наук: спец. 10.02.01. - М., 2003. – 27 с.
37. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов /А. Вежбицкая. – М.: Языки славянской культуры, 2001 – 288 с.
38. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков /А. Вежбицкая. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 780 с.
39. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. - М., 1996. — 416 с.
40. Венжинович Н. Ф. Лингвокультурологический вектор когнитивной фразеологии. // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами: Сборник научных трудов по итогам 3-й Международной научной конференции (Белгород, 19-21 марта 2013 года). – Белгород, 2013. - С. 43-46.

41. Витгенштейн Л. Избранные философские работы. Ч. 1. - М., 1994. - 492 с.
42. Вардомацкий Л.М. Современная ассоциативная лингвистика и ее приложение к решению практических задач // Ученые записки Витебского государственного университета имени П.М. Машерова. – 2022 – Т. 36. – С. 176–181.
43. Воркачёв С.Г. Концепт “счастье” в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа: монография. – Краснодар: Куб. гос. технол. ун-т., 2002. – 237 с.
44. Воркачёв С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачёв //Филологические науки. – 2001. – № 1 – С. 64–72.
45. Воркачёв С. Г. «Куда ж нам плыть?» – лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития// Язык, коммуникация и социальная среда. Выпуск 8. Воронеж: ВГУ, 2010. С. 5-27.
46. Воркачев С.Г. Сопоставительная этносемантика телеономных концептов "любовь" и "счастье" (русско-английские параллели). - Волгоград: Перемена, 2003. - 164 с.
47. Воробьев В. В. Лингвокультурология: (теория и методы). - М. : Изд-во Росс. Ун-та дружбы народов, 1997. - 331 с.
48. Гак В. Г. Национально-культурная специфика меронимических фразеологизмов // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. - С - 260–265.
49. Гамзатов, Г. Г. Лингвистическая планета Дагестан. Этноязыковой аспект освоения / Г. Г. Гамзатов. – М. : Букинист, 2005. – 100 с.
50. Гачев Г. Д. Национальные образы мира: Общие вопросы. Русский. Болгарский. Киргизский. Грузинский. Армянский / Г.Д. Гачев; предисл. Е. Сидорова. – М.: Советский писатель, 1988. – 445с.

51. Гольдин В.Е. Нормативный аспект лексических ассоциаций // Русский язык сегодня. Вып. 4. Проблемы языковой нормы.- М., 2006. - С. 128–137.
52. Городецкая Л. А. Лингвокультурная компетентность личности / МГУ им. М. В. Ломоносова. Фак. иностр. яз. и регионоведения. - М., 2007. - 223 с.
53. Горошко Г. И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. – Харьков; М.: Изд. группа «РА - Каравелла», 2001. - 320 с.
54. Грамматикаи забони адабии хозираи тоҷик – Ибораҳо ва Синтаксиси ҷумлаҳои сода. – Душанбе: Дониш, 1986 – Ҷ. 1 – 356 с., Ҷ. 2 – 372 с.
55. Гумбольдт В. Язык и философия культуры: перевод с немецкого языка . - Москва: Прогресс, 1985. - 451 с.
56. Гутовская, М. С. Три вида этноспецифичности во фразеологии: этнолингвистическая, этнокультурная и этнокогнитивная специфичность / М. С. Гутовская // *Respectus Philologicus (Lithuania)*. – 2015. - №27 (32). - С.156-165.
57. Давлатмирова М.Б. Национально-специфические особенности макроконцепта “Судьба” в различных лингвокультурах (на материале таджикского, арабского и языков шугнано-рушанской группы. – Душанбе, 2020. – 182 с.
58. Добровольская Е.В. Концептуализация семьи в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. - М., 2005. - 320 с.
59. Добрыднева Е.А. Стилистическая дифференциация фразеологизмов в культурно-национальном аспекте: доклады VI международной конференции «Семантика языковых единиц». / Е.А. Добрыднева. - М., 1998. – С. 248 – 250.
60. Долинский В. А. Моделирование вербальных ассоциативных полей в квантитативной лингвистике: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук.: 10.02.19 / Долинский В.А. – М.: Моск. гос. лингвист. ун-т., 2012. – 60 с.

61. Дружинина М.В. О роли языковой образовательной политики университета в процессе развития миграционной политики // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: медиационные практики: монография. – Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2019. – С. 102–156.

62. Дубовский Ю.А., Заграевская Т.Б. Модель исследования аксиологического образа мигранта в русской лингвокультуре Северного Кавказа // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2017. - Т. 19, №4. - С 81 – 90.

63. Дубровская Т. В. О проблеме метода в современной лингвистике и лингводидактике // Современные направления в лингвистике и преподавании языков: проблема метода: Сборник научных статей по материалам III Международной научно-практической конференции(г. Пенза, 24-27 апреля 2019 г.) В 2-х томах. Т. 1. Методы в лингвистике. – Пенза. - С.3-4.

64. Еремина Н.К. Языковая репрезентация художественного концепта "power" (власть) в романе р.п. уоррена "вся королевская рать". // Вестник Пензенского государственного университета. №3, 2014. – С. 19-25.

65. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим, 2010. - 486 с. [URL:www.http://rus-yaz.niv.ru/doc/linguistic-dictionary/index.htm](http://rus-yaz.niv.ru/doc/linguistic-dictionary/index.htm)

66. Зализняк А. А. Многозначность в языке и способы ее представления: монография. – М.: Яз. славян. культур, 2006 (Самара: Самарский Дом печати). - 671 с.

67. Зубарева Екатерина Олеговна. Моделирование концептуального поля «миграция»: дис. на ... канд. филол. наук, спец. 10.02.19. Пермь, 2019. - 216 с.

68. Зубарева Е. О. Актуальные проблемы лингвистики. Лингвистическое моделирование концептуального поля МИГРАЦИЯ: учебное пособие [Электронный ресурс] / Е. О. Зубарева ; Пермский

государственный национальный исследовательский университет. –Пермь, 2024. – 2,75 Мб ; 130 с.

69. Зубарева Е. О., Шустова С. В., Исаева Е. В. Концептуальное поле в современной лингвистической парадигме//Евразийский гуманитарный журнал - 2019. - № 3. – С. 17-26

70. Зубарева Е. О. Концепт «мигрант» в миграционном дискурсе (на материале свободного ассоциативного эксперимента) // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики.- 2018 – Т.4, №4. - С. 30-41.

71. Зубарева Е.О. Модель миграционного дискурса // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2019. - 5 (1). – С. 35–45.

72. Исина Г.И. Фразеологические сравнения в системе английской фразеологии: монография. -Караганда: Изд-во КарГУ, 2005.- 178 с.

73. Искандарова Д.М. Языковая ситуация в Таджикистане: этноконтактные зоны. // Русич. Лингвистика и язык. - 2023. № 74. – С. 319-338.

74. Искандарова Д. М. Фазовые значения как компонент поля аспектуальности в таджикском языке в сопоставлении с телугу : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.20. - Душанбе, 1997. - 333 с.

75. Искандарова Д. М. Исследование ассоциативного поля толерантности в молодежной среде Таджикистана // Международный журнал экспериментального образования. – 2015, №8. – С.379-390.

76. Кадачиева Х.М., Абдулкадырова А.Б. Системные и структурные характеристики концептосферы//Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. - 2019. Т. – 34, вып. 3. - С. 65-69.

77. Карасик В.И. Лингвокультурный типаж: к определению понятия / В.И. Карасик, О.А. Дмитриева // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы: Сб. науч. тр. / под ред. В.И. Карасика. Волгоград: Парадигма, 2005. - С. 5-25.

78. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — М.: Гнозис, 2004. - 390 с.
79. Карасик, В. И. Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики / В. И. Карасик. Волгоград: Перемена, 2002. – 342 с.
80. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976. 356 с.
81. Касаткина Н. Н. Свободный ассоциативный эксперимент лексемы «мигрант» как показатель роста интолерантности среди учащихся. Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016 № 1(55): в 2-х ч. Ч. 2 С. 132-134.
82. Касаткина Н. Н., Смирнова Д. А. Построение номинативного поля концепта «Мигрант» на материале статей онлайн-версий российских газет 2010–2011 и 2015–2016 гг. // Социальные и гуманитарные знания. 2017. Том 3, № 1. С. 69-75.
83. Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (Универс., типовое и специфич. в яз.). — М. : Изд-во МГУ, 1992. — 335 с.
84. Климкова Л. А. Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук [Текст] / Л. А. Климкова. — М., 2008 – 65 с.
85. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии коды культуры / М. Л. Ковшова; Российская акад. наук, Ин-т языкознания. — Изд. 3-е. — Москва : ЛЕНАНД, 2015, (макет 2016). — 453 с.
86. Ковшова М. Л. Словарь лингвокультурологических терминов: идея, принципы, схема, опытный образец. // Язык, сознание, коммуникация: Сб. Статей. М.: МАКС Пресс, 2013. – С. 48-57.
87. Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами // Сборник научных трудов по итогам 3-й Международной научной конференции (Белгород, 19-21 марта 2013 года) Белгород 2013. 519 с.

88. Колесов В. В. «Жизнь происходит от слова...» / В.В. Колесов. - Санкт-Петербург: Златоуст, 1999. - 368 с.
89. Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. - 2-е изд. - М.: URSS, 2005. - 230 с.
90. Конькова Е.Н. Концепт, понятие и значение как важнейшие единицы в исследовании языковых сущностей // Разноуровневые характеристики лексических единиц: Сб. науч. статей по материалам докладов и сообщений конференции. Ч. 1. Лексика и фразеология. Терминология. – Смоленск: СГПУ, 2001. – С. 3-7.
91. Корнева А. М. Фразеологизмы как отражение мировоззренческой и культурной разницы между Востоком и Западом: Россия, Запад, Восток: диалог культур. // Сб. статей Первой Международной молодежной научно-практической конференции / сб. ст. / отв.ред. С. К. Гураль. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. — 392 с.
92. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. - М.: ЧеРо, 2003. — 349 с.
93. Короткина Е.Д. Кросскультурное исследование отношения к деньгам у представителей разных национальностей. // Психология в экономике и управлении. – 2009. - № 1. - С. 105-111.
94. Кошарная С.А. К вопросу о языковом символизме // Единство системного и функционального анализа языковых единиц. Материалы межвуз. конф. (8–9 декабря 1997 г. Белгород. - Белгород: Изд-во «Белгородский государственный национальный университет», 1998. - Вып. III. - С. 90–91.
95. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. - Волгоград. "Перемена", 2001. – 495 с.
96. Красавский Н. А. Концепт “Zorn” в пословично-поговорочном фонде немецкого языка // Теоретическая и прикладная лингвистика. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. Вып. 2. Язык и социальная среда / отв. ред. В. Б. Кашкин. – 162 с.

97. Краткий словарь когнитивных терминов. - М.: Изд-во Мос. гос. ун-та, 1996. - 245 с.
98. Крушевский Н.В. Избранные работы по языкознанию Сост. Ф.М. Березин. – М.: Наследие, 1998. – 296 с.
99. Крыга Т.И. Использование ассоциативно-вербального поля в практике преподавания языка в вузе и школе // Русский язык: система и функционирование (к 70-летию филологического факультета): сб. материалов IV Междунар. науч. конф. (г. Минск, 5–6 мая 2009 г.): в 2 ч. Ч. 2. - Минск: РИВШ, 2009. – с. 152–155.
100. Крючкова, Н. В. Методы изучения концепта / Н. В. Крючкова // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского университета (Казань, 4-6 октября 2004 г.): труды и материалы под ред. К. Р. Галиуллина. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2004. – С.271-272.
101. Крючкова, Н.В. Лингвокультурное варьирование концептов. - Саратов: Научная книга, 2005. -165с.
102. Кубрякова Е. С. О разных подходах к изучению СМИ / Е. С. Кубрякова //Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования: сб. науч. тр. – М., 2001. – С. 61-62.
103. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов. - М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. - 245 с.
104. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука / Е.С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1994. – №4. – С. 34–47.
105. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. – М.: Знак, 2012. – 208 с.
106. Кубрякова Е.С. Обеспечение речевой деятельности и проблемы внутреннего лексикона / Е.С. Кубрякова // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. – М: Наука, 1991. – С. 82–140.

107. Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира / Е.С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в познании и языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 141–172.
108. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке. - М.: Языки славянской культуры, 2004. - 560 с.
109. Кудин О. В. К определению понятия «мигрант» в российском законодательстве // Вестник экономической безопасности. - 2022. - № 2. - С. 108–110. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-2-108-110>.
110. Курбонова Х. Х. Национально-специфические особенности концепта "Сабр" (Терпение) в таджикской и русской этнолингвокультурах. Дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.20. — Душанбе, 2021. – 197 с.
111. Лакофф Д. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении /пер. с англ. И. Б. Шатуновского. - М.: Языки славянской культуры, 2004. - 792 с.
112. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. - М.: Смысл, 2002. - 450 с.
113. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. / А.Н. Леонтьев. - 2-е изд. – М.: Политиздат, 1977. - 304 с.
114. Лихачёв Д.С. Концептосфера русского языка // Изв. РАН – СЛЯ – 1993. - №1. - С. 3–9.
115. Магировская О. В. Особенности концептуализации и категоризации мира в рамках когнитивной деятельности наблюдателя // Вестник Челябинского государственного университета. - 2008. - № 21. - С. 105–114.
116. Макс Планк (1858-1958): сборник к столетию со дня рождения Макса Планка /под ред.: А. Ф. Иоффе, А. Т. Григорьяна. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. - 276 с.
117. Малгожата Лучик. Концептуальная, языковая и поэтическая картины мира: общечеловеческое, национальное и индивидуальное. // Гуманитарный вектор. – 2019. - Т. 14. - № 5. - С. 8-15

118. Мартинович Г. А. Вербальные ассоциации в ассоциативном эксперименте. - СПб., 1997. -35 с.
119. Маруневич Оксана Викторовна. Концепт «иностранец»: лингвокогнитивный и аксиологический аспекты (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... кан. филол. наук. Спец-ть 10.02.20. - Пятигорск, 2010. - 32 С.
120. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. Пособие / Маслова В.А.. - 3-е изд., испр. – М.: Флинта, 2007. – 293с.
121. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. - М.: Издательский центр «Академия», 2001. - 208с.
122. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. - Ростов-на-Дону, 2010. - с. 21-22. <https://ponjatija.ru>
123. Мачидов Х. Фразеологияи забони хозираи тоҷик. – Душанбе: УДТ, 1982. – 104 с.
124. Маджидов Хамид. Фразеологическая система современного таджикского литературного языка: дис. ... д-ра филол. наук. Спец-ть 10.02.08. – Душанбе, 1995. – 472 с.
125. Миграционная лингвистика в современной научной парадигме. - Пермь, 2019. - 162 с.
126. Михайлова, Ю. Н. Об эволюции лексикографического представления концепта / Ю. Н. Михайлова // Известия Уральского государственного университета. – 2003. – № 28. – С. 181-191.
127. Михельсон, М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии: Сб. образных слов и иносказаний: в 2 т. - М., 1994. - 1614 с.
128. Митяева, А. П. К вопросу о лингвокогнитивном и лингвокультурологическом подходах к изучению концептов // Молодой ученый. — 2015. — № 10 (90). — С. 1420-1423.
129. Мокиенко, В.М. Славянская фразеология. Высшая школа, 1989 – 286 с.

130. Молчанова Г. Г., Тарбеева О. В. Лингвокультурные концепты и паремическое моделирование // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: Сб. научных трудов. – М.: Институт языкознания РАН, 2007. – С. 42-59.
131. Нечаева Е. Ф., Мареева Е. А. Когнитивный и лингвокультурологический подходы к определению концепта// Альманах современной науки и образования. - Тамбов: Грамота, 2007. - № 3, ч. 3. - С. 164-167.
132. Новиков Л.А. Избранные труды. Проблемы языкового значения. М.: Изд-во «Российский университет дружбы народов», 2001. - Т. 1. - 672 с.
133. Пенягина Елена Борисовна. Содержание и структура концептов «аптека», «деньги», «здоровье»: лингвокогнитивный анализ: дис. ... канд. филол. наук. Спец-ть 10.02.19. – Пермь, 2022. - 208 с.
134. Пименова М.В. Душа и дух: особенности концептуализации. - Кемерово: ИПК «Графика», 2004. - 386 с.
135. Планк М. Избранные труды / М. Планк. – М.: Наука, 1975. - 788 с.
136. Плюгина И. В. Понятие мигранта и основные категории мигрантов // Журнал российского права. - 2007. -№ 8. - С. 107–115.
137. Полный словарь лингвистических терминов. - Ростов-на-Дону, 2010. - С. 21-22. <https://ponjatija.ru>
138. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. - М., АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314 с.
139. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике/ З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2001. - 191с.
140. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. - Воронеж: Истоки, 2007. - 251 с.
141. Попова З. Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика: учебное издание / З.Д. Попова, И.А. Стернин; Федеральное агентство по образованию, Воронежский гос. ун-т. – М.: АСТ: Восток - Запад, 2009. - 314 с.

142. Попова Л.В. Подходы к определению концепта// Вестник Челябинского государственного педагогического университета. - 2013. - № 4.– С.309-316.
143. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. – Воронеж, 2002. - 313 с.
144. Попова Н.С. Организация социально-языковой адаптации мигрантов на основе формирования осознанности. // Миграционная лингвистика. – 2021. - № 3. - С. 75-81.
145. Почуева Н.Н. Фразеологический концепт: сущность и структура (на материале русского и английского языков) // European science № 8(30) Report. II. - Warsaw, 2012. - С. 46-49.
146. Прохоров Ю.Е. К проблеме “концепта” и “концептосферы” // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. - М.: МАКС Пресс, 2005. - Вып. 30. – С. 74 -94.
147. Прядохин М. Г., Прядохина Л. И. Краткий словарь недоговорочно-иносказаний современного китайского языка (现代汉语歇后语用法小词典), - М.: изд-во Муравей, 2001. - 116 с.
148. Путина О. Н. Функционирование неологизмов в процессе глобализации и миграции (на примере русского и английского языков) // Миграционная лингвистика. – 2021. - № 3. - С.67-72.
149. Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета: учебное пособие. – М.: «Флинта», 2016. - 431 с.
150. Рахилина Е.В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики // Известия АН. Серия лит-ры и языка. - 2000. Т. 59, № 3. - С. 3-15
151. Романова О. Б. Понятия «мигрант» и «переселенец»: теоретические особенности и социальная реальность // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2013. - № 1. - С. 35-38.

152. Русский семантический словарь: толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Имена существительные с конкретным значением. Т. 2. – М., 2002. – 672 с.

153. Савченко Е.П. Британская национальная языковая картина мира, отражённая в романах Я. Флеминга и в их переводах на русский язык.// Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». - 2011. - № 3. – С. 186-192.

154. Серебренников Б.А. Как происходит отражение картины мира в языке? / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др.// Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира – М.: Наука, 1988. – 216 с.

155. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов. – М.: Academia, 2000. – 141 с.

156. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: дис. ... д-ра филол. наук. - Волгоград, 2004. -348 с.

157. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. - М., 1997. - С. 40-76.

158. Степенко В. Е., Пацкевич В. С. Теоретико-правовая категория «мигрант»: некоторые подходы к определению понятия // Миграционное право. - 2020. - № 3. (Доступ из СПС «КонсультантПлюс»).

159. Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. / И.А. Стернин – Воронеж: Воронеж, ун-т, 1985. – 170 с.

160. Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта /И.А. Стернин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научн.изд. / под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: ВГУ, 2001. – 182 с.

161. Стернин И.А. Структурные компоненты значения слова / И.А. Стернин // Русистика и современность: Материалы VII междунар. науч.-прак. конф. Т. I. –СПб, 2005. – С. 30–39.

162. Тарасов Е. Ф. Язык и сознание: парадоксальная рациональность. Методологические проблемы сознания / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 560 с.

163. Тарасова Ирина Анатольевна. Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте (на материале поэзии Г. Иванова и И. Анненского): дис. ... д-ра филол. наук. Спец-ть 10.02.01. - Самара, 2004. - 484 с.
164. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В.Н. Телия // Фразеология в контексте культуры. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – С. 87 – 101.
165. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. - М., 1996. – 285 с.
166. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие для студентов, аспирантов и соискателей по спец. "Лингвистика и межкультурная коммуникация". - М., 2000. - 262 с.
167. Токарев, Г.В. Концепт как объект лингвокультурологии (на материале репрезентаций концепта «труд» в русском языке) / Г.В. Токарев. —Волгоград: Перемена, 2003. — 232 с.
168. Уфимцева Н. В. Сопоставительное исследование языкового сознания славян// Методологические проблемы когнитивной лингвистики. - Воронеж. 2001. – С. 65-71.
169. Фарҳанги забони тоҷикӣ: иборат аз 2 ҷилд. Пажӯҳишгоҳи забон ва адабиёти ба номи Рӯдакӣ. - Душанбе, 2008. Ҷилди 1 А – Н 950 с.; ҷ. 2 О – Я. - 1095 с.
170. Фразеологические сочетания гуаньюньюй в современном китайском языке [Электронный ресурс] / 万事如意. Полезные и интересные статьи о Китае на сайте востоковедов Подчерниных Анны и Виктора. - URL: <http://wan-shi-ru-yi.com/kitayskiy-yazyik/frazeologicheskie-sochetaniya-guanyunyuy-v-sovremennom-kitayskom-yazyike>
171. Фрумкина Р.М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? // Язык и наука конца XX века. – М., 1995.- С. 75-85.
172. Фрумкина Р.М. Психолингвистика: учебник. - М.: Академия, 2001. - 320 с.

173. Халупо О. И. Особенности отражения культурных ценностей во фразеологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. - № 4 (22). Ч. 1. - С.214-216.

174. Хефни, Халфаллп Абдалхафиз. Языковая картина мира в современных лингвокультурологических исследованиях / Халфаллп Абдалхафиз Хефни. // Молодой ученый. — 2019. — № 21 (259). — С. 578-580. — URL: <https://moluch.ru/archive/259/59463/> (дата обращения: 09.01.2024).

175. Хушенова С.В. Изафетные фразеологические единицы таджикского языка. – Душанбе: Дониш, 1971. – 190 с.

176. Хушенова С, В. О соотношении фразеологических и терминологических единиц // Восточная филология: Характерологические исследования. - М., 1971.- С. 71-82.

177. Шанский Н. М.. Фразеология современного русского языка— М.: Высш. шк., 1985. — 160 с.

178. Шапилова Н.И. Ассоциативно-семантическое поле как основа реконструкции содержания концепта / Н.И. Шапилова // Мир человека и мир языка. Сер. Концептуальные исследования. Вып. 2. - Кемерово, 2003. – С. 63-70.

179. Ши Лю. Культурные коннотации образа восприятия эмигрантов в китайском этническом сознании 20–40-х годов XX века на материале китайской литературы и публицистики. // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2020. - Vol. 25, No. 4. - С. 671–681.

180. Шмаков В.С. Структура исторического знания и картина мира. - Новосибирск: Наука, 1990. -184 с.

181. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики: на материале русского языка. - М.: Наука, 1975. - 280 с.

182. Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. – М.: Просвещение, 1964. - 244 с.

183. Шустова С. В. Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: медиационные практики. - Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2019. 180 с.
184. Шустова С. В., Зубарева Е. О. Концепт МИГРАНТ в контексте лингвотолерантности (на материале свободного ассоциативного эксперимента) // Теоретическая и прикладная лингвистика. - 2022. - Вып. 8, № 4. - С.197–204.
185. Юдина Т. Н., Бесфамильный Д.А.. Этнонациональный дискурс мигрантов в социальных сетях на примере таджикских и киргизских виртуальных сообществ на платформе «ВКонтакте» // Цифровая социология. - 2023. - Т. 6, № 3. - С. 62–72.
186. Эйнштейн А. Собрание научных трудов: в 4 т. (1965-1967). Т. 4. - М.: Наука, 1967. - 632 с.
187. Янмурзина Р.Р. Когнитивная лингвистика и лингвокультурология: черты и различия// Вестник Башкирского университета. - 2014. Т. 19. №1. – С. 132-135.
188. Ясин А. М. Языковая картина мира и национальный менталитет Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2012. -Т. 25 (64), № 1, ч. 1. - С. 477-480
189. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. Ибораҳо ва синтаксиси ҷумлаҳои сода. – Душанбе: Дониш, 1986. – Ҷ. 1. – 356 с., Ҷ. 2. – 372 с.
190. Basch L., Glick Schiller N., Blanc-Szanton C. Nations Unbound: Transnational Projects, Postcolonial Predicaments, and Deterritorialized Nation-States. London; New York: Routledge, 1994. 344 p.
191. Li Dingsheng. Xiàndàiyǔ cídiǎn [李鼎声. 现代语辞典]. Shanghai, Guangming shudian, 1933. 312 P.
192. Shrivastava, O.S. 1983. Uchebnik po demografii. — Izdatel'skij dom \"Vikas\", Pvt. Ltd, N'yu-Deli. 157 с.

193. Sinha, B.R.K. Human migration: concepts and approaches. - Földrajzi Értésítő 2005. LIV. évf. 3-4. füzet, pp. 403-414.

Электронные ресурсы:

194. <https://www.dissercat.com/content/kontsepty-lyubov-i-nenavist-v-russkom-i-amerikanskom-yazykovykh-soznaniyakh> (дата обращения 1.06.2024).

195. <https://cyberleninka.ru/article/n/psiholingvistika-i-kontseptologiya>

196. <http://score.ac.uk/download/pdf/151221195.pdf>.

197. <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/2087463>

198. <https://scipress.ru/archive-articles/?author>

199. <http://cyberleninka.ru/article/n/assotsiativnyy-eksperiment-v-psiholingvistike>

200. <http://score.ac.uk/download/pdf/151221195.pdf>

201. <https://ponjatija.ru>

202. <https://www.dissercat.com/content/kontsepty-lyubov-i-nenavist-v-russkom-i-amerikanskom-yazykovykh-soznaniyakh>

203. <https://cyberleninka.ru/article/n/psiholingvistika-i-kontseptologiya>